

С. Я. ЛУРЬЕ

М. Н. БОТВИННИК

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕМОКРИТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Демокрит — величайший ученый Древней Греции. Он жил в городе Абдеры более 2000 лет назад и был одним из первых философов–материалистов мира.

Он много путешествовал по странам Востока и написал немало сочинений по физике, математике, поэзии.

Вместе со своим учителем Левкиппом он пришел к выводу, что мир состоит из вечно движущихся частичек — атомов. Это была гениальная догадка.

Лишь более чем через 2000 лет ученые сумели доказать, что материя состоит из атомов.

О необычайных приключениях и путешествиях древнегреческого философа рассказывают в этой книге известный советский ученый–историк С. Я. Лурье и его ученик М. Н. Ботвинник.

- С. Я. Лурье, М. Н. Ботвинник

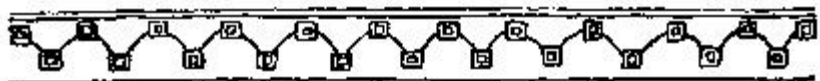
-
- БЕЛЫЙ ДЕЛЬФИН
- МУДРЕЦ ИЗ МИЛЕТА
- КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ
- КАКОЙ ЯЗЫК САМЫЙ ДРЕВНИЙ?
- ПИР У АРКЕСИЛАЯ
- ЖИВОЙ БОГ
- У КАЖДОГО СВОИ ОБЫЧАИ
- ДИАГОР ПИШЕТ ПИСЬМО
- ПРОПАВШИЙ ПАПИРУС
- ВСТРЕЧА С ГИППОКРАТОМ
- ГДЕ ТЫ, ЛЕВКИПП?
- РАБ В КОРОНЕ
- РАССКАЗ ОБ АХИКАРЕ ПРЕМУДРОМ
- ЖРИЦА БОГИНИ МИЛИТТЫ
- ВОЛШЕБНЫЙ ФИРМАН
- ПРЕДАТЕЛЬ
- ЧЕРЕПАХА СВАЛИЛАСЬ С НЕБА
- КАК МЫ "ВАРИЛИ" ЭТУ КНИГУ

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22

С. Я. Лурье, М. Н. Ботвинник
ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕМОКРИТА

✧ С. Я. ЛУРЬЕ ✧
✧ М. Н. БОТВИННИК ✧

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕМОКРИТА

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА · 1964

Было еще раннее утро, но жара становилась уже невыносимой. По берегу Средиземного моря в дельте Нила шли два путника. Внешне они отличались мало. Оба молодые, хорошо и опрятно одетые. Однако, присмотревшись, легко было догадаться, что положение их было различным. Первым шел невысокий человек с небольшой бородкой, красиво обрамлявшей его энергичное лицо, руки его были свободны, белая войлочная шляпа прикрывала голову, на ногах — красивые сандалии, искусно переплетенные ремни которых почти полностью прикрывали пальцы. Вторым путник, совсем еще юный, нес на плече небольшой тюк. На нем был круглый колпак, короткая, до колен, рубаша оставляла обнаженной правую руку и плечо. У кисти тускло поблескивало бронзовое кольцо, на котором можно было разобрать слова «принадлежит Дамасиппу». Одной рукой раб придерживал ношу, а другой часто смахивал с бронзового от загара лица обильный пот. Господину было тоже жарко, но он неумоимо шел вперед, с интересом поглядывая по сторонам. Раб старался не отставать.

Вскоре они нагнали богато одетого человека, который, угадав в них греков, спросил:

— Вы тоже идете смотреть на дельфина?

Хозяин раба замедлил шаги.

— Да, — ответил он, — я лишь вчера приплыл в Египет, но

уже столько наслышался об этом дельфине, что решил обязательно на него посмотреть.

— На этого дельфина действительно стоит посмотреть, — сказал незнакомец. — Говорят, он белый, огромный и, возможно, это такой же божественный дельфин, как тот, который, по словам древних, вынес на своей спине тонущего в море Орфея^[1] и поэта Ариона Лесбосского^[2]. Я уже давно думал, что божественные дельфины должны быть снежнобелого цвета и много крупнее обычных. Нам представилась возможность своими глазами увидеть настоящее чудо.

— Не верю я в божественность дельфина, даже если он белый и огромный! Возможно, дельфины спасают людей и возят их на себе, как лошади, но при чем же тут белый цвет?! Рождаются ведь белые кони, белые быки, а здесь, в Египте, я видел даже белую кошку. Никогда не думал, что эти редкие животные тоже бывают белыми, однако ничего чудесного в этом не вижу.

— Если я, известный на Самосе мудрец Архипп, говорю тебе, что белый цвет — признак божественности, то это так и есть! — рассердился незнакомец. — Недаром мы, пифагорейцы, постоянно носим белую одежду. Я вдвое старше тебя и прочел столько трудов древних мудрецов, сколько тебе и не снилось. А ты чем занимаешься? Наверное, купец?

— Нет, — ответил хозяин раба. — Я не купец, но и не мудрец. Пока я только учусь чужой мудрости, а сам еще знаю мало.

— Так почему же ты не хочешь верить в божественность белого дельфина? — спросил Архипп.

— Слишком много слышал я подобных басен, — заметил хозяин раба.

— Что же за басни ты слышал? — заинтересовался Архипп.

— Вот еще у себя на родине мне рассказывали о необычайной сообразительности одного дельфина, который не только понимал, но даже умел разговаривать по-гречески. Однажды этот дельфин спас тонущего в море раба, посадил его на спину и повез в Афины.

Когда вдали показалась афинская гавань Пирей, дельфин вдруг спросил у раба:

«А ты афинянин?»

Не желая признаваться, что он простой раб, спасенный гордо ответил:

«А как же! Мои родные щедро отблагодарят тебя, когда ты доставишь меня домой».

«А знаком ли тебе Пирей?» — спросил тогда дельфин.

«Еще бы! — воскликнул раб. — Он тоже мой родственник».

Умный дельфин понял, что везет хвастуна, нырнул и утопил

лжеца.

— Ты, я вижу, шутник, — криво усмехнулся Архипп. — Однако над богами я тебе смеяться не советую. До добра это не доведет.

— Я пришел сюда не для того, чтобы смеяться. Мне просто хотелось узнать, чем этот дельфин отличается от всех остальных.

— Если мне будет позволено высказать свое мнение, — заметил вдруг раб, — я бы предложил такое объяснение: наверно, мать этого дельфина жила в той части моря, где много белых скал. Древние мудрецы и, говорят, даже сам Пифагор утверждают, что ребенок рождается похожим на тот предмет, который постоянно был перед глазами матери. Рассказывают, что жена эфиопского царя Сабтаха любила смотреть на белую мраморную статую и у нее родилась совершенно белая дочь, хотя и отец и мать были черными.

— Однако твой раб — образованный человек, — заметил Архипп.

— Диагор очень неглупый человек, — согласился незнакомец. — Он родился в благородном семействе, изучал в детстве греческих поэтов и был воспитан в строгих религиозных правилах. Но его родной город был взят и разрушен, Диагора продали в рабство, и мой отец приобрел его на рынке рабов в Азии. Братья приказали Диагору сопровождать меня в путешествии. Он на редкость понятлив, и я считаю его скорее учеником, чем слугой. Но объяснение его мне не нравится. Люди охотно рассказывают о таких удивительных случаях, но все-таки чаще всего ребенок похож на своих родителей.

— Белый дельфин безусловно божественное животное, — упрямо повторил Архипп. — Белый цвет — принадлежность избранных.

— Как ты можешь думать, что я поверю этому без всяких доказательств? — рассердился господин раба. — Потом ты еще потребуешь, чтобы я уверовал и в учение Пифагора о переселении душ, которым вы морочите голову наивным людям.

— Как? Ты не веришь в переселение душ?

— Конечно, нет.

— Куда же, по-твоему, девается душа, когда умирает человек?

— Она умирает вместе с человеком!

— А ты видел когда-нибудь мертвую душу? — спросил Архипп.

— Не видел. Но и ты ведь не видел души — ни живой, ни мертвой.

— Мертвой души и не может быть, — снисходительно сказал

Архипп. — Когда человек умирает, погибает только его тело — тюрьма, в которой была заключена его бессмертная душа. Эта душа покидает своего хозяина и переселяется в животное. Души добрых людей попадают в благородных зверей, а злых — во всяческих гадов: змей, скорпионов, ящериц... Поэтому-то мы и учим, что убивать и тем более есть животных грешно: можно случайно убить или съесть собственного отца.

Громко споря, Архипп и господин раба шли вдоль берега, а следом за ними, внимательно прислушиваясь к разговору, шагал Диагор. Все трое были настолько поглощены предметом спора, что не замечали ни палящего солнца, ни невыносимой жары.

Они едва не прошли мимо того места, ради которого совершали свою утомительную прогулку.

На песчаном берегу были разбросаны какие-то ящики, доски, обломки мачт, веревки. По-видимому, буря выбросила здесь остатки судна, потерпевшего кораблекрушение. Все представлявшее какую-либо ценность уже было расхищено, так как несчастье произошло несколько дней назад.

— Стойте! — воскликнул Архипп. — Вот оно — чудо, созданное богами!

Путники остановились. На песчаной отмели неподалеку от обломков корабля лежал труп огромного дельфина необычайного синевато-белого цвета.

— Мда, — сморщил нос раб. — Довольно вонючее чудо создали боги...

И действительно, труп, лежавший на солнце, испускал сильное зловоние. Но на хозяина раба отвратительный запах, казалось, не произвел никакого впечатления. Ступая по мелкой воде, он подошел к дельфину и внимательно осмотрел его. Затем, обойдя животное со всех сторон, измерил его длину, величину плавников и все старательно записал. Потом он достал нож и стал разделять дельфина, исследуя внутреннее строение животного. Ужаснейший смрад распространился вокруг. Пифагореец и раб в страхе попятнулись.

— Эй, Диагор, помоги-ка мне! — услышал раб голос хозяина.

Диагора передернуло от отвращения, но он не посмел ослушаться и подошел к хозяину. Вдвоем они разрубили голову животного и обнажили его мозг.

— Ну и ну! — удивленно воскликнул незнакомец.

Мозг дельфина очень походил на человеческий: он имел шаровидную форму и был покрыт многочисленными извилинами.

— А вот и нос! — радостно воскликнул хозяин раба, продолжая исследовать череп дельфина и обнаружив между глаз небольшое дыхательное отверстие.

В теле животного Диагор нашел легкие, почти не отличающиеся от тех, которые имелись у животных, обитавших на земле.

— Архипп, — позвал хозяин раба, — иди сюда! Я покажу тебе кое-что интересное.

— А что? — спросил Архипп, не выказывая ни малейшего желания двинуться с места.

— Да иди же сюда!

— Не хочу! — И Архипп, отойдя еще дальше, устроился в тени скалы.

Тогда хозяин раба, ополоснув в воде нож и помыв руки, сам направился к скале.

— Зря ты не подошел, — сказал он, обращаясь к Архиппу. — Тебе было бы интересно осмотреть легкие и мозг дельфина. Становится понятно, почему дельфины поражают своим умом. У них такой развитый мозг, что, может быть, они и вправду способны понимать музыку. Вместо жабр у них легкие, а значит, как и мы, они задыхаются от долгого пребывания под водой. Я сам видел, как стадо дельфинов помогало плыть своему раненому сородичу, не давая ему потонуть и все время выталкивая его на поверхность. Точно так же дельфины могли поступить и с тонущим пловцом — вытолкнуть его из глубины и даже подставить ему спину, чтобы удержать на поверхности. По собственному опыту они знают, что существовать без воздуха невозможно. Теперь я не вижу ничего чудесного в рассказе о спасении Ариона дельфином. Не бойся замарать руки, и ты узнаешь причины многих чудес — это говорю тебе я, Демокрий, сын Дамасиппа.

— Демокрит, сын Дамасиппа? — изумленно переспросил Архипп. — Да не из Абдер ли ты?

— Да... А откуда ты меня знаешь?

— Не ты ли ученик нечестивца Левкиппа из Милета, который не верит в чудеса? Так вот, чтобы посмеяться над вами, маловерами, Посейдон сотворил настоящее чудо. Когда я плыл сюда на корабле, кормчий, узнав, что я собираюсь потом в Грецию, передал мне кусок папируса, который они подобрали на берегу вместе с обломком мачты. Он просил передать его Демокриту из Абдер. Я все думал, как я тебя разыщу, но в это время боги помогли мне выполнить поручение, посмеялись над тобой и послали тебя мне. Так ты и есть Демокрит, сын Дамасиппа, из Абдер? Тогда вот тебе письмо.

Левкипп Демокриту желает здравствовать. Я плыл в Египет, но наш корабль, подходя к Кандбскому устью Нила, потерпел крушение. Я был выброшен на берег. На беду, я попал в руки

эфиопских разбойников. Они схватили меня и везут в Эфиопию. Умоляю тебя, разыщи их в Мердэ, в Эфиопии. За хороший выкуп они обещают отдать меня тебе. Будь здоров.

— Чужало мое сердце! — прошептал Демокрит, и кусок папируса задрожал в его руке. — Пошли скорей назад. Может быть, еще успеем на корабль, который отправляется сегодня из Каноба в Навкратис. Нельзя терять ни минуты. А ты пойдешь с нами? — обратился он к Архиппу.

— Нет, сейчас слишком жарко. Я подожду вечера.

— Тогда прощай, — сказал Демокрит и, сопровождаемый Диагором, двинулся в обратный путь.

Они шли той же дорогой, вдоль берега моря. На мокром песке отпечатывались четкие следы неумоимо шагавшего Демокрита. Диагор, чтобы веселее было идти, старался ступать след в след. Оба молчали. Каждый думал о своем.

«Да, — размышлял Диагор, — что ни говори, а с моим хозяином никогда не знаешь, что тебя ждет завтра. Ну с кем еще могло приключиться такое: пошли смотреть дельфина, а получили письмо. И как раз от того самого человека, к которому ехали. Попробуй Расскажи про это, ведь никто не поверит, что все произошло случайно. А может, и верно не случайно? Когда Дамас, сын Дамасиппа, послал меня сопровождать Демокрита, он словно знал, что так и будет. «Никто не отправляется в опасный путь ради удовольствия, — говорил он. — Цель всегда — деньги. Но умный человек скрывает, где его ждет богатство, опасаясь, чтобы его не опередили. Демокрит не хочет открыть нам, зачем он отправляется в путешествие. В пути он тоже, наверно, будет придумывать самые удивительные поводы, чтобы запутать след и скрыть, куда и зачем он держит путь. Если ты, Диагор, сумеешь выведать тайну и сообщишь ее мне, отпущу тебя на волю. Смотри же, старайся!» Дамас клятвенно обещал отпустить меня и свое обещание, конечно, выполнит. Значит, надо держать ухо востро. Уж я-то сумею выведать, почему Демокрит вдруг переменял план и решил ехать на край света за этими эфиопами. Какая-то тайна связывает, наверно, Демокрита с его учителем Левкиппом».

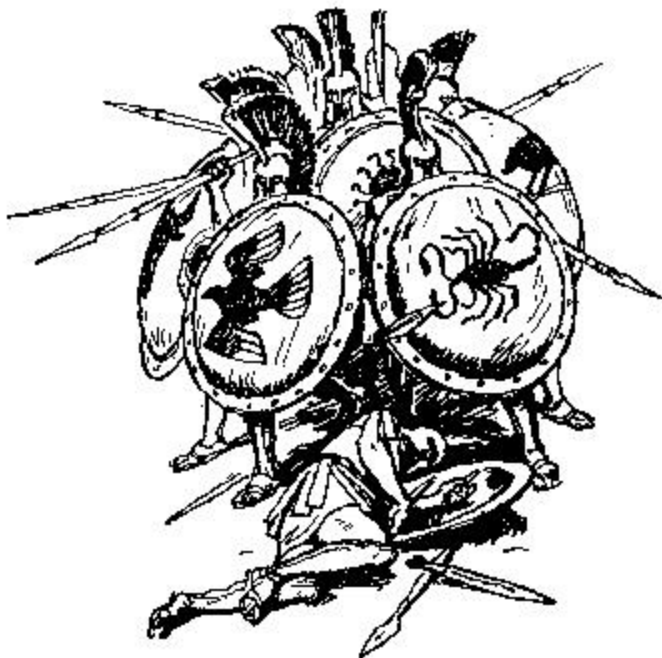
МУДРЕЦ ИЗ МИЛЕТА

Пока раб размышлял о поведении своего господина, Демокрит шагал вдоль берега и, прислушиваясь к тихому шуршанию морского прибоя, вспоминал, как он познакомился с Левкиппом.

В воображении Демокрита оживали с детства знакомые картины. Вот у самого моря на скалистом берегу расположились Абдеры — город, в котором он родился и прожил почти тридцать лет. Абдеры — этот кусочек Греции среди просторов суровой и враждебной Фракии. Стоило отойти в глубь страны на расстояние пятидесяти — ста стадиев^[3], как уже не встретишь ни одного грека. Опасность часто подстерегала жителей маленького города. Однажды соседнее племя трибаллов постиг неурожай, и, снявшись с насиженных мест, движимые голодом, они вторглись на территорию Абдер. Абдеритам удалось разбить захватчиков, однако трибаллы вскоре снова напали. Городу помогали фракийцы из других племен, но во время боя они неожиданно перешли на сторону трибаллов. Абдерское войско окружили и перебили до последнего человека. Демокрит тогда был совсем маленьким, но он хорошо помнит, какая тревога охватила город, как горько заплакала мать, когда отец, взяв копье, поспешил к городским воротам. Не приди на помощь афинский флот, все греки во Фракии были бы уничтожены.

Фракийцы недаром стремились захватить Абдеры. У этого греческого города было большое будущее. Здесь останавливались купцы, которые везли в Грецию хлеб из Причерноморья. Сюда привозили товары из глубины Фракии. Навстречу спешили афиняне, мегарцы, коринфяне. Жители Абдер не упускали случая принять участие в выгодных сделках. Занятие торговлей отразилось на характере абдеритов. Они были деловиты, практичны и больше всего заботились о своей выгоде. Наукой и искусством, как занятиями, не связанными с торговлей, абдериты интересовались мало.

Отец Демокрита, Дамасипп, мало чем отличался от своих сограждан. Это был удачливый делец, разбогатевший во время греко-персидских войн и пользовавшийся большим уважением в Абдерах. Добрый человек, он больше всего на свете любил своих детей. Умный Дамасипп понимал, что хорошее воспитание помогает в жизни. Поэтому он дал своему старшему сыну, Демокриту, образование, непохожее на то, какое получали в Абдерах дети рядовых граждан.

Во время похода персов на Грецию Дамасипп принимал в своем доме самого персидского царя Ксеркса. В благодарность за услугу Ксеркс приказал нескольким персам и вавилонянам обучать детей Дамасиппа, и Демокрит был посвящен в таинственную премудрость магов и халдеев^[4]. Большую часть этой премудрости составляли религиозные предписания, однако и они были для греков весьма необычны и интересны. Персы учили, что нельзя носить шерстяной одежды — одежда мудреца должна быть льняная. Были запрещены украшения, особенно золотые. Питаться следовало сыром, овощами, хлебом.

По учению персов, в мире есть два начала — доброе и злое. Эти начала испокон веку борются между собой.

Судьба человека зависит от того, под какой звездой он родился. Поэтому надо внимательно наблюдать за звездами; только так можно узнать свое будущее.

Некоторые религиозные предписания были рассказаны Демокриту под большим секретом. О них ни в коем случае не должен был узнать отец. Эти правила настолько расходились с греческими, что Дамасипп, разумеется, никогда не допустил бы, чтобы его сына обучали таким вещам.

Персы говорили, что нельзя хоронить человека в земле: земля священна, а труп может опоганить ее. Нельзя также сжигать покойника, как это делают греки: смерть не должна осквернять божественный огонь. Надо выставить труп в открытом месте, пусть звери и муравьи объедят его так, что останутся чистые,

белоснежные кости; тогда их можно закапывать в землю.

Сравнивая греческую и персидскую религию, Демокрит проникся недоверием ко всем религиозным обрядам. Стоит ли следовать религиозным предписаниям, если одни из них противоречат другим? Если выполняешь правила одних жрецов, в глазах других ты все равно остаешься нечестивцем. Всех богов все равно не умиловить, решил Демокрит.

Дамасипп нанял Демокриту также и местного учителя, который должен был посвятить мальчика и в эллинскую премудрость. Этот учитель считал себя пифагорейцем, последователем великого мудреца Пифагора с острова Самоса, жившего примерно за сто лет до Демокрита.

Пифагор считал, что главное в мире — порядок, такой порядок, при котором знатные стоят во главе государства, богатые управляют бедными, а рабы безропотно подчиняются господам. Отцу Демокрита нравилось учение Пифагора о мировом порядке, о необходимости подчинения бедных и простых людей богатым и знатым. Как и все богачи в Абдерах, он считал Пифагора величайшим мудрецом; недаром портрет этого философа был вычеканен на абдерских монетах.

Мальчик с удовольствием заучивал звучные изречения Пифагора о любви к согражданам, о верности родине. Интересно было и то, что учитель рассказывал Демокриту из математики: признаки равенства и подобия треугольников, учение о гипотенузе, о сумме углов треугольника. Однако Демокрит не понимал, почему нечетные числа выражают твердость, решительность, одним словом, мужское начало, а четные — мягкость, нерешительность и символизируют женское начало. Учитель заставлял его заучивать математические правила, как религиозные наставления, а Демокриту хотелось самому искать доказательства и делать выводы.

Юноша занимался с огромным увлечением. Уже тогда у него зародилась честолюбивая мысль прославить родину не военными подвигами, не накопленным богатством, а научными сочинениями. Весь мир знает самосца Пифагора, пускай и Абдеры станут для любителей мудрости таким же священным городом, как и остров Самос.

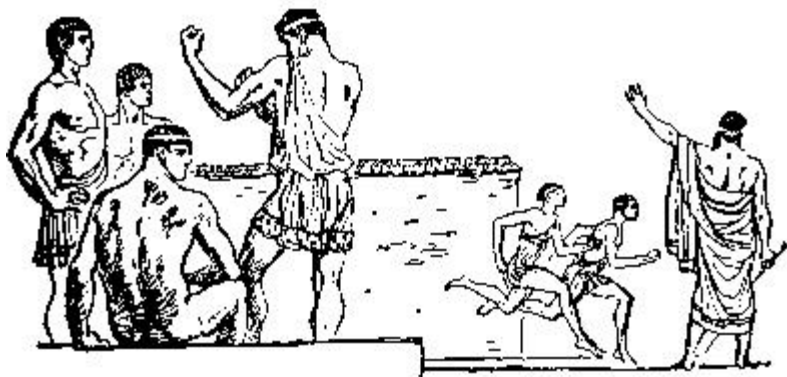
Прежде всего Демокрит решил воспеть жизнь великого философа, которого считал единственным человеком, достойным подражания. Он написал книгу «Пифагор». В ней пифагорейское учение было изложено так хорошо и точно, что наставник Демокрита пришел в восторг. Воодушевленный первым успехом, Демокрит сочинил еще одну книгу, которую он назвал «Тритогеней». В этой книге он утверждал, что таинственное

прозвище богини мудрости Афины «Тритогеней» следует понимать, как «Триродительница», ибо мудрость порождает три достоинства: умение хорошо мыслить, хорошо излагать свое мнение и хорошо исполнять долг.

Следующая его книга была посвящена морали — правилам поведения благородного человека. Называлась она «О гражданской доблести или о добродетели».

Демокрит улыбнулся, вспомнив, как он, еще не знающий жизни мальчишка, поучал своих сограждан умению вести себя, встречаясь с трудностями. Однако абдерцы снисходительно отнеслись к наставлениям желторотого юнца и даже одобряли его первые сочинения. Им нравилась четкость языка, красота тщательно подобранных фраз. Друзья отца — абдерские богачи и аристократы — хвалили серьезное направление мыслей юноши, уважение к древним установлениям и презрение к беднякам, неудачи которых Демокрит объяснял дурным происхождением.

Демокрит подумал, что, если бы не приезд Левкиппа, его жизнь в Абдерах так и катилась бы по колее, намеченной отцом. Едва ли сочинения, пересказывающие учение Пифагора, могли сделать его знаменитым и прославить в веках родные Абдеры. Однако спокойная жизнь уважаемого гражданина была ему обеспечена. Никто не считал бы его потерявшим рассудок расточителем, бессмысленно тратящим с таким трудом скопленное достояние отца. Право же, какой малости иногда достаточно, чтобы коренным образом повернуть жизнь человека!

Случайная встреча в гимнасии^[5] определила дальнейшую судьбу Демокрита. Ему было уже за двадцать лет, и не только сверстники, но и люди пожилые внимательно вслушивались в слова Демокрита и старались запомнить самые меткие фразы. В этот день он решил произнести речь о прошлом человечества. Он рассказывал о Золотом веке, когда всего было в изобилии и люди жили, как на островах блаженных, не зная никаких трудностей. Не было причин для войн и распрей, никто никого не обижал, и

жизнь проходила в радостях и в развлечениях. Гнев богов лишил людей этой счастливой жизни.

— Непонятно, чью историю ты рассказываешь — богов или людей? — раздался вдруг насмешливый голос. — Вместо того чтобы красивыми словами пересказывать пифагорейские небылицы, попытался бы лучше подумать, что ты знаешь о прошлом своего города и народа.

Демокрит с удивлением взглянул на перебившего его незнакомого человека.

— Кто ты, откуда приехал и почему не веришь тому, что говорят все? — спросил он.

— Я Левкипп, — ответил незнакомец. — Бежал из Милета. Мои сограждане не захотели прислушаться к голосу разума и прогнать стоящих у власти аристократов. Эти аристократы правят не потому, что они умнее и образованнее других. Их власть основана на привилегиях, полученных далекими предками в те времена, которые ты называешь Золотым веком. Может быть, предки действительно были смелыми и умными людьми, но про потомков этого не скажешь. В Милете стало невозможно свободно говорить и учить молодых. Аристократы понимают, что торжество разума покончит с их властью, и преследуют тех, кто рассказывает людям правду.

— А что же ты будешь делать у нас? — спросил Демокрит. — В Абдерах нет наследственной власти аристократов. Народ сам выбирает своих правителей, и твои обличительные речи здесь не нужны.

— Напротив, — ответил пришелец, — я вижу, что у вас мои речи нужны не меньше, чем в Милете. Я буду бороться с каждым, кто, вроде тебя, сковывает свободу мысли, пересказывая услышанные от дедов басни. Разве не знаешь ты, как плохо жилось в Элладе первым поселенцам? Разве не рассказывали тебе о страшных чудовищах — медведях, львах, кабанах, водившихся в лесах, которыми тогда была покрыта вся страна? Эти звери теснили и обижали людей в те времена, когда человек был слаб и немощен. Только нужда научила людей защищаться от диких зверей. Разве не видишь ты каждый день, что богатыми и счастливыми людей делает труд, а не помощь богов?

Сейчас Демокрит радовался, что не поддался ложному честолюбию и не прекратил этого обидного для него спора с Левкиппом. Под напором противника ему пришлось признать, что нарисованная им картина Золотого века основывается не на проверенных фактах, а только на авторитете древних мудрецов. Своей честностью и прямоотой Демокрит сразу завоевал расположение Левкиппа.

— Я чувствую, юноша, что мы будем друзьями, — сказал Левкипп.

Назад в город они возвращались вместе.

Левкипп поселился в Абдерах и стал обучать молодых людей, знакомя их с теориями милетских мудрецов. Демокрит был постоянным слушателем его лекций, самым любимым и усердным из учеников. Что привлекло его к новому учителю? Прежде всего то, что Левкипп не стремился подавлять знаниями, не требовал безусловного доверия к своим словам, а с первых же уроков учил проверять все опытом. Левкипп говорил, что если теория не подтверждается практикой, она бесполезна. На какие бы авторитеты ни опиралась эта теория, она ничего не стоит, если свидетельства наших чувств противоречат ей.

Свои слова Левкипп всегда старался сопровождать наглядными доказательствами, правильность которых мог проверить каждый. Те самые математические истины, которые учитель-пифагореец заставлял заучивать Демокрита, Левкипп умел доказать так убедительно, что в их правильности невозможно было усомниться. Левкипп доказал Демокриту, что чувства человека несовершенны и что хитро задуманный опыт помогает увидеть то, что обычно бывает скрыто от глаз. Как-то, взяв бурдюк — кожаный мешок, в котором торговцы перевозят вино, — Левкипп надул его, а потом завязал. Пустой мешок стал упругим. Стало ясно, что там что-то есть. Так Левкипп показал ученику, что бывают вещества, которые нельзя потрогать руками, но тем не менее они существуют. Вещество, наполнявшее бурдюк, — невидимый воздух — оказывается, обладало способностью отталкивать того, кто на него нажимает. И это свойство могло

быть использовано людьми: Демокрит давно уже знал, что надутый бурдюк, если вскочить на него, подкидывает вверх. Он не раз видел, как мальчишки в Абдерах играли, соревнуясь, кто выше прыгнет с надутого мешка.

Левкипп объяснял, что наблюдения над явлениями природы, физические наблюдения, как он их называл, не менее важны, чем размышления над природой чисел, которыми занимались пифагорейцы. Упругость воздуха могла, по мнению Левкиппа, объяснить законы мироздания. Небо только потому и не падает вниз, что его поддерживает окружающий землю воздух.

Демокрит с детства слышал, что земля плоская, как круг; со всех сторон ее обтекает великая мировая река — Океан; над землей опрокинут свод неба с вбитыми в него серебряными гвоздями — звездами. Так как все тела стремятся вниз, небесный свод неминуемо упал бы на землю и раздавил бы ее, если бы на далеком западе, на краю земли, не стоял могучий великан Атлант, поддерживая своими плечами небо и не давая ему обрушиться.

Левкипп высмеивал эти рассказы.

— Многие мореплаватели, — говорил он, — отправлялись на запад и достигали «столбов Геракла» — места, где земля заканчивается и начинается Океан. Нигде, однако, не видели они великана, поддерживающего небо, да и места, где земля сближается с небом, тоже никто никогда не мог достигнуть. Все это свидетельствует, — заключил Левкипп, — что земля вовсе и не соприкасается с небом. Она витает в воздухе, находясь как раз в центре, небесной сферы. Со всех сторон ее подпирает воздух, и поэтому земля не может приблизиться к небесному своду, а небесный свод, поддерживаемый воздухом, не обрушивается вниз. И вовсе не нужно, для того чтобы понять это, придумывать какого-то божественного Атланта.

— Подумай, — спрашивал он, — откуда на высоких холмах могли взяться целые пласты белой соли? А морские раковины, которые находишь иногда так далеко от берега?.. Не свидетельствует ли это о том, что когда-то вся земля была покрыта морем? Немало должно было пройти времени, чтобы часть воды высохла и горы, а затем и разнины выступили на поверхность. Но жизнь зародилась раньше. Смешно думать, что, как рассказывают жрецы, боги сотворили живые существа из земли и огня или что великан Прометей вылепил их из глины. Достаточно посмотреть, как в наши дни появляются на свет жуки, стрекозы и другие насекомые, чтобы ясно представить себе, как возникли первые обитатели земли.

Личинки стрекоз живут в воде постоянно. Когда они

вырастают, то выползают на сушу, их твердая кожа лопается, и из нее появляются стрекозы, способные летать и дышать воздухом. Когда суши еще не было, море населяли одни рыбы. Затем из моря выступили материки, часть рыб вылезла на сушу, кожа их стала лопаться, и на свете появились первые люди, сперва голые и беспомощные. Только тяжелым трудом люди постепенно сумели улучшить свою жизнь и подчинить себе враждебную природу.

Целые дни Демокрит проводил с Левкиппом, поражаясь умению милетского мудреца ясными и убедительными доказательствами подтверждать правильность своих мыслей.

Дамасиппу нравилось, что сын совершенствует свои знания у заморского учителя. Он соглашался с Левкиппом, что только трудом и смекалкой можно добиться успехов в жизни. Он одобрял усердие сына, который допоздна засиживался над книгами, а рано на заре уже спешил к Левкиппу. Особенно он обрадовался, когда сограждане в знак уважения к ученому юноше избрали Демокрита на почетную должность архонта^[6]. «Теперь, — говорил отец, — имя моего сына будет вычеканено на абдерских монетах. Какого еще бессмертия нужно ему? — удивлялся Дамасипп. — К чему он еще может стремиться?»

Поэтому Дамасипп решительно отказал сыну, когда тот попросил у него денег, чтобы отправиться для продолжения образования в страны Востока. Жизненные правила абдерского купца гласили: все, что не сулит прибыли, — бесполезно и на это не стоит тратить деньги. Демокриту пришлось смириться перед волей отца — путешествовать без денег было невозможно.

Как раз в это время Левкиппу пришлось покинуть Абдеры. Абдерские учителя сразу возненавидели милетского мудреца, отбивавшего у них учеников, и теперь, объединившись, сделали его жизнь невозможной. Левкипп решил отправиться в путешествие и звал Демокрита с собой. Демокрит попросил отца отпустить его с учителем, но снова получил отказ. Вспыхнула ссора. Отец пригрозил проклятием, и Демокрит, сетуя на свою участь, вынужден был подчиниться.

Ссора с отцом тяжело отразилась на душевном состоянии Демокрита, который считал, что мудрец не должен ни с кем ссориться, а особенно со своими близкими. Какая польза от того, что он высказал Дамасиппу все, что накопилось в его душе, что он высмеял ограниченность абдерских торгашей, назвал жизнь, прожитую отцом, пустой и неинтересной, упрекал его в скупости, в себялюбии? Все равно отец ничего не понял и только обиделся, а расстроенный Демокрит не мог спокойно работать и за несколько месяцев не написал ни одной строчки.

Неожиданная смерть отца заставила Демокрита еще больше пожалеть о своей несдержанности. Отец, хотя и жаловался после ссоры на неблагодарность старшего сына, но не лишил его наследства. Согласно обычаю, родовые земли, доставшиеся Дамасиппу от предков, нельзя было делить, и они перешли во владение Демокрита. Демокрит, как старший, кроме того, получил лучшую, считавшуюся наиболее почетной, часть наследства — земли, приобретенные Дамасиппом. Младшим братьям достались только нажитые отцом деньги, а также часть золотой и серебряной утвари. Братья обрадовались, когда Демокрит предложил им обменяться наследством: пускай они возьмут себе земли, а ему отдадут деньги. Братья тотчас согласились на такой обмен.

Получив деньги, Демокрит наконец-то мог осуществить свою мечту о путешествии. Однако, когда он объявил о своем решении, возникли непредвиденные препятствия. Братья настоятельно советовали и даже требовали, чтобы Демокрит отказался от своей затеи, которую они называли вздорной и опасной.

Конечно, их слова ни на мгновение не могли поколебать решения Демокрита отправиться в путешествие вслед за своим учителем. Однако он признавал, что возражения братьев не лишены смысла. Опасностей действительно было много. Корабль мог попасть в бурю, которая разбила бы его в щепки. Часты были и нападения пиратов, захватывавших корабли и продававших путешественников в рабство. Своенравным восточным владыкам ничего не стоило убить чужеземца, если он им чем-нибудь не понравился. И хотя Демокрит знал, где находится его учитель, добраться до него было нелегко, а возможностей попасть в беду — более чем достаточно. Однако, несмотря на все опасности, сотни греков все же побывали в Малой Азии, Египте и даже в Персии и Вавилонии. Но на риск шли либо бедняки, которым уже нечего было терять в родном городе, либо купцы, стремившиеся к крупной наживе.

Убедившись в непреклонности решения Демокрита, один из его братьев, Дамас, настоял на том, чтобы он взял с собою молодого раба Диагора. Диагору он и поручил опекать старшего брата, видимо не надеясь на благоразумие самого путешественника. Демокрит был тронут этим.

«Дамас, конечно, ограниченный человек, — думал он, — и не понимает, что знания могут быть дороже денег, но возражения его вызваны заботой обо мне».

Простившись с братом и друзьями, Демокрит отправился в путь. Главной целью его путешествия был Египет, куда, по его сведениям, должен был отправиться и Левкипп. Демокрит послал

своему учителю письмо, но встретиться им не пришлось.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

Демокрит глубоко вздохнул и огляделся. Под ногами поскрипывал плотный мокрый песок. В воздухе кружились и кричали чайки. Солнце склонялось к закату, и жара начала ослабевать.

«Вот я и в Египте! — подумал Демокрит. — А учиться у египетских геометров мне сейчас не придется. Где-то сейчас Левкипп и что он делает?»

И, вспомнив об учителе, Демокрит зашагал еще быстрее.

«Когда же все-таки он сделает привал?» — злился Диагор, глядя в спину хозяину и чувствуя, как ноги его ломит от усталости.

Наконец Диагор не выдержал.

— Демокрит, — окликнул он, — посидим немного.

— Ну что ж! Если устал, посидим! — согласился Демокрит.

Он опустился на землю, а Диагор, сняв сандалии, стал счихать приставший к подошвам песок.

— Понравился ли тебе пифагореец Архипп? — спросил Демокрит.

— Человек он, видно, неплохой, — сказал Диагор, стараясь не упустить возможности поболтать и надеясь за разговорами посидеть подольше. — Я тоже не верю, чтобы душа умирала вместе с человеком. Но в остальном его учение мне не по вкусу. И так часто приходится оставаться голодным, а если еще привередничать в еде, то и вовсе помрешь с голоду.

— А ты не опасаясь, что ненароком можешь съесть своего отца?

— Хотел бы я, чтобы у меня не было других причин для опасений. К сожалению, рабу приходится бояться вещей гораздо более серьезных.

— А все-таки?!

— Видишь ли, господин, по-моему, в наше время в первую очередь надо защищать человека. Заботиться о животных настанет время только тогда, когда люди перестанут убивать и мучить друг друга. Нет, учение пифагорейцев нам, рабам, не подходит.

— Ты, пожалуй, прав! — сказал Демокрит, вставая с земли, а вслед за ним, кряхтя и охая, поднялся Диагор.

Молча они прошли еще около часа, пока наконец достигли Канобского устья. На пристани они нашли корабль. Демокрит договорился со старшим корабельщиком, и тот за небольшую плату обещал доставить их в греческий город Навкратис, откуда

отправлялись корабли вверх по Нилу.

Гребцы, затаив песню, дружно ударили веслами по воде, и небольшое суденышко быстро понеслось на юг.

Путешественники, сидя на палубе, вглядывались в берега, стараясь не упустить ничего интересного. Нигде в Греции не видели они столько зелени. Насколько хватало взгляда простирался великолепный цветник. Яркая, сочная зелень молодых всходов, густые заросли папируса, цветущие лотосы почти скрывали встречающиеся по пути многочисленные поселки. Каналы, прорезавшие землю во всех направлениях, щедро снабжали посевы влагой.

Был август, и вода в Ниле стояла высоко. Повсюду виднелись мачты и паруса кораблей, спешивших к многочисленным гаваням Нижнего Египта. Вот корабль Демокрита миновал какой-то большой, наполовину закрытый садами город.

— Гермополь, — пояснил кормчий. — Здесь почитают бога мудрости, которого мы, греки, называем Гермесом^[7], а местные жители изображают в виде ибиса. Благочестивые египтяне кормят здесь тысячи этих длинноклювых птиц, а некоторые даже приезжают издалека специально, чтобы принять участие в кормлении ибисов.

— Наверно, птицы стоят того, если их разводят! — вмешался Диагор. — Они крупнее гуся, и если мясо их вкусно, то стоило бы взять несколько таких птиц и развести их в Греции.

— И думать забудь об их мясе! — сердито оборвал его кормчий. — Ты навлечешь беду не только на себя, но и на всех нас. Я сам видел, как одного охотника местные жители растерзали за то, что, целясь в гуся, он нечаянно подстрелил священного ибиса. В Нижнем Египте строго запрещено убивать ибисов. Более того! Если птица издохнет своей смертью, верующий египтянин должен подобрать падаль, отвезти сюда, в Гермополь, и похоронить возле храма. Это считается

благочестивым поступком. Говорят, в награду бог Гермес поможет человеку в торговле. Но поездка и похороны птицы стоят недешево, и бедные египтяне, увидев мертвого ибиса, предпочитают не замечать его.

— Не думал я, — пробормотал Демокрит, — что в стране мудрецов верят в такие глупости. Надо будет постараться все-таки разобраться, почему так чтят египтяне эту птицу. Наверно, она приносит какую-нибудь пользу.

Корабль быстро летел, подгоняемый попутным ветром. Солнце уже склонялось к закату и скоро должно было скрыться в песках западной пустыни, но жара по-прежнему была невыносимой. На корме корабля стояла большая глиняная бочка, наполненная нильской водой. Диагор черпнул кружкой немного желтой воды и, взглянув на нее, недовольно сморщился. Однако, отпив глоток, он жадно прильнул губами к кружке и осушил ее до дна.

— Какая вкусная вода! — сказал он, утирая губы. — И какая прохладная!

— Сколько раз я тебе приказывал не пить речной воды! — сердито крикнул Демокрит. — Или ты хочешь заболеть?!

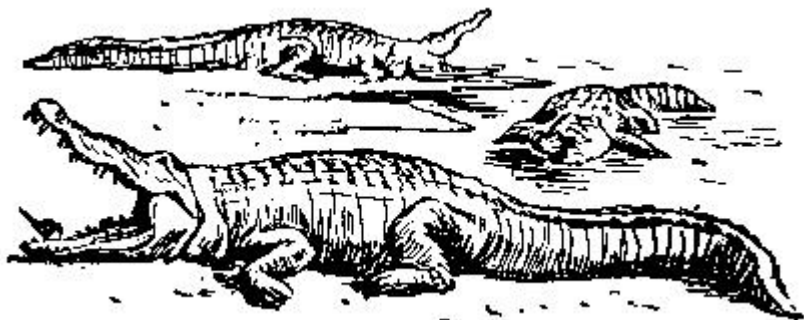
— Твой раб не заболает, — успокоил Демокрита кормчий, — Нильская вода стоит в домах неделями и никогда не гнивает, она безвредна. Даже иноземец может спокойно пить ее прямо из реки. Попробуй сам, какая она сладкая и прохладная.

Демокрит подошел к бочке, нагнулся над ней, взгляделся в неровные стенки сосуда, провел рукой по его поверхности, и, наконец зачерпнув воды, отпил немного.

— Понятно, — пробормотал он, — это может пригодиться. Когда поедем в пустыню, — обратился он вдруг к Диагору, — купишь для нас у египтян бочку с пористыми стенками. Просочившаяся наружу влага испаряется, а внутри вода остается прохладной.

Громкий всплеск прервал рассуждения Демокрита. Обернувшись, он увидел песчаную отмель, покрытую какими-то длинными зеленовато-коричневыми, похожими на бревна животными. Это были гревшиеся на солнце крокодилы. Заметив приближающийся корабль, они зашевелились и стали настороженно следить за судном. Несколько животных, лениво передвигая лапами, подошли к краю отмели и скрылись в глубокой воде.

— Посмотри, господин! — заметил Диагор. — Каких только ужасов нам ни рассказывали о крокодилах, а они боятся людей даже на расстоянии. Видишь, как трусливо они удирают, едва заведет нас.

Демокрит внимательно наблюдал за лежащими на берегу крокодилами. Они широко разинули огромнейшие пасти, и у некоторых во рту прыгали и что-то выклевывали маленькие птички.

— Какие храбрые птицы, — закричал пораженный Диагор, — ведь крокодилам ничего не стоит их проглотить!

— Такого еще не бывало, — усмехнулся кормчий, — эти птицы — живые зубочистки. Они выклеывают остатки пищи, крокодилу это нравится, и он не причиняет зла птицам.

Кормчий рассказал, что крокодилы охотно питаются гнилым мясом. Часто они, убив животное, не сразу съедают свою добычу, а оставляют в яме с водой на берегу или в тихой речной заводи. Когда падаль достаточно разложится, крокодилы пожирают ее.

Размножаются крокодилы, откладывая в песок яйца размером немногим больше гусиных. Самка закапывает яйца на глубину локтя^[8] и сторожит их сорок—пятьдесят дней. Когда детеныши должны вылупиться, они поднимают сильный шум, и самка откапывает яйца, чтобы вылупившиеся крокодильчики не задохлись под толстым слоем песка. Взрослый крокодил достигает часто длины в двадцать локтей. Это животное удивительно тем, что, родившись таким маленьким, вырастает в огромного зверя, больше любого из тех, которые встречаются в Греции.

— Не слишком доверяйте миролюбивому виду крокодилов, — сказал кормчий, когда Демокрит спросил, почему эти огромные животные, завидев корабль, нырнули в воду. — Крокодилы очень опасны и иногда нападают на людей. Особенно часто они утаскивают в реку неосторожных женщин, приходящих к Нилу за водой, или детей, играющих на берегу. Поэтому те места, где обычно черпают воду из Нила, огораживают от крокодилов стоящим в воде частоколом. Когда крокодил готовится схватить человека, он начинает горько плакать от жалости к своей жертве. А потом схватывает ее, утаскивает в реку и съедает.

— Маловероятно, — с сомнением сказал Демокрит.

— Можешь мне поверить. Это действительно так. Недаром существует выражение — «крокодиловы слезы». Крокодил вообще необыкновенное животное. Его нижняя челюсть наглухо срослась с позвоночником. Когда крокодил разевает пасть, он не опускает, как мы, нижнюю челюсть — она у него остается неподвижной; зато верхнюю он подымает так высоко, что она образует с телом прямой угол. Кроме того, у крокодилов, единственных из всех животных, нет языка.

— Ну, в этом я очень сомневаюсь, — перебил кормчего Демокрит.

— Не хочешь верить мне, поверь знаменитому путешественнику Геродоту. Он сам рассказывал мне все это, когда я вез его на своем корабле из Египта.

— Геродот мог ошибаться, как и всякий другой. Пока я не увижу этого своими глазами, я не поверю, что существуют животные без языка.

— Если ты так глуп, что не веришь самому Геродоту, — рассвирепел кормчий, — то вот перед тобой крокодилы: можешь залезть к ним в пасть и проверить. Но о том, что увидишь, тебе придется рассказывать твоим покойным предкам.

После этих слов кормчий замолчал, не желая разговаривать с недоверчивым собеседником. Демокриту не оставалось ничего другого, как отправиться спать, так как быстро стемнело и на берегах, мимо которых проплывал корабль, ничего не было видно. Усевшись на палубе бок о бок и прислонившись спиной к борту, Демокрит и Диагор мгновенно заснули...

Сильный толчок и громкие голоса разбудили Демокрита. Он открыл глаза и увидел, что уже наступило утро. Пробираясь между многочисленными судами, стоявшими на реке, их корабль столкнулся с чьей-то баржей. Тотчас послышалась разноязыкая ругань. Наконец последний толчок о покрытые зелеными водорослями скользкие сваи причала, корабль остановился, и на

берег, брошенная ловкой рукой, полетела с борта веревка. Какой-то человек на пристани подхватил ее и быстро привязал к торчащему из воды толстому бревну.

Город, к которому причалил корабль, был Навкратис.

КАКОЙ ЯЗЫК САМЫЙ ДРЕВНИЙ?

Сопровождаемый Диагором, Демокрит сошел на берег и направился в город. Первое, что поразило его в Навкратисе, это отсутствие акрополя. Для грека, привыкшего каждую минуту ожидать нападения врагов, крепость казалась необходимейшей принадлежностью каждого города. Проходя по улицам, Демокрит слышал вокруг себя различные греческие наречия: акающий говор дорийцев, привычное аканье ионийцев, характерную речь жителей Эолиды и еще какие-то вовсе не привычные звучания греческих слов. Пестрота населения казалась никогда еще не бывавшему за пределами Греции Демокриту необычайной: рыжебородые персы, смуглые египтяне, темнокожие нубийцы, греки, эфиопы... Все они так мирно и дружелюбно разговаривали друг с другом, как будто никогда и не враждовали между собой.

— Как им удается жить в согласии? — удивлялся Демокрит, проталкиваясь через толпу. Он и не замечал, что говорит вслух.

— Об этом лучше всего спросить у самих жителей, — сказал молчавший до тех пор Диагор.

— Пожалуй, ты прав, — отвечал Демокрит. — Но прежде нам нужно найти дом Аркесилая. Кстати, он-то, наверно, и сможет мне все объяснить.

Остановив проходившего мимо добродушного на вид толстого египтянина, Демокрит обратился к нему с вопросом:

— Не знаешь ли ты, где живет Аркесилай?

— А как же! — удивился толстяк. — Кто в Навкратисе не знает Аркесилая и его дом?! Аркесилай весьма почтенный человек, он у нас рыночный староста, а его дом — один из лучших в городе.

— Так проводи меня к нему, — попросил Демокрит. — Я только что приехал в Навкратис и сам не смогу найти дорогу.

Толстяк охотно согласился, и они пошли вместе.

— Я нигде не слышал столько наречий и языков сразу, как в вашем городе, — сказал Демокрит. — Должно быть, жителям трудно общаться друг с другом.

— Нет, — отвечал египтянин, — нисколько не трудно. Постоянно встречаясь с греками и персами, мы с детства говорим на нескольких языках, не прилагая к этому никаких усилий.

— Но, пожалуй, было бы удобнее, если бы все говорили на одном языке. Вам, живущим здесь, легко осваивать одновременно египетскую, персидскую и греческую речь, а мне пришлось немало потрудиться, прежде чем я стал немного понимать язык египтян, говорить по-вавилонски и по-персидски. А каково тем,

кто ездит из страны в страну! Целой жизни не хватит, чтобы освоить все языки Востока.

— Конечно, один язык для всех — было бы очень удобно.

Но какой язык выбрать?! По-видимому, надо выбрать язык, который лучше всего подходит для всех людей, — тот язык, который боги дали первым жителям. Мы, египтяне, считали себя самым древним народом на земле, но фараон Псамметих показал, что это не так.

— Как же он это показал? — заинтересовался Демокрит.

И в ответ толстяк рассказал прелюбопытнейшую историю. Хотя события, о которых шла речь, происходили давно, толстяк клялся, что все так и было.

А было вот что.

Псамметих захотел узнать, какой народ самый древний, но выяснить это оказалось непросто. Ни один мудрец не мог дать

ясного ответа. Ученые мужи спорили друг с другом, ссылались на древние сказания, но к единому мнению прийти не могли. Увидев, что от мудрецов толку не добиться, любознательный фараон попытался разрешить этот вопрос сам.

— Боги, — сказал он, — создав первых людей, наделили их одновременно и речью. Если я узнаю, какой из существующих языков самый древний, то тем самым я буду знать, какой народ появился первым. Самым же древним, — добавил фараон, — надо считать тот язык, словам которого человек научается сам, а не перенимает их от других людей. Чтобы узнать, какой же это язык, я придумал вот что: пусть у бедных родителей отберут двух новорожденных египетских мальчиков и отдадут их на воспитание пастуху царских коз. Этот пастух глух и нем от рождения, и дети не сумеют перенять у него ни одного слова. Он будет поить мальчиков козьим молоком и приносить им хлеб. Пока я не прикажу, никто, кроме этого пастуха, не должен приближаться к детям.

Прошло несколько лет. Собрал фараон своих приближенных, взял с собою немного пастуха и отправился с ними к лесной хижине, где жили дети. Когда запахнулась дверь хижины, увидели дети немного пастуха, держащего в руках хлеб, и с радостным криком бросились к своему кормильцу. Вырывая у него из рук хлеб, они выкрикивали: «Бекос, бекос!» И, услышав это, повелел фараон своим мудрецам разъехаться по разным странам и спрашивать повсюду, что означает слово «бекос».

Через год вернулся один из посланных и рассказал, что живет в Малой Азии древний народ — фригийцы, у которых слово «бекос» означает хлеб. Тогда собрал Псамметих своих подданных и сказал им:

— До сих пор, египтяне, считали вы себя самым древним народом. Но я взял двух мальчиков из вашего племени, отделил их от родителей и других египтян и терпеливо ждал, на каком языке они заговорят. И оказалось, что первые слова их были фригийские. А это означает, что фригийцы древнее нас, что они самый древний народ на земле.

С этих пор мы уже не считаем себя первыми людьми на земле, — закончил египтянин свой рассказ.

— Если тебе это приятно, — сказал Демокрит, — можешь и дальше считать египтян самыми древними людьми. Твоя сказка еще ничего не доказывает.

— Как ничего не доказывает? — удивился толстяк. — По моему, все так ясно, что и возразить нечего.

— Во-первых, — сказал Демокрит, — дети могли научиться своему «бекосу» от бэканья коз, и, таким образом, фригийцы здесь

ни при чем. Во-вторых, нелепо искать какой-то первозданный язык. Не было такого языка и не могло быть. Когда в разных местах земли селились люди, им надо было как-то согласовать свою работу. Для этого они и придумали речь. Речь была сначала очень простой, а со временем стала более сложной, такой, какая теперь. Различия языков объясняются тем, что¹ поселений людей было много и они не общались друг с другом.

— Ты неправ, — возразил толстяк. — Мы в Навкратисе все время общаемся друг с другом, а вот почему-то не договорились об общем языке. Ни греки, ни египтяне, ни персы — никто не хочет отказаться от своего языка. В чем же тут причина?

— В человеческой глупости, — сказал Демокрит. — Каждый считает свой язык красивым, а чужой безобразным, свой народ умным и справедливым, а чужаков грубиянами и тупицами. Твои земляки не хотят поэтому учиться греческому, а греки даже на чужбине сохраняют свой язык и обычаи.

— Это не объяснение, — рассердился египтянин. — В Навкратисе много умных людей. Если было бы надо, они уже давно бы придумали общий язык. А раз такого нет, значит, его и не нужно.

— Но ты же сам только что говорил, что один язык для всех — было бы очень удобно, — возразил Демокрит.

— Вот дом Аркесилая. Я довел тебя до места, а решать, нужен или не нужен людям общий язык, я, слава богам, не обязан. У меня и без того забот хватает. Прощай. — И толстяк ушел, недовольно пыхтя и отдуваясь.

Дом Аркесилая показался Демокриту огромным. Самые богатые люди в Абдерах не жили так роскошно.

С Аркесилаем Демокрита связывало дальнейшее родство. Дед Аркесилая жил некогда в городе Тёосе на берегу Эгейского моря. Когда персы захватили Малую Азию, он вместе с другими греками бежал в Абдеры. Отец Аркесилая переехал из Абдер в Навкратис. Здесь он разбогател и пользовался всеобщим уважением. Сын его, как можно было понять со слов толстяка, тоже играл важную роль в городском управлении.

«Это хорошо, — подумал Демокрит, — влиятельный человек лучше сумеет помочь мне отыскать Левкиппа, чем простой горожанин».

К двери дома была прикреплена колотушка. Демокрит постучал. На стук вышел привратник, Демокрит назвал себя и велел позвать хозяина. Привратник ушел, но вскоре вернулся и повел Демокрита внутрь дома. Во внутреннем дворе Демокрит увидел Аркесилая.

— Что привело тебя в мой дом? — спросил Аркесилай.

Демокрит опять назвал свое имя и сказал, что пришел с просьбой о помощи.

— Так, значит, ты сын Дамасиппа? — изумленно переспросил хозяин дома. — Тот самый ученый мальчик, которого было не оторвать от книг! Помню, как же! Ну и смеялись мы, когда твой отец привязал к беседке, в которой ты читал свои книги, быка. Дамасипп бился об заклад, что ты не услышишь, как мычит голодное животное, и выиграл. Ты даже головы не поднял. Весь город собрался смотреть на это. Веселый человек твой отец. Кстати, как его здоровье? Наверно, уже поседел? Он в свое время очень помог нам, когда мы еще жили в Абдерах и только собирались переезжать в Навкратис. Добрая у него душа. Большое счастье иметь такого отца, как Дамасипп.

— Отец умер уже несколько лет назад, — сказал Демокрит.

— Умер! — проговорил растерянно Аркесилай. — Умер! Боги, какое несчастье! Дамасипп был мне вторым отцом. Столько сделал для меня хорошего, так заботился обо мне! Трудно поверить, что такой веселый человек умер.

— Однако это так, — покачал головой Демокрит.

— Чем же я могу тебе помочь? — спросил Аркесилай. — Ты, наверно, привез в Навкратис какие-нибудь товары и хочешь продать их. Можешь не сомневаться, я сделаю все, что в моих силах.

— Нет, — отвечал Демокрит. — Я приехал в Египет не торговать, а учиться. Но я получил письмо, что моего друга и учителя эфиопские разбойники увезли в Мероз. Я хочу как можно скорее добраться туда, чтобы выкупить его. Я собирался прожить в Египте несколько лет, изучая геометрию, но сейчас первым делом мне надо попасть в столицу Эфиопии.

— Рискованное дело ты задумал, — сказал Аркесилай, — но я тебя понимаю. Нет ничего в жизни дороже друга. Я подберу тебе хороший корабль, напишу письма знакомым купцам, чтобы они оказали помощь, где понадобится, помогу собрать продовольствие в дорогу. Короче говоря, сделаю все, что требуется. А пока погости у меня недельку-другую, отдохни перед длинной дорогой.

— Спасибо тебе за твою доброту, — поблагодарил Демокрит, — но отдыхать мне некогда. Надо спешить, и нельзя терять попусту время.

— Вижу, тебя не уговорить, — сказал Аркесилай, — пусть будет по-твоему. Завтра один из моих кораблей повезет в Верхний Египет товары для продажи. Его поведет опытный кормчий-египтянин, хорошо знающий греческий язык. Я прикажу, чтобы он взял тебя и твоего слугу и выполнял твои желания, как

мои собственные. Но сегодняшний вечер ты должен побыть со мной. Я хочу устроить в твою честь небольшой пир и приглашу нескольких соседей. Они будут счастливы провести вечер в обществе ученого, только что приехавшего из Эллады.

Демокрит не мог отказаться от столь любезного приглашения, и Аркесилай покинул гостя, чтобы отдать распоряжения слугам.

ПИР У АРКЕСИЛАЯ

Еще не стемнело, когда в дом к Аркесилаю стали собираться гости. Демокрита провели в роскошно убранный внутренний двор, где должен был происходить пир. Стол был уже накрыт. Вокруг на невысоких ложах полулежали гости. Демокрита шумно приветствовали и усадили на почетное место по правую руку от хозяина.

Гостя удивило богатое убранство дома. Мебель, сделанная из неизвестных Демокриту пород дерева и слоновой кости, лежанки, усталые мехами каких-то пятнистых зверей, подушки, покрытые яркими синими, красными и желтыми материями. Одежда гостей также поразила Демокрита. Никогда в Греции не видел он тканей такой замечательной белизны и тонкости.

«Самые богатые люди не имеют у нас такой одежды», — подумал Демокрит.

Слуги принесли воду для мытья рук и полотенца, а затем подали первое блюдо, которое гости принялись есть руками. Демокрита заинтересовало удивительное жаркое, слегка напоминающее тыквенную кашу.

— Это жареные побеги папируса, — пояснил хозяин. — Мне хотелось угостить тебя египетскими блюдами. Ты, конечно, пользовался листьями папируса для письма, но вряд ли когда-либо ел папирус, а ведь он довольно приятного вкуса. Попробуй также луковицы лотоса. Помнишь, Одиссей рассказывал о пожирателях «сладко-медвяного лотоса». Спутники Одиссея считали эти луковицы такими вкусными, что, отведав их, не захотели возвращаться домой. Здесь ты можешь есть лотос круглый год. Сам я предпочитаю хлебцы, выпеченные из семян лотоса, но очень советую тебе отведать печеные луковицы — они замечательно вкусны. Бери, бери, не стесняйся. Или ты боишься, попробовав лотоса, забыть свои дела и заботы и остаться здесь навсегда?

Демокрит засмеялся.

— Нет, суеверия древних не пугают меня. Просто я боюсь лопнуть, если буду пробовать все, что поставлено на стол. Ведь я не пифагореец, мне хочется отведать и мяса. У нас дома мясную пищу едят только в праздники.

— Здесь можно часто есть мясо, — сказал Аркесилай. — Египетская религия запрещает убивать коров и есть коровье мясо. Быков режут только тогда, когда хотят принести жертву богам, но и тогда разрешается есть лишь некоторые части мяса жертвенных животных. Однако продавать его позволено, и у египтян всегда

можно купить по недорогой цене свежую говядину.

— У египтян много странных поверий, — подтвердил Демокрит. — Суеверия местных жителей вызвали негодование даже у моего раба. Подумай только: крокодил, приносящий столько зла людям, считается у них священным животным и его нельзя убивать! Коровам, ибисам, кошкам они приносят жертвы. Даже навозного жука, которого они называют скарабеем, сделали предметом почитания. Мне говорили, что главную богиню изображают здесь с коровьими рогами, и из страха перед ней ни один египтянин никогда не ест коровьего мяса. Более того, египтяне не целуют ни эллинов, ни других иноземцев в губы, так как они могли прикоснуться к запретной пище. Не понимаю, как вам удастся ладить с такими фанатиками?

— Тебе рассказывали всякую ерунду, — перебил Демокрита грек с рыжей всклокоченной бородой. (Грека звали Леонид, и сидел он по левую руку от хозяина.) — Я сам женат на египтянке. Пусть боги пошлют всем вам таких хороших и любящих жен! Она соблюдает все египетские обряды, но, когда я возвращаюсь после долгого отсутствия, всегда встречает меня поцелуем и не считает это грехом. Египтяне такие же люди, как и мы. Обычаи, которые приезжим кажутся доказательством их глупости, на самом деле полезны и даже необходимы в этой стране. Меня, например, сместило сперва, что египтяне целыми семьями вылезают ночью спать на крыши своих домов, а теперь я и сам так делаю. Москиты, от которых не спасают никакие занавески, не поднимаются высоко, поэтому крыша — единственное место, где можно переночевать и не быть искусанным. Ты спрашиваешь, почему египтяне почитают ибисов? Побудь здесь до тех пор, пока спадет вода. На земле остается столько всякой нечисти, что если бы не ибисы, жить стало бы невозможно: эти птицы уничтожают улиток, гусениц и змей. Тебе не нравится богиня в образе коровы, а как же ты относишься к греческой Ио^[9] и козлоногому Пану?^[10]

— Допустим, — согласился Демокрит, — обычаи египтян по-своему разумны. Но ты же не собираешься навсегда остаться в Навкратисе? А в Греции привычки твоей жены покажутся смешными.

— Почему, собственно, ты считаешь, что я не могу остаться здесь навсегда? — обидчиво спросил Демокрита рыжий грек. — По-твоему, если отсюда не посылают юношей на олимпийские игры, то мы уж и не люди? Может, тебе показалась невкусной наша пища? Конечно, у себя в Абдерах ты привык к более изысканным блюдам...

— Нет, что ты! — запротестовал Демокрит. — Здесь все прекрасно. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Раз ты не собираешься

уезжать, тогда другое дело.

— А для чего уезжать? — вмешался Аркесилай. — Я думаю, на всем свете нет другого города, где торговля приносила бы такой доход, как в Навкратисе. На западе, в Кирёне, я скупаю сильфий и продаю его в Грецию. Многие богатые старики добавляют сильфий в пищу. Они дорого платят за это лекарство, без которого чувствуют себя плохо. Свой товар я могу продавать дешевле, чем купцы из других городов, потому что мне — жителю Навкратиса — не надо платить пошлину, закупаая сильфий и вывозя его из Египта. Я не вижу причины уезжать отсюда. Купец живет там, где ему выгоднее торговать. А когда есть деньги, всюду хорошо.

— А ты не боишься, что в один прекрасный день все твое благополучие может рухнуть? — вмешался рыжебородый грек. — Нас, греков, здесь мало, мы, как корабль в безбрежном море, среди чуждого нам народа. Наше богатство раздражает египтян, и, стоит персидскому царю спустить их с цепи, нам придется плохо.

— Ну, я-то как-нибудь выкручусь. А если нет, я, по крайней мере, пожил в свое удовольствие. Недаром существует поговорка: «На хорошем дереве и повеситься не жаль».

С этими словами Аркесилай хлопнул в ладоши. Вошли рабы, унесли столики, на которых стояли блюда с растительной и мясной пищей, смели с пола кости и крошки и принесли воду для омовения. Вслед за этим рабы принесли фрукты и закуски — сицилийский сыр, маслины, орехи, сушеную смокву, привезенную из Родоса, сирийские финики и удивительный плод, который хозяин назвал египетским миндалем — персеем. На большой стол поставили вазу, в которой густое египетское вино было смешано с водой. Хозяин, зачерпнув вина, провозгласил первый тост в честь олимпийских богов. Потом выпили за героев, покровительствующих людям. Хозяин угостил Демокрита также желтым египетским вином, приготовленным из плодов лотоса.

— Превосходное вино, — сказал Демокрит. — Если бы я был купцом, то ввозил бы в Грецию не сильфий, а это вино.

— Каждому свое: молодым вино, старым сильфий. Впрочем, надо попробовать. Возможно, виноторговля окажется выгодным делом, — усмехнулся Аркесилай.

— Кстати, знаешь ли ты историю лесбосского виноторговца Харакса? — спросил Демокрита Леонид.

— Нет, а что, он тоже живет здесь?

— Что ты! Он жил в Навкратисе больше ста лет назад. Ведь это брат знаменитой поэтессы Сапфо, которую называют десятой Музой. Наверно, ты не раз слышал ее свадебные песни. Помнишь,

как запевают подружки невесты:

Сладкое яблочко ярко алеет на ветке высокой —
Очень высоко на ветке; забыли сорвать его люди.
Нет, не забыли сорвать, а достать его не сумели!

Это ее стихи. Самое же красивое стихотворение — это гимн Афродите.

— Мне уже давно не приходилось бывать на свадьбах, — с

улыбкой ответил Демокрит. — Но имя Сапфо мне, конечно, хорошо известно. Дома у меня хранятся несколько свитков с ее стихами. Но какое все это имеет отношение к Египту и что случилось с Хараксом?

— В один из своих приездов в Навкратис, — начал Леонид, — Харакс увидел на улице города девушку необыкновенной красоты. Она так понравилась юноше, что он проводил ее до самых дверей дома, в котором она жила. От соседей Харакс узнал, что девушка — рабыня богача Ксанфа, что родом она из Фракии, что настоящее ее имя — Дбриха, но за прекрасный цвет лица все называют ее Родбпис — Розовощекая. Юноша не спал ночей и мучился так, что друзья, у которых он жил, посоветовали ему предложить Ксанфу большую сумму денег и уговорить его продать Дориху. Хитрый работоровец воспользовался наивностью страстно влюбленного юноши и запросил у Харакса все его состояние. Харакс продал все, что имел, выкупил Дориху и сделал ее своей женой. Он написал об этом сестре, которую нежно любил; он не сомневался, что та одобрит его поступок. В своих стихах Сапфо воспевала любовь, и кому, как не ей, казалось, должен был Харакс рассказать о своем счастье? Он сообщил сестре, что собирается привезти красавицу Родопис на родину.

Однако Сапфо сурово осудила поступок брата. Женитьба на рабыне казалась ей верхом нелепости. Даже став свободной, Родопис все-таки недостойна, по ее мнению, быть женой грека. Сапфо жалела брата и сердилась на него. Она написала брату, чтобы он и не мечтал о возвращении на родину вместе с Дорихой. Подумал ли Харакс о своих детях? Ведь рожденные бывшей рабыней, они по законам государства никогда не смогут унаследовать имя и имущество отца и стать полноправными гражданами. А насмешки всего города? Соседи не дадут жить спокойно ни самому Хараксу, ни его родственникам.

Харакс вынужден был последовать совету сестры и несколько лет жил в Навкратисе в счастливом супружестве с Дорихой. Однако его все время тянуло домой. Когда наконец тоска по родным местам стала невыносимой, Харакс расстался с Дорихой и уехал один на свой Лесбос.

— Глупо, — сказал Демокрит. — Очень глупо поступил твой Харакс. Видимо, не очень-то любил он эту девушку, если предрассудки оказались сильнее его чувства. Да и что мешало ему остаться в Навкратисе? В крайнем случае, если он так сильно скучал по своим близким, мог бы съездить погостить домой, а потом вернуться.

— Не так это все просто, как тебе могло показаться со слов

Аркесилая, — вздохнул Леонид, — ведь я не случайно вспомнил судьбу Харакса. Меня самого постоянно тянет в родные края. Тяжело жить, испытывая все время нескрываемую неприязнь египтян. Даже жену мою они презирают за то, что она вышла замуж за грека.

— Ну что ты, — попытался утешить Леонида Демокрит, — когда я сегодня приехал в Навкратис, меня проводил к дому Аркесилая египтянин, отзывавшийся о греках без всякого недоброжелательства. Наоборот, об Аркесилае он говорил с уважением и симпатией.

— Это еще ничего не доказывает, — грустно улыбнулся рыжебородый. — Во-первых, есть умные египтяне, которые понимают, что греки не виноваты в их бедности, а во-вторых, у каждого египтянина есть свой «особенный» грек, к которому он хорошо относится. Этот грек, по его словам, совсем не похож на своих сородичей, которых всех следовало бы выгнать из Египта, и как можно скорее.

— Так ты, значит, — спросил Демокрит, — хотел бы уехать в Грецию, но боишься, что сограждане и родственники недружелюбно встретят твою жену-египтянку?

— Об этом я и толкую.

— В таком случае, — сказал Демокрит, — тебе надо найти такую страну, где ты и жена будете в равном положении. Поезжай, например, в Вавилонию. Для местных жителей вы оба будете чужестранцами, никто из вас не будет иметь преимущества, а стало быть, не будет никаких поводов для споров и неудовольствий.

— Ты все смеешься, — уныло сказал Леонид, — а мне хочется хотя бы умереть на родине.

— Эх, не было бы у меня забот серьезней, чем у тебя или у этого Харакса, — неожиданно вмешался в разговор тощий юноша, сидевший на нижнем конце стола, — мне не приходится ломать голову, возвращаться или не возвращаться домой. Мегарские аристократы показали мне ясно, что со мной будет, если я появлюсь на родине. У меня и сейчас стоит перед глазами казнь брата, виновного только в том, что он не хотел одобрять их насилий. Я бросил все и бежал. Теперь я уже не боюсь потерять ни семью, ни деньги. Вот где бы мне завтра пообедать — это меня действительно беспокоит.

— Ну что ж, выпьем за твое счастье, — предложил Демокрит, — человек, если он беден и все-таки не теряет бодрости, поистине может почитаться счастливым.

— Ну кто же назовет счастливым изгнанника? — вздохнул юноша. — Но все-таки я считаю, что избрал лучшую долю. Я и

мои друзья были еще совсем молоды, когда мегарские аристократы при помощи спартанцев захватили власть в городе и устроили резню. Хотя брат мой был казнен, моей жизни никто не угрожал. Но оставаться в государстве, где вместо закона царил произвол, забыть обиды и несправедливость, смотреть, как вчера еще свободные граждане, спасая свою жизнь и имущество, раболепствуют перед насильниками, у меня не было сил. Мы подняли восстание, надеясь, что горожане нас поддержат. Но они испугались спартанцев, войска которых стояли в крепости на границе. Пришлось бежать, и вот я здесь, в Египте.

— Неужели ты не жалеешь о случившемся? — спросил Демокрит. — Гражданская война — бедствие для обеих сторон. Ты, по-видимому, очень любишь свою страну, если решился открыто выступить против насильников, а теперь вынужден жить в изгнании, вдали от родины?

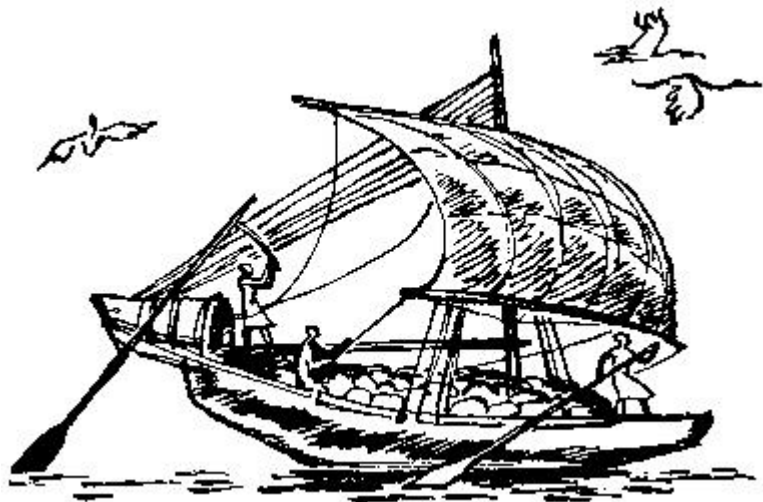
— Нет, не жалею! Здесь, по крайней мере, я могу говорить все, что думаю, рассказывать людям правду о том, что произошло, готовиться с моими друзьями к новым битвам. Будет день, и мы еще вернемся в Мегары!

— Что ж, может быть, ты и прав, — задумчиво сказал Демокрит. — Бедность в демократическом государстве действительно лучше того, что глупцы называют счастливой жизнью в государстве, управляемом захватчиками. Это так же ясно, как то, что свобода — лучше рабства.

Пир приближался к концу. На небе зажглись первые звезды. Гости начали прощаться, и Аркесилай не задерживал их, зная, что Демокриту завтра с восходом солнца нужно быть уже на корабле.

Корабль, покачиваясь на мутной нильской волне, плыл в Верхний Египет. Прошло уже трое суток с тех пор, как Демокрит покинул Навкратис. Целые дни стоял он у борта, расспрашивая кормчего обо всем, что казалось ему интересным, и тщательно отмечал на листе папируса увиденное и услышанное. Кормчий, которого звали Пайсий, охотно рассказы- , вал Демокриту о Египте и египтянах. Паисий уже тридцать лет водил суда по Нилу, знал все встречающиеся на пути мели, одинаково уверенно управлял кораблем и при свете дня и в крошечной темноте африканской ночи.

На четвертый день корабль, оставив русло реки, поплыл по затопленным разливам Нила низинам напрямик к Мемфису. Даже для опытного кормчего путь до Мемфиса был труден. Многочисленные островки, образованные разливом, полузатопленные деревья, наносы ила — все это заставляло рулевого быть очень осторожным. Беды можно было ожидать каждую минуту. Теперь от болтливого Паисия нельзя было добиться ни слова. На все вопросы он только досадливо отмахивался рукой, внимательно всматриваясь вперед.

— Посмотри-ка, — вдруг обратился Паисий к Демокриту, указывая направо, — вон пирамиды, о которых ты все время спрашивал. Они стоят далеко от Нила, но так велики и высоки, что их видно отсюда.

Демокрит взгляделся и увидел возвышающиеся над горизонтом неясные в вечерней дымке громады пирамид. По просьбе Демокрита корабль пристал к берегу возле небольшой

деревушки.

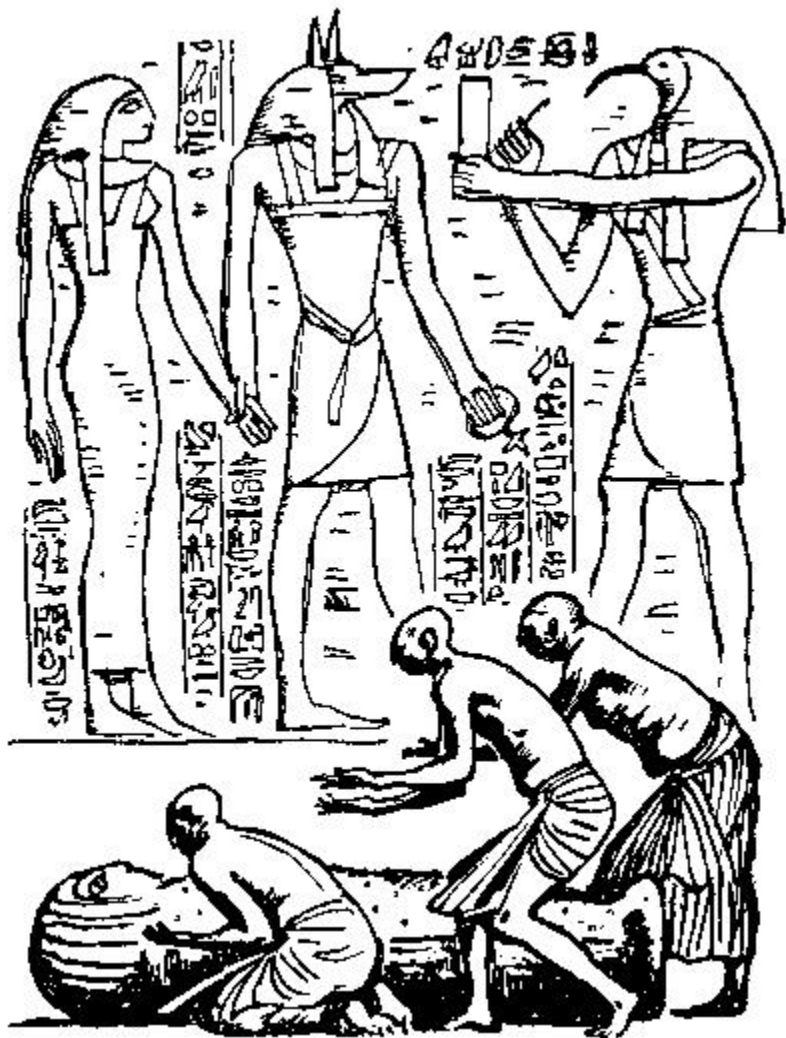
Кормчий отвел спутников в дом своего знакомого и, оставив их отдыхать, пошел нанимать провожатых, чтобы утром следующего дня отправиться к пирамидам.

В доме, куда Паисий привел Демокрита и Диагора, была лишь одна комната, в которой жила семья хозяина. Сюда же на ночь загнали двух овец и козу. Комната выглядела пустой и мало чем отличалась от хлева. Среди бедной утвари выделялся лишь один предмет — красиво расписанный изящный глиняный кувшин. Оказалось, что хозяин дома — гончар, а этот кувшин он еще не успел продать. Два дня назад за ним должен был прийти заказчик и принести деньги. Но почему-то его все нет, и если не будет и завтра, то семье не на что будет купить даже хлеба.

Хозяин жаловался Демокриту на свою нелегкую жизнь, рассказывал, что едва сводит концы с концами. Другим он делает роскошные кувшины, сам же не имеет ни одной красивой плошки. Своего сына хозяин хотел бы обучить бальзамировать трупы и делать мумии. Это гораздо выгоднее, чем быть гончаром. Хорошо, если бы это удалось, но деревенскому старосте придется дать большую взятку, чтобы он разрешил сыну учиться у работавших на кладбище могильщиков. По египетским законам дети обязаны наследовать профессию родителей.

Демокрит впервые попал в дом простого египтянина и с интересом приглядывался ко всему, что отличало жизнь египтян от будничной жизни греков. Прежде всего его удивила необычайная набожность хозяев, точнейшее соблюдение строгих религиозных предписаний. Хотя хозяин был гончаром, все члены семьи пили только из медных сосудов. Пить из глиняных считалось грехом. Так как медь легко зеленеет, сосуды сразу после трапезы начинали чистить. Причем каждый чистил свою кружку, в то время как у греков мытье посуды было обязанностью рабыни или хозяйки дома.

На другой день Демокрит с интересом наблюдал за работой хозяев. Гончар встал на заре, принес откуда-то на голове ведро воды и, вылив его в большой чан, где лежала глина, начал усердно мять ее руками. В это время хозяйка, высыпав в корыто пшеничную муку, стала усердно месить тесто ногами. Затем, вынеся на плечах корыто на улицу, она начала растапливать печь.

— Все у них не как у людей, — ворчал Диагор. — Кто это месит глину руками, а тесто ногами? Где видано, чтобы мужчина таскал груз на голове, а женщина — на плечах? Ни один грек не стал бы работать с этими варварами. Они, наверно, и не видели никогда, как работают по-настоящему.

— Напрасно ты так думаешь, — возразил Демокрит. — Египтяне умели делать глиняную посуду задолго до нас, греков, а хлеб они приготавливали еще тогда, когда наши предки ходили в звериных шкурах и искали себе пропитание в лесах. Вероятно, египтяне тоже считают нас дикарями за то, что мы, подобно им, не моемся четыре раза в сутки, не стрижем себе через день волосы и носим шерстяные плащи вместо полотняных одежд. В чужих обычаях всегда замечаешь все непривычное, а свое, даже нелепое, кажется правильным.

Когда утром пришли проводники, Демокрит, Диагор и Паисий отправились к пирамидам. Идти пришлось недолго. Дорога была выложена огромными каменными плитами, местами растрескавшимися и засыпанными налетевшим с запада песком. Зелени становилось все меньше и меньше, пока, наконец, она не исчезла почти совсем, а впереди, насколько хватал глаз, тянулась песчаная равнина. Чудовищные песчаные холмы — желтоватые и красновато-бурые — вздымались со всех сторон. Это было преддверие безжизненной Ливийской пустыни. О том, что рядом находилась утопающая в зелени долина Нила, можно было только догадываться по видневшимся кое-где группам пальм и иссушенным солнцем кустарникам.

Здесь, где шла вечная борьба между сеющей смерть пустыней и животворным Нилом, на границе между двумя враждующими стихиями возвышались величественные усыпальницы фараонов. Демокрит подумал, что место для кладбища было выбрано не случайно. Мертвых отправляли в западную пустыню, где не видно было ничего живого, куда ежедневно уходило солнце, где царила смерть. Недаром Паисий называл покойников «обитающими на Западе».

Пирамид было несколько десятков, но выше и величественнее

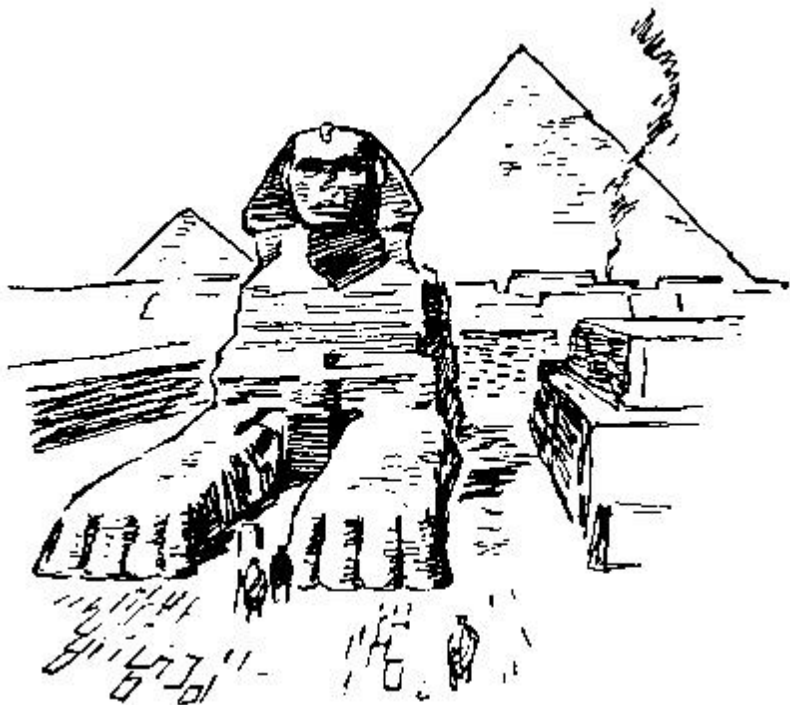
остальных казались три — Хеопса, Хефрена и Микерина. Чем ближе подходил Демокрит к этим пирамидам, тем громаднее казались они ему. Просто невозможно было поверить, что эти каменные горы создали не гиганты, а люди, обыкновенные египтяне, такие же жалкие бедняки, как тот хозяин дома, у которого ночевал Демокрит, такие же, как эти проводники, что сейчас его сопровождают, несчастные, голодные, обездоленные крестьяне. Из камней, которые пошли на постройку даже меньшей из этих пирамид, наверно, можно было построить дома для всех бедняков Египта. И, по мере того как эти мысли приходили в голову Демокрита, чувство восхищения, охватившее его сперва, сменялось глухим раздражением против строителей этих каменных громад.

Когда наконец они достигли основания большой пирамиды, Паисий оглянулся посмотреть, какое впечатление произвели пирамиды на Демокрита, и, увидев его хмурое лицо, удивился.

— Мне кажется, — сказал он, — тебя не восхищают пирамиды, а ведь они — одно из Семи чудес света.

— Это действительно удивительное творение человеческих рук, — отвечал Демокрит, — но я с ужасом думаю, сколько сил бессмысленно затрачено на сооружение этих громадин, сколько ценностей скрыто в них, сколько пищи, которой можно было накормить голодных!

— О какой бессмысленной трате сил ты говоришь! — вскричал Паисий. — Заботиться о мертвых — так же важно, как воспитывать детей. Родичи обязаны снабдить усопшего всем, что может ему понадобится на том свете: жильем, одеждой, посудой, обувью. Иначе мертвец не будет иметь покоя, и тогда его тень придет к оставшимся в живых и станет терзать их. Все мы когда-нибудь умрем, и если сейчас, пока живы, не будем оказывать внимания покойникам, кто же станет заботиться о наших могилах.

— У нас в Греции покойникам не сооружают роскошных гробниц и не кладут в могилы запасы пищи на многие годы. Мне кажется это правильным. Никто не видел, чтобы покойник хоть раз воспользовался своим имуществом, — возразил Демокрит и, чтобы не обижать собеседника, перевел разговор на другую тему, спросив: — Сколько лет строилась пирамида Хеопса и какой она примерно высоты?

— Только дорогу, по которой подвозили камни, строили десять лет. Все должны были работать. Одни таскали к Нилу известняковые глыбы от каменоломен, находившихся далеко на Востоке. Другие перевозили эти камни на плотах через реку. Третьи тащили их от Нила сюда. Сооружение пирамиды длилось двадцать лет. Одновременно на строительстве работало сто тысяч человек. Камни, из которых сложена пирамида, отшлифованы и пригнаны так, что — вот смотри — между ними не просунуть даже лезвие ножа.

Пирамида Хеопса превышает пятьсот греческих футов^[11]. Вторая по величине пирамида Хефрена ниже ее футов на десять, но и она кажется такой высокой, что как ни задирай голову, а вершины все равно не видно. Если хочешь точно знать высоту пирамиды Хеопса, высчитай ее сам. Геродот уверял, что она достигает восьмисот футов, но мы, египтяне, этому не верим. Проверь и ты убедишься, кто прав.

— Это было бы, конечно, очень интересно, — сказал

Демокрит, — но сколько времени потребуется, чтобы взобраться на вершину пирамиды, и где мы возьмем веревку достаточной длины, чтобы спустить ее потом вниз?

— Этого вовсе не требуется. Посмотри, солнце недавно встало, и тени, которые бегут впереди нас, длиннее, чем наши тела. Если измерить длину тени, отбрасываемой пирамидой, то можно определить и высоту строения. Во сколько раз твоя тень длиннее твоего тела, во столько раз и тень пирамиды больше ее самой.

«Странно, — задумался Демокрит, — мои учителя не говорили мне о таком способе измерения. Но я изучал подобие треугольников и понимаю, что треугольник, образованный мною и моей тенью, подобен тому, который образовали пирамида и ее тень на песке».

— А ну-ка, — закричал он отставшему Диагору, — достань веревку и сосчитай расстояние от большой пирамиды до конца ее тени! Измерил? Сколько? Шестьсот футов? А теперь измерь мою тень. Свой рост я знаю — шесть футов, а тень протянулась на все двенадцать. Раз я вдвое короче своей тени, значит, и высота пирамиды вдвое меньше, чем шестьсот футов. Получается совсем немного.

— Нет, ты считаешь неверно, — возразил корабельщик, — пирамида не шест, и тень, которая падает от нее, не вся ложится на песок. Часть ее находится на самой пирамиде. Надо прибавить расстояние от центра основания пирамиды до ее края. Смотри, тень на песке имеет сейчас правильную форму: вершина ее отстоит на одинаковом расстоянии от обоих углов. Значит, и тень, которая лежит на пирамиде, занимает расстояние, равное половине основания пирамиды, так как вершина строения расположена точно над его серединой. Пусть Диагор измерит сторону основания пирамиды, и задачу легко можно будет решить правильно.

Сердито бормоча что-то себе под нос, Диагор закрепил камнем конец шнура и начал измерять длину основания пирамиды.

«Зачем это все нужно? — думал он. — Разве цифры могут дать представление об истинном значении вещи? Вот если бы Демокрит захотел воспеть пирамиды, чтобы люди поняли величие и красоту зданий, таких огромных, что в тени их может спрятаться целый город, тогда он помогал бы ему охотно, а не по принуждению». С детских лет Диагор любил поэзию и терпеть не мог заниматься вычислениями.

— Никогда не поверю, — вдруг произнес он вслух, — что это делается без всякой корысти. Не станет нормальный человек

решать задачи для собственного удовольствия.

— Сколько? — прокричал Демокрит, видя, что Диагор дошел наконец до угла пирамиды. — Восемьсот? Теперь ясно. Длина тени на пирамиде четыреста футов, на песке — шестьсот. Сложить и разделить пополам. Паисий прав: высота пирамиды — пятьсот футов. Геродот ошибся, и притом в полтора раза. Как же он так? Ведь цифры — это хлеб ученого. Ошибка в цифрах — ошибка и в выводах. Что может быть страшнее?!

— Вот видишь, — сказал Паисий, — ты признал мою правоту в расчетах, теперь признай, что пирамиды должны вызывать восхищение. Если даже ты прав и после смерти человеку ничего не надо, все равно мы должны считать пирамиды замечательным памятником великому правителю, стоявшему когда-то во главе народа.

— Согласен, — сказал Демокрит, — человек, сделавший много хорошего, достоин того, чтобы о нем помнили и после его смерти. Но для этого вовсе не следует мучить людей и отдавать мертвым то, в чем нуждаются живые. Тот же, кто сам истязал народ, чтобы потомки удивлялись воздвигнутому им себе памятнику, вовсе не достоин, чтобы последующие поколения помнили о нем.

Вот с этим я никогда, ни за что не соглашусь! — вскричал Паисий. — О ком же помнить как не о них? Если бы ты знал, каких трудов стоило воздвигнуть пирамиды, то проникся бы уважением к правителям, сумевшим подчинить себе такое количество людей. Египтяне гибли на тяжелой работе, но фараон был для них божеством, а преданность ему — высшим законом. Люди понимали, что счастье не в богатстве, не в сытой еде, а в чувстве исполненного долга. Нынешнее поколение даже представить себе не может, какое это счастье безгранично верить своему фараону. От скольких мук и сомнений избавляет человека сознание, что государством управляет живой бог.

Во времена Хеопса это убеждение было всеобщим. Никто не смел не только сидеть, но даже стоять в присутствии царя.

Самые знатные чиновники ползали перед ним на животе, приближенные считали за честь поцеловать пыль, которой коснулась нога божественного правителя, больные исцелялись от одного вида царя. Не будь Хеопс жесток, не карай он беспощадно за малейшее ослушание, великое строительство никогда не было бы завершено. Зато теперь каждый египтянин с гордым чувством называет имя царя, в правление которого соорудили величайшее чудо света.

— Не верь ему, господин, — неожиданно вмешался в разговор один из проводников. — Мы, египтяне, с ужасом вспоминаем правление фараонов — строителей пирамид. Не долго пришлось им полежать в своих гробницах. Восстание народа опустошило большие пирамиды, статуи Хеопса были разбиты. Сейчас мы не вспоминаем даже его имя, чтобы не накликать себе другого такого царя.

— Вот видишь, Паисий! — обрадовался Демокрит. — Не все в Египте согласны с тобой. Преданность вовсе не всегда украшает человека. Любой из нас с уважением называет имя героя, для которого долг дороже богатства, благополучия и даже самой жизни. Но безропотно подчиняться насилию — в этом нет никакой доблести. У нас, греков, существует предание об искусном мастере афинянине Дедале. Царь острова Крита Минбс насильно удерживал его у себя, не желая отпустить замечательного зодчего. Но там, где действует сила, покоряется

только робкий. Скрепив воском птичьи перья, Дедал сделал себе и своему сыну Икару крылья и на них улетел от Миноса. Он не побоялся рискнуть своей жизнью и жизнью сына — Икар погиб во время бегства, не испугался мести могущественного царя, отыскавшего его даже на далекой Сицилии, — все ради того, чтобы не подчиниться тирану. Гордость свободного человека, не смиряющегося перед насилием, оказалась у Дедала сильнее страха, приковывающего человека к земле. Это прославило замечательного мастера даже больше, чем его удивительное искусство.

Паисий хотел что-то возразить Демокриту, но потом, искоса взглянув на проводников, тащивших мешки с пищей, кувшины с водой и тяжелые мотки веревок, на Диагора, ковылявшего чуть позади своего господина, нахмурился и не сказал ничего.

Через два часа путешественники были уже на корабле, а вечером того же дня подплывали к большому городу Мемфису.

У КАЖДОГО СВОИ ОБЫЧАИ

Здесь кораблю Паисия предстояла длительная стоянка. Надо было сгрузить часть товаров, взять на борт зерно, которое приказчик Аркесилая должен был выменять в Фйвах на листы папируса.

Чтобы не терять бесполезно время, Демокрит решил осмотреть Мемфис. Он ходил по улицам этого шумного многолюдного города, вслушивался в долетавшие до него обрывки разговоров и старался разобраться в путанице улиц древней египетской столицы. Вскоре Демокрит обнаружил, что город с трех сторон окружен водой — с востока Нилом, а с севера и запада большим искусственным озером, образовавшимся благодаря запруде, поставленной на реке.

Демокриту рассказали, что плотину постоянно охраняют персидские часовые: завоеватели опасаются, что из ненависти к ним кто-нибудь попытается разрушить запруду и затопить город. Стихийное бедствие может довести и так постоянно голодных и недовольных жителей до отчаяния, и тогда не миновать восстания народа против персов, которое легко может распространиться и охватить всю страну.

На севере Мемфиса, на берегу озера, Демокрит осмотрел дворец фараонов — основателей города. Египтяне говорили, что, с тех пор как построен этот дворец, сменилось семьдесят пять поколений. Демокрит подумал, что у себя на родине он не знает ни одного сооружения, которое могло бы сравниться в древности с мемфисским дворцом или пирамидами. Две тысячи лет назад греки жили где-то на севере, а Грецию населяли совсем другие племена, о которых никто не может рассказать ничего достоверного.

Сейчас во дворце фараонов жил персидский наместник. Здесь же среди тенистых садов, обильно орошаемых водой из озера,

высились красивые дома персидской и египетской знати. На берегу Нила Демокрит увидел храм главного бога Мемфиса Птаха, которого почитали как покровителя ремесла и искусства. Приезжавшие из Египта мореходы рассказывали, что это божество во всем походило на греческого Гефеста, но египтяне почему-то редко изображали его в образе человека. Обычно Птаха почитали в образе быка, и земным его воплощением считался Апис, черный бык, которого содержали в храме. Не всякий черный бык мог быть воплощением бога Птаха. Двадцать восемь священных примет, которые знали только посвященные, должны были быть у теленка, чтобы жрецы объявили его Аписом. Впрочем, главные приметы знали все жители Мемфиса. На лбу у Аписа должно было быть небольшое треугольное белое пятнышко, на спине другое пятно, напоминающее распластавшегося в полете коршуна. Остальное — рога, волосы на хвосте, язык и другие признаки — было тайной.

Бык жил в храме, и красивейшие девушки города прислуживали ему. Сам фараон приезжал в Мемфис, чтобы совершить жертвоприношение Апису. Многочисленные подарки Апису забирали себе жрецы храма.

Когда Апис умирал, вся страна погружалась в траур. Траур длился до тех пор, пока не находили теленка, расцветка которого доказывала, что в нем обитает дух Птаха. Тогда жрецы объявляли его Аписом и устраивали новому богу торжественный въезд в Мемфис. Целую неделю длились празднества. Страна радовалась и ликовала: ремесло и искусство вновь обретали могущественного защитника и покровителя.

Паисий показал Демокриту кладбище Аписов, расположенное к западу от города в песчаной пустыне. Дорога, которая вела на кладбище, была украшена множеством статуй и обсажена деревьями; но и они не спасали от заносов. Песчаные вихри неистовствовали в этой местности, и некоторые статуи были до половины засыпаны песком. На кладбище, в глубоких нишах, вырубленных в скале, было похоронено шестьдесят четыре священных быка. Гробницы были соединены галереями. Над каждым склепом была надпись: в ней сообщалось, когда родился, сколько лет и при каком фараоне прожил похороненный здесь Апис. Туша быка, превращенная в мумию, была положена в украшенный золотом гроб из розового гранита.

Демокриту показалось странным и неразумным устройство такого роскошного кладбища для животных. Еще больше он удивился, когда на обратном пути увидел уже в предместье города торчащие из песка бычьи рога.

— Что это, — воскликнул Диагор, — еще одно бычье кладбище?

— Не совсем, — ответил Паисий. — Бык зарыт здесь временно. Скоро придет корабль с острова Просопитиды, где хоронят обыкновенных быков, заберет кости и увезет на остров. Павшее животное приходится закапывать в землю, чтобы собаки не растащили его по кускам. А чтобы легче было потом найти тушу и отвезти на кладбище, мы и оставляем над землей один или два рога.

— У нас бы его просто съели, — недовольно сказал Диагор. — Видно, богато вы живете, если закапываете мясо в землю.

— Пададь у нас в Греции тоже не едят, — заметил Демокрит. — Но неужели, Паисий, — спросил он, — в Египте не режут скот в жертву богам? Наверно, жертвенное мясо можно есть и в Египте?

— Далеко не всем, Демокрит, далеко не всем. Жрецы получают мясо в изобилии, а простому человеку случается по несколько лет не пробовать нечего мясного.

— Почему же? Неужели, если в деревне режут быка, каждому не достанется хотя бы по одному куску?

— Видишь ли, в пищу идут только филейные части, бедра и шея. Это не так много. К тому же, чтобы зарезать быка, надо

получить разрешение у жрецов. Жрец осматривает животное и, если найдет его подходящим для жертвоприношения, обертывает его рога листьями папируса, которые скрепляет отпечатком своего перстня. Только после этого быка можно вести к алтарю и резать. По нашим обычаям, человек, который убьет не отобранного жрецами быка, подлежит смерти. А чтобы получить разрешение, приходится отдавать не меньше половины мяса.

— А туловище быка — ребра, лопатки? Кому отдают их? — спросил Диагор, у которого от этих разговоров разыгрался аппетит.

— Туловище наполняют зерном, медом, изюмом и благовониями, поливают маслом и сжигают на алтаре. Ароматный дым поднимается к небесам, туда, где живут боги.

— А голову? — упавшим голосом спросил Диагор. — Неужели и голову отдают богам?

— Нет, — засмеялся Паисий, — голову мы охотно продаем, если удастся найти покупателя.

— Почему же вы сами не варите ее? Ведь бычьи головы совсем не дурны, — продолжал спрашивать Диагор, который сейчас не то что бычью голову, но и заплесневелую лепешку съел бы не раздумывая.

— Что ты, — продолжал смеяться Паисий, — ни один египтянин в рот не возьмет ни кусочка мяса от головы. Ведь она же начинена несчастьями.

— Что это значит? — заинтересовался Демокрит.

— А вот что. Жрец, убивая жертву, отделяет голову и произносит над ней заклятие. «Пусть, — говорит он, — те беды, которые нависли надо мной, над этими людьми и над всем Египтом, обратятся на эту голову!» А потом, если голову не удалось продать, мы бросаем ее в Нил, и река уносит все грозящие нам несчастья вниз по течению.

— Забавный обычай, — с усмешкой сказал Демокрит, — да и не слишком благочестивый. Ведь, продавая начиненную проклятьями голову, вы обманываете покупателя.

— Никого мы не обманываем, — обиделся Паисий. — У каждого народа свои порядки. Каждый считает свои обычаи самыми лучшими, а над чужими смеется. А посмотри со стороны, и греческие нравы покажутся ничуть не менее смешными и дикими, чем нравы каких-нибудь индийских людоедов. Ведь рассказывает же историк Геродот, что персидский царь Дарий позвал как-то греков и спросил, за какую плату согласились бы они съесть своих покойников. «Ни за какую! — ответили те. — Казни нас лучше сразу». Тогда призвал Дарий индийцев из племени калатиев, которые, как рассказывают, съедают своих

родителей, и спросил их, за какую плату согласятся они сжечь умерших. «Что ты! — испугались калатии. — Такого кощунства мы не совершим хотя бы из страха перед богами».

Демокрит засмеялся, а Паисий замолчал и больше не промолвил за всю дорогу ни слова.

На корабль они вернулись поздно ночью. Улегшись на палубе и глядя в черное небо, усыпанное блестками звезд, Демокрит думал об удивительных нравах египтян.

В конце концов он вынужден был признать, что самые культурные народы не так уж далеко ушли от дикарей... На свете столько еще всяких суеверий...

Демокрит вздохнул и закрыл глаза. Через несколько минут он уже крепко спал.

Сон его был прерван неожиданно донесшимся с берега пронзительным поросячьим визгом. Демокрит вгляделся и увидел египтянина, который изо всех сил лупил палкой истошно орущего поросенка.

— Зачем он мучит животное?!

— Охотится на крокодила, — ответил Паисий.

— На крокодила?! — удивился Демокрит. — Так ведь крокодилы священны. Я сам видел, как их охраняют и кормят в окрестностях Мерйдова озера. А при чем тут поросенок? Или они думают, что поросячий визг благоприятствует охоте?

— Крокодилы считаются священными не во всех областях Египта, — объяснил Паисий. — В этой части Египта на них охотятся. Говорят, что у них вкусное мясо. Охотник забрасывает в Нил крючок, на который насажен большой кусок свинины. Визг поросенка привлекает зверя. Крокодил бежит на крик, видит свинину, проглатывает ее и попадает на крючок. Охотник вытаскивает его на сушу. Здесь, прежде чем убить зверя, ему залепляют глаза грязью, так как иначе справиться с ним нелегко.

Визг поросенка неожиданно утих.

— Смотри, смотри, — закричал Паисий, — кажется, охотник уже тянет крокодила на берег!

Неожиданно Демокрит заволновался и стал уговаривать Паисия обязательно причалить. Пока корабль разворачивался и подходил к берегу, охотник успел покончить с крокодилом и снова принялся бить поросенка, надеясь, видимо, подманить еще одного зверя. Оказавшись на берегу, Демокрит попросил у охотника позволения осмотреть убитого крокодила.

— Да что на него смотреть? Крокодил как крокодил, — сказал недовольно охотник, видимо опасаясь, что незнакомец под каким-нибудь предлогом попытается отнять у него добычу.

Однако предложенные Демокритом деньги сделали

египтянина более сговорчивым.

Раздвинув крокодилу челюсти, Демокрит обнаружил во рту у него короткий и плоский язык, похожий на небольшую лопатку.

«Эх, нет здесь того простака, который так доверял Геродоту! — подумал Демокрит, несколько раз открывая и закрывая пасть животного, подымая ему веки и внимательно разглядывая остановившиеся зрачки. — Геродот просто пересказывал чужие басни. Возьми он хоть раз крокодила за нос, ему сразу стало бы ясно, что и язык у него есть и верхняя челюсть так же наглухо соединена с черепом, как у других животных. Никогда нельзя полагаться на других. Пересказывать чужую болтовню ничем не лучше, чем врать самому. Тот, кто придумывает небылицы, всего лишь лжец, а тот, кто повторяет их, оказывается в положении дурака. А это, пожалуй, еще хуже».

ДИАГОР ПИШЕТ ПИСЬМО

В Фивах Демокрит распростился с Паисием, который выгрузил зерно и собирался через несколько дней возвращаться в Навкратис.

Сопровождаемый Диагором, Демокрит сошел на берег и пошел искать корабль, на котором они могли бы продолжить путешествие. Это оказалось нелегкой задачей. Почти все корабли плыли вниз к Дельте, и лишь очень редко египтяне отправлялись выше Элефантины^[12], в область нильских порогов. После долгих расспросов им удалось все-таки найти корабль, который через несколько дней должен был плыть в Эфиопию.

Один день Демокрит решил посвятить осмотру Фив, а на следующий день вместе с Диагором отправиться к храму египетского бога солнца. Но раб попросил Демокрита не брать его с собой и разрешить остаться дома.

— Я очень устал, господин, — говорил Диагор, — ноги совсем не ходят...

— Ну что же, — согласился Демокрит, — можешь оставаться. Впереди тяжелый путь, отдохнуть перед которым, пожалуй, надо.

Назавтра Демокрит рано утром ушел, и Диагор остался один. Не теряя зря времени, раб достал папирус и сел писать письмо.

Радуйся, Дамас, — написал Диагор обычное греческое приветствие. — Сообщаю тебе, что Демокрит благополучно прибыл в Египет, где сразу же получил письмо, якобы вынесенное волнами. Письмо это было написано Левкиппом и звало Демокрита в столицу Эфиопии Мероз. Думаю, что у них это было заранее договорено. Ведь только в сказках письма, брошенные в море, попадают в руки тех, кому они адресованы. Значит, Демокрит, уже уезжая из Абдер, собрался ехать в Мероз, но скрыл это от тебя. Я помню твои наставления. Не забудь и ты свое обещание и отпусти меня на волю, когда мы вернемся в Абдеры. В Эфиопии я наконец узнаю причину, которая заставила Демокрита отправиться в путешествие. Будь здоров.

Окончив писать, Диагор пошел на пристань, нашел Паисия и, передавая ему письмо, сказал:

— Демокрит велел тебе отвезти это письмо в Навкратис, и пусть Аркесилай перешлет его в Абдеры Дамасу.

— Хорошо, — сказал Паисий, — я все сделаю, как велел твой господин.

С этими словами Паисий положил письмо в свою сумку и

пошел на рынок, а Диагор отправился домой. Не доходя нескольких улиц до рынка, Паисий встретил Демокрита.

— Можешь не волноваться, Демокрит, — сказал Паисий, — твое письмо я передам Аркесилаю, как только приеду в Навкратис, и послежу, чтобы он не забыл переслать его в Абдеры.

— О каком письме ты говоришь? — удивился Демокрит.

— Как о каком? О твоём! — в свою очередь, удивился Паисий и достал из своей сумки письмо. — Вот об этом! Диагор передал мне только одно письмо.

Демокрит взял папирус, развернул его и начал читать.

«Как странно, — подумал Демокрит, прочитав письмо, — человек часто охотно верит небылице, но сомневается в истине, если она идет вразрез с привычными представлениями. Недаром говорят, что нет ничего невероятнее правды. Нельзя винить Диагора за то, что он не отличается от остальных людей. Однако наши разговоры не были бесполезны ему. Он придумал довольно убедительное объяснение всем моим поступкам. Впрочем, я даже не скажу ему, что прочел это письмо. Боюсь только, что Дамас будет разочарован, когда узнает, что предположение Диагора не оправдалось».

А Паисию Демокрит, возвращая письмо, сказал:

— Я совсем забыл, что написал Дамасу. Если бы не Диагор, папирус так бы и лежал неотправленным. Хорошо, что хоть он-то не забыл это сделать. Возьми письмо, и пусть все будет так, как говорил тебе Диагор.

— Я все исполню, — сказал Паисий, — но если у тебя есть еще какие-нибудь поручения, то вспомни о них сейчас, ведь завтра мой корабль покидает Фивы.

— Благодарю тебя, — ответил Демокрит. — У меня нет никаких поручений.

И с этими словами Демокрит отправился дальше. Но едва он завернул за угол, как его взору предстала удивительная картина.

Человек десять египтян с громкими криками ловили кошку, которая со вздыбленной шерстью пыталась ускользнуть от своих преследователей. Она кидалась то в одну сторону, то в другую, ловко проскакивая между ног преследователей, при этом успевая истошно мяукать и отчаянно царапаться. Но самое удивительное было то, что все это происходило у объятого огнем дома, на который занятые охотой на кошку египтяне не обращали никакого внимания и, видимо, не собирались тушить пожар. При виде этого у Демокрита от удивления отвисла челюсть, и он замер на месте как вкопанный.

Кошке неожиданно удалось прорваться сквозь строй обступивших ее египтян, и, подняв хвост, она со всех ног

пустилась бежать по улице. Чтобы окончательно вырваться на свободу, ей оставалось лишь проскочить мимо неподвижно стоящего Демокрита. Кошке, видимо, казалось, что это ей легко удастся, но, когда она поравнялась с ним, Демокрит с ловкостью, которую в нем трудно было предположить, схватил пробежавшее мимо животное за загривок и, не обращая внимания на душераздирающее мяуканье, поднял его в воздух.

— Отпусти сейчас же кошку! — услышал Демокрит чей-то голос за своей спиной. — Отпусти ее немедленно, или египтяне разорвут тебя на части.

Демокрит разжал пальцы, кошка шлепнулась на землю и попыталась было снова пуститься наутек, но подоспевшие египтяне поймали ее и, ласково глядя, усадили в большую, сплетенную из тростника корзину. При этом на Демокрита они поглядывали с выражением крайнего возмущения, грозя ему кулаком.

Демокрит обернулся, чтобы взглянуть на человека, кричавшего ему, и увидел, что это был Архипп, тот самый Архипп, которого абдерский путешественник встретил в первый день своего пребывания в Египте.

— Ну как, нашел своего учителя? — спросил Архипп.

— Пока нет, но не теряю надежды. А ты что тут делаешь?

— Как что? — удивился пифагореец. — Я же говорил тебе, что верю в бессмертие души. А всем известно, что у фи-ванских жрецов имеется таинственная книга «О том, что в Аиде»^[13]. Вот я и приехал узнать, что я должен делать, чтобы моя душа не погибла в преисподней.

— Ну и что же? Удалось тебе узнать, как спасти свою душу?
— поинтересовался Демокрит.

— Да! — важно ответил Архипп. — И я объясню это в моей книге всем, кто способен прислушаться к голосу мудрости.

— Объясни пока что мне, — перебил его Демокрит, — почему эти люди ловят кошек во время пожара, а мне за то, что я хотел помочь им, грозят кулаками?

— Не тревожься! Теперь они тебя уже не тронут. Они подумали, что ты сделаешь кошке больно, и поэтому рассердились. Не знаю, почему в Египте так чтут этих животных. Может быть, потому, что ни в одной другой стране они не встречаются; но ты даже представить себе не можешь, каким уважением они здесь пользуются. Вся семья ухаживает за живущей в доме кошкой, кормит ее и ласкает. Если кошка умрет, хозяева велят изготовить из нее мумию и хоронят на специальном кошачьем кладбище. В доме объявляется траур, и все в знак глубочайшего горя выстригают себе брови.

— Но ты не объяснил мне, почему целая толпа, вместо того чтобы тушить пожар, ловила кошку?

— В этом случае, — улыбнулся Архипп, — мудрые египтяне,

как мне кажется, поступают несколько странно. Они убеждены, что во время пожара кошки бросаются в огонь. А жизнь священного животного им дороже имущества.

— Как же! Так бы она и бросилась в огонь! Не схвати я эту кошку, она бежала бы до нильских зарослей. Интересно, как могло возникнуть такое поверье? Наверно, были случаи, когда в горящем доме оставались котята и кошка бросалась в огонь, чтобы спасти их. Станные мудрецы твои египтяне: не верят собственным глазам и убеждены в том, что слышали от других. Разве не знают они древней поговорки: глаза более надежные свидетели, чем уши?

— Если хочешь познакомиться получше с учением египтян, — сказал Архипп, — пойдем со мной завтра в храм Аммона. Я познакомлю тебя с египетскими жрецами, и они расскажут тебе много интересного.

Назавтра Демокрит зашел за Архиппом, и они вместе пошли по широкой дороге, проложенной по невысокой насыпи. Насыпь была сделана для того, чтобы во время разлива Нила воды реки не заливали дорогу и не разрушали памятники. По обе стороны дороги стояли статуи сфинксов — фантастических существ с телом льва и головою человека.

Это была настоящая аллея протяженностью больше десяти стадий, только вместо деревьев через каждые несколько шагов по обе стороны стояли огромные статуи. Такого количества статуй Демокрит еще никогда не видел. Его поразило, что часть аллеи была уставлена изображениями баранов.

— Баран — священное животное бога солнца Аммона, в храм которого мы идем, — объяснил Архипп.

— У нас в Греции тоже кое-кто поклоняется Аммону, — сказал Демокрит. — Они считают его царем богов вроде нашего Зевса и изображают могучим мужчиной с густой бородой и длинными волосами.

— Я сам охотно приношу жертвы Аммону-Зевсу, — подхватил Архипп, — но в Египте полагают, что Аммон часто принимает различные обличья. Ему приходится бороться с божествами холода и мрака — змеем, крокодилом и страшным драконом Апопом, обитающим под землей. Я сам видел священную картину, как солнечный бог, принявший образ огромного огненно-рыжего кота, убивает своего врага — змея. А на другом изображении Аммон уже в человеческом образе поражает крокодила. Каждый вечер, пройдя свой дневной путь по небу, ладья, в которой плывет по небесному Нилу Аммон, подплывает ко входу в подземный мир, находящемуся на западе за горизонтом. Здесь Аммон переходит с дневной ладьи на

ночную, и начинается его плавание по подземному Нилу, протекающему в преисподней.

Здесь-то и поджидает солнечного бога его смертельный враг дракон Апоп. Ровно в полночь завязывается страшный бой. Если победит Апоп, солнце никогда не взойдет над землей, мрак и смерть воцарятся повсюду. Но могучий Аммон всегда побеждает. Поразив своего врага, Аммон беспрепятственно продолжает плавание по подземному Нилу, достигает ворот из преисподней, находящихся на востоке, пересеживается на дневную ладью и снова начинает движение по небесному пути.

За разговором путники не заметили, как подошли к стенам храма Аммона. Две огромные башни, высотой около 100 локтей, с наклонными, сужающимися кверху стенами, — так называемые пилоны — обрамляли ворота храма.

Архипп велел Демокриту снять плащ и обувь, а Диагору приказал остаться у ворот храма охранять одежду.

Демокрит последовал за Архиппом, но, пройдя ворота, убедился, что до святилища еще далеко. Двор, в который они попали, был разделен новой стеной с величественными воротами, затем опять двор и снова стена. Со всех сторон возвышались огромные статуи богов, сделанные из ценных пород камня, золота и серебра.

Но больше всего поразил Демокрита сам храм. Центральный зал представлял собой целый лес из колонн, которых было так много, что казалось, человек легко может заблудиться и навсегда затеряться в этом огромном храме. Центральные колонны были так широки, что их не смогли бы обхватить даже пять человек.

— Афинский Парфенон легко может уместиться в одном этом зале! — с такой гордостью сказал Архипп, как будто это он построил храм.

— Ничего подобного не случалось мне еще видеть, — ответил Демокрит, понижая голос. — Человек в таком храме ощущает свое ничтожество, а жрецам, вероятно, только этого и надо. Чем слабее и ничтожнее кажется себе человек, тем с большим почтением относится он к всемогущим богам.

— Неужели, чужеземец, ты думаешь, — раздался голос, — что египтяне не почитали бы богов, не будь этого храма?

Из-за колонны неожиданно вышел высокий бритый человек в белой одежде и тростниковых сандалиях. Это был один из жрецов храма. Вежливо поздоровавшись с Архиппом, он продолжал, обращаясь к Демокриту:

— Скажи, грек, чем, по-твоему, прежде всего отличается египетская религия от вашей?

— Не знаю, — растерялся Демокрит, — думаю, что и там и

здесь вера в богов не может помочь человеку, желающему заниматься наукой.

— Наш храм построен не для ученых, — возразил жрец. — Мы даем утешение обездоленным, а в этом люди нуждаются больше хлеба. Вот почему не оскудевает поток даров, на который содержатся храмы и существуют жрецы. У вас в Греции жрецом может быть любой гражданин. В Египте звание жреца передается в знатных семьях от отца к сыну. Мы, жрецы, живем замкнуто, не общаясь с простым народом и строго соблюдая священные обряды. В награду за это души наши не погибнут, а будут жить вечно.

— Расскажи нам о том, что в Аиде, — вмешался Архипп. — Я уже говорил Демокриту о ладье Аммона, но мне хотелось бы услышать о судьбе умерших.

— В подземном царстве, — сказал жрец, — правит мудрый и справедливый бог Осйрис. Когда-то злой брат Сет убил Осириса. Но брату не удалось уничтожить тело Осириса, и Осирис воскрес. Так же может воскреснуть и умерший человек, если тело его не будет уничтожено. Что станет с человеком после смерти, решается на суде Осириса. Огромные весы стоят перед подземным правителем. Нелегко покойникам пройти суд Осириса: если окажется, что человек не выполнял предписаний богов и его сердце обременено грехами, чудовище с головой крокодила пожрет его, и не будет ему ни вечной жизни, ни воскрешения.

— Зато те, кто оправдан Осирисом, получают вечную жизнь на полях блаженства, — вмешался Архипп.

— А некоторые, — важно добавил жрец, — даже могут вернуться назад на землю.

— Что же надо сделать для этого? — спросил, заглядывая жрецу в глаза, Архипп.

— То же, что делали ваши мудрецы Орфей и Пифагор, — спокойно ответил египтянин. — Один из них сумел выйти из Аида, а другой вернется к людям через двести лет. Надо чтить богов, приносить им щедрые дары, а главное, дружить с жрецами, — добавил он, неодобрительно глядя на Демокрита. — Только они могут посвятить в таинства, которые открывают двери подземного мира. Надо знать, в какой части преисподней протекает подземный Нил и когда проплывает по нему ладья Аммона, надо знать также тайное имя Аммона, и тогда бог возьмет тебя на свою ладью и вывезет на землю.

— Так скажи же мне скорей его имя! — И Архипп умоляюще схватил египтянина за руку.

— Нет, — решительно ответил жрец, — для этого ты должен

прожить в храме не меньше года, пожертвовать богу свое имущество и точно соблюдать все обряды.

— Я согласен, — с готовностью сказал Архипп. — Я стар и мудр. Мне много не нужно. Как и мой учитель Пифагор, я не боюсь смерти, но, если есть возможность вернуться после смерти к людям, я должен сделать все возможное, чтобы не лишать их моей мудрости. А ты, Демокрит? Неужели тебя не пугает смерть и царство мертвых?

— Очень пугает, — рассердился до сих пор спокойно слушавший Демокрит. — Только ни в поля блаженных, ни в муки преисподней я не верю. Я уже слышал эти рассказы о воскрешении из мертвых от твоих друзей пифагорейцев. Теперь я наконец понял, откуда они идут. Не пойму только, почему, если они действительно верят в загробное существование души, то не хотят оставаться в своих полях блаженства и готовы все отдать, только бы вернуться в ладье Аммона назад к мучениям этой жизни. Да и ты уже не хочешь ждать, пока твоя душа переселится в какого-нибудь благородного зверя. Забыв все, что проповедовал, ты даешь водить себя за нос обманщику, польстившемуся на твое богатство. Прощай, Архипп. Вернувшись на родину, я обязательно напишу книгу «О том, что в Аиде». Слишком много людей стало верить пифагорейцам, повторяющим египетские выдумки. Я покажу, откуда берут они рассказы о муках грешников, о воскрешении мертвых, и любой мальчишка поймет, что это обман, которому не стоит верить^[14].

ПРОПАВШИЙ ПАПИРУС

От Фив до Мероэ — столицы эфиопского царства — сперва надо плыть по Нилу, а потом в течение двенадцати дней пришлось идти напрямик через пустыню. Хотя город был расположен на берегу Нила, до него из-за порогов на реке нельзя было доплыть на корабле. Идти вдоль Нила тоже не имело смысла, и все пользовались прямой дорогой, которая была значительно короче.

Двенадцатидневный переход очень утомил Демокрита. Солнце палило нещадно, мучила жажда, песок скрипел на зубах, забивался в одежду и волосы. В горле пересохло, и язык распух так, что казалось, он уже не помещается во рту.

Наконец вдаль показалось Мероэ. Это был небольшой городок, состоявший из белых домиков, сгрудившихся на берегу Нила. Несколько зданий выделялось среди невысоких построек, но даже дворцы и храмы казались маленькими по сравнению с тем, что видел Демокрит в Фивах и Мемфисе. Исключение составлял только величественный храм Солнца.

Стены его были покрыты цветными изразцами и украшены рельефными изображениями битв, в которых участвовали эфиопы. Над входом в храм было вделано в стену изображение солнечного диска.

Возле города виднелось несколько десятков небольших пирамид, отличавшихся от египетских красивыми башенками на вершине и пристройками, нарушавшими тоскливое однообразие стен. Невдалеке от города находились огромные сооружения для сбора дождевой воды и целые горы блестящего черного шлака. Эфиопы раньше, чем египтяне, научились выплавлять железо. Правители страны построили на окраине Мероэ печи для выплавки металла, и вот уже много десятилетий кучи шлака непрерывно росли. Слитки железа эфиопы отправляли вниз по Нилу, выменивая их там на хлеб и предметы роскоши.

Близко к городу подступал густой лес, кишачий дикими зверями. По ночам путники слышали рев леопарда, подбиравшегося к самым домам, и вой шакалов, бродивших возле хлевов. Демокрит видел на лугах, окружавших город, свежие следы слонов и носорогов.

Об эфиопах Демокрит раньше слышал много, и почти все, что рассказывали, оказалось неправдой. Пифагорейцы утверждали, что эфиопы владеют чудотворными секретами, позволявшими оживлять мертвецов. Сами жители Мероэ отрицали это, и Демокрит видел, что они говорят искренне. Неправдой оказалось

и то, что эфиопы выбирают своим царем самого высокого и красивого мужчину. Демокрит мог убедиться, что правивший в то время, когда он был в Мероз, царь был совсем некрасив, а ростом не превышал среднего человека.

На невольничьем рынке Демокрит увидел, как продавали рабов-пигмеев. Пигмеи — племя чернокожих людей, живущих по соседству с эфиопами. Еще в детстве, когда Демокрит учил наизусть Гомера, слышал он о маленьких смешных человечках, живущих у южных пределов земли. «Этот народец такой маленький, — рассказывал Гомер, — что журавли ежегодно осенью, устремляясь на юг, нападают на них:

С криком несутся они к океанским быстрым течениям,
Смерть и погибель готова мужам низкорослым —
пигмеям,
В утренних сумерках злую войну они с ними заводят...

Теперь Демокрит увидел пигмеев своими глазами, и они оказались вовсе не такими маленькими: взрослый мужчина-пигмей достигал почти трех локтей, то есть был по плечо Демокриту. С помощью одного эфиопа, знавшего египетский и понимавшего язык пигмеев, Демокрит выяснил, что рассказ Гомера о войне пигмеев с журавлями — чистый вымысел. Пигмеи уверяли, что они храбрые охотники, и очень смеялись, когда Демокрит спросил их, не боятся ли они журавлей.

Все эти сведения Демокрит получил, бродя по городу и разыскивая Левкиппа, но никаких следов похищенного разбойниками учителя обнаружить не удавалось. Демокрит

исходил город вдоль и поперек, расспрашивал множество людей, но все напрасно. Однако он не сдавался и каждое утро снова и снова отправлялся на поиски.

На десятый день пребывания в Мероэ Демокрит, как обычно, ушел рано утром, а Диагор остался дома.

«Надо было бы написать Дамасу, — думал Диагор, оставшись один, — но о чем писать? Сейчас причины, побудившие Демокрита приехать сюда, известны мне не больше, чем в начале путешествия. А вдруг он и в самом деле ищет Левкиппа?! Невезучий я человек! До самой смерти, видно, оставаться мне рабом, получая колотушки и затрецины. А в том, что затрецин мне не миновать, сомневаться не приходится. Дамас не такой человек, чтобы бросать слова на ветер, а он обещал хорошенько вздуть меня, если я вернусь в Абдеры ни с чем. Хозяева думают, что раб только для того и существует, чтобы можно было срывать на нем плохое настроение. Правда, Демокрит еще ни разу меня не ударил, но неизвестно, что лучше: получить трепку в Абдерах или солнечный удар в одном из этих бесконечных путешествий. Впрочем, я, наверно, получу и то и другое».

От всех этих мыслей Диагор приуныл и, чтобы как-то отвлечься, решил заняться своим любимым делом — сочинением стихов. Диагор взял шкатулку, в которой Демокрит хранил папирус, и открыл ее. В шкатулке лежало всего два листа папируса. Если их забрать, то Демокрит может заметить пропажу. А может и не заметить — он такой рассеянный. Ведь не замечал же он раньше, когда доставало одного или двух листов.

— Э, как-нибудь обойдется, — решил Диагор, — столько неприятностей, что одной больше или меньше — это уже неважно.

Взяв папирус и удобно расположившись, Диагор начал сочинять:

«Что тебе долгая жизнь, если вскоре умрешь ты, а время так быстролетно...» — написал Диагор и задумался. Дальше надо было дать какое-нибудь интересное сравнение, но сравнение не приходило в голову.

«Быстролетно... так быстролетно, — задумчиво повторял Диагор. — Быстролетно... летит... летать... облетать... облетают листья с деревьев... Вот! Кажется, нашел! — обрадовался он и написал: «С листвою нашу природу сравню...»

Теперь получились уже две строчки, которые Диагору понравились:

Что тебе долгая жизнь, если вскоре умрешь ты, а время
Так быстролетно. С листвою нашу природу сравню...

Стихи выходили грустные, под стать мрачному настроению Диагора. Вскоре ему удалось придумать еще несколько строчек, но работа вдруг застопорилась: слова не укладывались в размер, сравнения никак не находились. Полузакрыв глаза, просидел он с полчаса неподвижно, но так ничего и не придумал. Затем тростинка, которую он давно уже не обмакивал в чернила, вдруг выпала у него из пальцев, и вскоре послышалось равномерное посапывание: Диагор заснул. Снился ему Дамас, который бил его по щекам тяжелой волосатой рукой и приговаривал: «Забыл, зачем тебя посылали в Египет?! Забыл, зачем тебя посылали в Египет?!»

Устав от бесплодных хождений по городу, Демокрит вернулся домой, чтобы отдохнуть и заодно записать те сведения об Эфиопии, которые он узнал из разговоров с жителями Мероэ. С самого начала путешествия он взял себе за правило ежедневно записывать все новое, что ему удалось увидеть. В голове его уже созрел план книги, которую обязательно надо написать, чтобы опровергнуть басни, распространяемые пифагорейцами о пигмеях и эфиопах. Эту книгу он назовет «О том, что в Мероэ».

Не обратив никакого внимания на спящего Диагора, Демокрит раскрыл шкатулку.

— Что такое? — произнес он, не веря своим глазам. — Ведь утром еще были два листа. А, понимаю! Диагор опять решил дать знать моему братцу, что мы тут делаем. Ну, на этот раз это ему даром не пройдет. Мало того, что, он обманщик, он еще оставил меня без папируса. Заснул с листом в руках! Утомился, видите ли, сочиняя очередной донос. Эй, Диагор, проснись! Да проснись же ты!

Диагор открыл глаза.

— Ты зачем взял мой папирус? Из-за тебя мне не на чем писать! А ну покажи, что это ты сочинял в мое отсутствие.

Смущенный Диагор молча протянул Демокриту исписанный папирус.

Что тебе долгая жизнь, если вскоре умрешь ты, а время
Так быстролетно. С листвою нашу природу сравню...
Тленны земля и вода... —

с удивлением прочел Демокрит строки, написанные рукой Диагора. Он ожидал увидеть совсем иное.

— Для чего ты это все записывал? Это что, твои стихи? — с интересом разглядывая своего раба, спросил Демокрит.

Диагор молча кивнул.

Демокрит внимательно прочел оба исписанных листа, а затем сказал:

— Признаю, что стихи неплохие. Это смягчает твою вину, и наказывать тебя я не стану: в конце концов, ты не израсходовал папирус бесполезно. А сейчас беги на рынок и купи еще папируса, благо он здесь дешевле, чем где бы то ни было. Купи его столько, чтобы каждый из нас мог писать сколько захочет.

Диагор со всех ног бросился вон из дома. Такого исхода он не ожидал. Он уже чувствовал, как по его спине гуляют плети, — так, без сомнения, поступили бы его прежние хозяева. А тут! Диагор почувствовал, как горячий комок подкатился к его горлу.

«Конечно, — подумал он, — Дамасу я больше не напишу ни одного письма. Какая бы причина не заставляла Демокрита путешествовать — это его тайна, и Дамасу нет до нее дела. Своего хозяина я никогда не предам больше».

Назад Диагор вернулся неожиданно быстро, сопровождаемый незнакомым человеком.

— Господин! — сказал Диагор. — Я встретил по дороге на рынок этого человека. Он расспрашивал греков, не приехал ли ты в Мероз, и сказал, что у него есть для тебя письмо.

Демокрит взял у незнакомца сложенный лист папируса, развернул письмо и прочел:

Левкипп Демокриту желает здравствовать. У меня мало надежды, что ты получил первое мое письмо, но на всякий случай сообщаю тебе, что эфиопы не стали дожидаться, пока ты привезешь выкуп, а продали меня послу персидского царя Гидарну, который был здесь, а сейчас едет назад на родину через Пелусий. Будь здоров. Левкипп.

Получив письмо Левкиппа, Демокрит в тот же день выехал из Мероз. За те два месяца, которые потребовались, чтобы добраться до Пелусия, Демокрит не позволил себе ни одного дня отдыха. Деньги, как водится, творили чудеса. Золотые персидские дарики, которые щедро вручал кормчим Демокрит, побуждали корабли двигаться и днем и ночью...

И все-таки он опоздал. Примчавшись в Пелусий, Демокрит узнал, что неделю назад Гидарн отплыл в Малую Азию, в город Эфес.

Глубоко разочарованный, Демокрит возвратился в Навкратис. Здесь в доме Аркесилая он решил отдохнуть от стремительной поездки вниз по Нилу. Теперь спешить уже не имело смысла. Впереди предстоял долгий путь, перед которым надо было

набраться сил, долгий путь в Эфес, где следовало возобновить поиски бедного Левкиппа.

ВСТРЕЧА С ГИППОКРАТОМ

Демокрит с Диагором сели на торговое судно, отходившее из Навкратиса в Эфес.

Было тепло, дул легкий южный ветерок. Небо было голубое и безоблачное; море гладкое, как зеркало. Не приходилось опасаться и пиратов: на общий счет навклёр (владелец корабля) и путники наняли отряд вооруженных людей, способный отразить любое нападение.

Даже те путешественники, которые обычно страдали морской болезнью, на этот раз чувствовали себя прекрасно; Демокрит сидел над своими записями, сделанными в Египте, и приводил их в порядок.

Но на исходе второго дня пути, несмотря на прекрасную погоду, у Диагора начались тошнота и непрерывная рвота. Он весь горел и на третий день стал бредить. В бреду Диагор кричал, что он великий грешник, что его постиг гнев божий и что кораблю суждено за его грехи погрузиться в морскую пучину.

Благочестивые путники с ужасом внимали этим предсказаниям. Они кричали:

— Мы не хотим все погибнуть из-за того, что среди нас оказался один неугодный богам раб. Надо его бросить в море на съедение рыбам!

Навклёр также пришел в ужас и приказал матросам избавиться от злополучного раба. Диагору связали руки, положили его в полотняный мешок и подняли уже над бортом, но тут Демокрит стал умолять их сжалиться над Диагором. Он уверял, что бред вызван просто болезнью и что она скоро пройдет. С трудом ему удалось уговорить их за большое вознаграждение высадить Диагора на северный берег острова Крита, мимо которого плыл корабль. Диагора оставили в критской гавани Амнисе; Демокрит высадился вместе с ним.

Несколько часов Диагор пролежал на берегу без движения, и Демокрит начал уже опасаться, не умер ли он, но затем сознание вернулось к больному. Оглянувшись и не найдя возле себя никого, кроме Демокрита, Диагор понял, что произошло.

— Господин! — позвал он слабым голосом. — Господин, ты сошел с корабля, чтобы не оставить меня одного?

— Тише, — сказал Демокрит. — Не волнуйся так, а то снова лишишься сознания.

— Ты хороший человек, Демокрит, — сказал Диагор. — А я великий грешник и жалкий предатель! Не спорь, ты еще ничего не знаешь обо мне. Я не был тебе верным слугой — твой брат

подослал меня к тебе, чтобы я следил за тобой. Он думает, что ты разузнал каким-то образом о богатом кладе, спрятанном в Египте, и отправился за сокровищами. Он обещал отпустить меня на свободу, если я узнаю, где богатство, которое ты ищешь. А ты знаешь, что я ведь не всегда был рабом. В моем родном городе я был поэтом и мечтал прославиться, как великий Архилох или Алкёй. Я надеялся стать свободным человеком, а теперь умираю как подлый предатель...

— Молчи, — сказал Демокрит. — Я уже давно догадывался о твоих нелепых подозрениях, но хотел, чтобы ты сам понял истину. Ты так же глуп, как мой брат, но я надеюсь, что ты еще успеешь поумнеть.

— Ты вправду не сердишься на меня, Демокрит? Тогда обещаю выполнить мою последнюю просьбу. Отнеси меня в храм Элевты — это великая богиня, и она поможет мне.

Диогор знал, что в Амнисе находятся знаменитая пещера богини Элевтии и храм при ней. Элевтия — богиня, помогающая женщинам, и, казалось бы, больному мужчине обращаться к этой богине не было смысла. Но предприимчивые жрецы Элевтии нашли, что им будет выгодней, если к богине будут обращаться также и нуждающиеся в помощи мужчины. А в Афинах и в ряде других греческих городов были храмы богини плодородия Деметры, имевшей прозвище Элевто. Деметра-Элевто была богиней умирающей и воскресающей природы; жрецы Элевтии, которая тоже имела прозвище Элевто, заявили, что Элевтия и Деметра — это одна и та же богиня, и стали во имя Деметры лечить заодно и мужчин.

Диагор и Демокрит высадились в критской гавани Амнисе.

Диагор стал умолять Демокрита отнести его в храм Деметры. Может быть, это принесет ему исцеление от болезни или по крайней мере счастье в загробной жизни. Демокрит рассмеялся.

— Все рассказы о загробной жизни и страшном суде на том свете, — сказал он, — глупая выдумка египетских жрецов. Весь человек состоит из атомов — как тело, так и душа. Душа состоит из мельчайших круглых атомов огня. После смерти эти атомы рассыпаются, и обратно собрать их нельзя. Еще ни один человек не воскрес. Рассказы о том, как мудрец Пифагор воскрес и вернулся к жизни на земле, — выдумка. Многие, сознавая свою

греховность, проводят всю жизнь в беспокойстве и страхах, с ужасом представляя себе те пытки, которым они подвергнутся в загробном мире. И из-за этого ложного страха перед загробной жизнью многие люди, в сущности, не живут, а только и делают, что готовятся к смерти, к загробной жизни, превращая свою жизнь в пытку.

— Не убеждай меня, Демокрит. Я поэт, а все поэты верят в загробную жизнь. Я чувствую, что скоро умру. Исполни мою последнюю волю — я хочу, чтобы перед смертью меня посвятили богине Деметре.

— Что же, если это тебе дает утешение, пусть будет потвоему, — сказал Демокрит.

Он принес установленные дары и жертвы богине (а также подарки жрецам), и Диагор был введен в пещеру, где после ряда таинственных обрядов был посвящен Деметре-Элевтии.

Жрецы молили богиню очистить Диагора от постигшей его священной болезни, но его вынесли из пещеры в еще более тяжелом состоянии.

Один из жрецов сказал Демокриту, что в Амнисе находится проездом в другие города Крита знаменитый врач Гиппократ, руководитель врачебной школы на острове Коссе, близ Малой Азии.

— Гиппократ? — воскликнул Демокрит. — Ну, кто же в Греции так невежествен, чтобы не слышать, кто такой Гиппократ? Это, пожалуй, самый известный человек во всей Греции. Скольким людям он спас жизнь! Со всех концов Греции к нему приходят учиться врачебному делу, а еще больше людей приезжают лечиться. А если эпидемия поражает население или заболевает какой-нибудь выдающийся человек, он и сам приезжает на помощь. Какое счастье, что он в Амнисе!

Ну так иди к нему, — сказал жрец. — Недаром посло-вица говорит: «На бога надейся, а сам не плошай». Почему бы тебе не спросить у него совета? Я думаю, что сама богиня посоветовала бы тебе так поступить.

Демокрит очень обрадовался. В религиозную медицину он никогда не верил и отнес Диагора в храм Элевтии для того, чтобы хоть немного его успокоить. А о Гиппократе он слышал еще в Абдерах и давно мечтал с ним познакомиться.

Демокрит разыскал Гиппократа, рассказал ему о постигшей Диагора беде и о том, что Диагора, по его желанию, посвятили в таинства Элевтии.

Гиппократ усмехнулся:

— Смешно называть болезнь Диагора священной и видеть здесь вмешательство божества. Все болезни одинаково священны, так как они вызываются природными причинами, а природа священна. Эти люди хотят скрыть свое незнание и беспомощность под покровом божественного. Но они не глупы, если послали тебя ко мне. По-моему, он просто отравился испорченной пищей.

Гиппократ очистил желудок Диагора, сделал ему горячую ванну, и наутро Диагор был совершенно здоров и весел. Он остался в убеждении, что богиня Элевтия спасла ему жизнь.

— Боги могут сотворить чудо, когда они хотят, — сказал Диагор Демокриту и пришедшему навестить его Гиппократу.

Те только с улыбкой переглянулись между собой.

— Все трое отправились осматривать старинный город Кносс, расположенный неподалеку от Амниса.

— Ты говоришь: боги сотворили чудо, — сказал Гиппократ. — О, они творят и не такие еще чудеса! Я был в храме бога медицины Асклэпия в Эпидавре на Пелопоннесе. Там кладут больных на постель в усыпальнице храма. Ночью во сне к ним приходит сам бог Асклепий и чудесным образом вылечивает их. Я с удовольствием прочел об этих исцелениях в надписях на стенах храма.

— Что же ты там прочел? — спросил Диагор.

— А вот например: мальчик Евфан из Эпидавра. Слепой. Он пришел в Эпидавр и лег на постель в усыпальнице храма, ожидая, что бог его вылечит во сне. Ему приснилось, что бог стал около его постели и сказал: «Что ты мне дашь, если я тебя сделаю зрячим?» Мальчик ответил: «Я тебе отдам десять камешков — это мои любимые игрушки». Бог засмеялся и сказал: «Хорошо, я тебя вылечу». На следующий день мальчик ушел из храма зрячим.

— Я говорил же, что боги могут сотворить чудо, когда они хотят... — сказал Диагор.

— погоди. А вот еще пример. Шел раб-носильщик по дороге недалеко от храма Асклепия, неся в корзине дорогой кувшин, из которого привык пить вино его хозяин. Он споткнулся о камень и упал. Когда он встал и раскрыл корзину, то увидел, что кувшин разбит вдребезги, — остались только черепки. Он очень опечалился, так как боялся наказания. Носильщик пробовал сложить черепки, но ничего не получалось. Какой-то встречный, заметив это, сказал ему: «Несчастный, зачем ты трудишься без пользы? Ведь вылечить твой кувшин и сделать его целым не смог бы даже бог Асклепий». Раб услышал эти слова и подумал: «А что, если и в самом деле обратиться за помощью к Асклепию?» Он сложил черепки в корзину, пошел в храм и лег в усыпальнице. Ночью во сне к нему явился Асклепий и сказал: «Успокойся. Вера твоя спасла тебя». Наутро носильщик открыл корзину и нашел там совершенно целый кувшин.

— Ну, это уже невозможно и явная неправда, — заметил Диагор.

— Не ты один так думаешь, — смеясь, сказал Гиппократ, — были и афиняне, которые не верили этим надписям. В тех же надписях сказано, как бог их за это покарал.

— Как это было?

— А вот послушай. Афинянка Амвросия была одноглазая. Она пришла к богу с мольбой о помощи. Но, читая надписи, выставленные в святилище, высмеивала некоторые из них, говоря, что невероятно и невозможно, чтобы хромые и слепые становились здоровыми только оттого, что увидели сон. Она возлегла в усыпальнице храма, и ей приснилось, что у ее постели остановился бог и сказал: «Я сделаю тебя здоровой, но вместо платы за лечение ты должна будешь посвятить в храм серебряную свинью как память о твоем неверии и невежестве». Затем он раскрыл ей веко, внутри которого вовсе не было глаза, и налил туда лекарства. Наутро она проснулась зрячая на оба глаза.

Другой афинянин, Эсхин, рассказывал, что жрецы обманывают больных, и, чтобы доказать это, влез на дерево,

стоявшее перед окном усыпальницы, подсмотреть, что происходит там ночью. Но он свалился с дерева на колючий кустарник и стал слепым; однако потом пришел просить прощения у Асклепия, лег спать в усыпальнице и проснулся здоровым.

— Ну, в этом случае картина ясна, — сказал Демокрит, — Все это сочинили жрецы, чтобы утратить тех, кто вздумает сомневаться во всемогуществе Асклепия.

— Погоди еще, — сказал Гиппократ. — Вот что еще интереснее: в Трезёнах есть другой храм Асклепия, который отбивает больных у эпидаврского храма. Вот что рассказывается в одной надписи на стене храма Эпидавра. Аристагора из Трезены — соседний городок с Эпидавром — имела червя в желудке. Она легла спать в усыпальнице трезенского храма Асклепия и увидела сон: ей приснилось, что самого Асклепия не было в Трезене — он был в отлучке в соседнем городе Эпидавре, а к ней явились сыновья Асклепия и отрубили ей голову, чтобы через шею вытащить червя из желудка. Но им не только не удалось это сделать, они даже никак не могли приставить голову к туловищу. Пришлось им послать в Эпидавр за Асклепием. Но Асклепий был занят в Эпидавре и не мог явиться в ту же ночь. На следующую ночь Аристагора опять увидела сон: ей приснилось, что бог Асклепий пришел из Эпидавра и, приставив ей голову к шее, разрезал ей живот, вынул оттуда червя и зашил живот снова. Наутро она проснулась здоровой. Вот насколько сильнее Асклепий в Эпидавре, чем в какой-то Трезене!

Разговаривая так, они дошли до Кносса.

— Теперь, — сказал Демокрит, — в Кноссе нет ничего интересного, кроме огромных развалин, но говорят, что это развалины дворца знаменитого царя Минбса, который когда-то правил Критом.

— О Миносе говорят, — заметил Гиппократ, — что он господствовал на всем Эгейском море, уверяют еще, что он был любимцем Зевса и после смерти, на том свете, судит покойников. Ну это, конечно, сказки. А что ты еще знаешь о Миносе?

— Сказание о Миносе, — начал Демокрит, — может быть, и недостоверно, но, во всяком случае, это очень красивая сказка. Рассказывают, что Минос покорил Афины и заставил афинян каждые три года посылать в Кносс семь юношей и семь девушек. Этих юношей и девушек Минос запирает в огромном здании со сложными ходами и переходами, которое называлось Лабиринтом. В Лабиринте жило страшное чудовище — не то с телом быка и головой человека, не то с телом человека и головой быка. Оно называлось Минотавр. Юноши и девушки блуждали по Лабиринту, пока не попадались на глаза Минотавру, а он

пожирал их. Но когда к афинскому царю Эгёю прибыл из странствования его сын, храбрый Тезей, он пожелал сам добровольно отправиться в числе семерых юношей, чтобы сразиться с Минотавром. Отец Тезея, Эгей, сговорился с корабельщиками, чтобы они, возвращаясь в Афины, вывесили белый флаг, если Тезей окажется в живых, или черный флаг, если он погибнет. Когда Тезей приплыл в Кнос, Минос только рассмеялся, узнав, что этот мальчик собирается убить Минотавра. Но Тезей показал Миносу, на что он способен: когда Минос бросил в море свой перстень, Тезей нырнул на дно моря, в чертоги морского бога Посейдона, и вынес из моря перстень Миноса. Дочь Миноса, увидя, какой герой Тезей, влюбилась в него. Она тревожилась за Тезея, боясь, что его съест Минотавр или что он заблудится в Лабиринте; поэтому она дала Тезею клубок ниток и сказала ему, чтобы он конец нитки прикрепил ко входу в Лабиринт и шел, разматывая за собой клубок. Тезей встретил Минотавра, сразился с ним и убил его; обратно он и его спутники пошли по Лабиринту, следуя за ниткой клубка, и благополучно вернулись. Но на обратном пути корабельщики забыли переменить черный флаг на белый. Царь Эгей взошел на высокую гору, чтобы увидеть корабль. Когда он заметил, что флаг был черный, а не белый, то решил, что его сын убит. С горя бросился он в море и утонул. Поэтому море и называется Эгейским.

— Тут, вероятно, и есть зерно правды, — сказал Гиппократ. — Может быть, Крит когда-либо господствовал над Афинами и Афины платили дань юношами и девушками, отдаваемыми в рабство. Но чудовища с телом быка и головой человека, да к тому же еще поедающего людей, никогда не могло существовать. Это просто сказка.

— Так ли это? — покачал головой Диагор. — А вот философ Эмпедокл из города Акраганта в Сицилии доказал, что когда-то существовали животные «с остовом быка, но с кормой человека», они вымерли, так как не были приспособлены к жизни.

— Я знаю, — сказал Демокрит, — что Эмпедокл это говорил, но он вовсе не доказал этого. Животные приспособлялись к потребностям жизни и все более развивались. Предками человека были животные с более простым устройством. Но таких уродов, как кентавр — лошадь с головой человека, или как минотавр — человек с головой быка, природа никогда не создавала...

Осмотрев развалины огромного дворца, наши путники отправились обратно в Амнис.

В Амнис корабли, идущие из Египта в Эфес, редко заходили, и у Демокрита с Диагором было мало надежды, что им в скором

времени удастся отправиться в дальнейший путь. Но они узнали, что из Амниса отправляется в Малую Азию небольшое парусное судно с грузом пшеницы, но не в Эфес, а в Смирну. Так как Смирна лежала недалеко от Эфеса и из Смирны также вела дорога в Сарды, хотя и менее удобная, чем из Эфеса, Демокрит с Диагором решили плыть на этом корабле и сговорились с корабельщиком.

Демокриту было жаль расставаться с Гиппократом — его опыт и острый ум могли очень помочь Демокриту в работе. Но сейчас Демокрит хотел прежде всего разыскать поскорее Левкиппа и помочь ему. Гиппократу необходимо было еще задержаться на Крите и посмотреть там больных. Поэтому Демокрит сердечно попрощался с Гиппократом, взяв с него обещание, что он приедет в Абдеры для медицинских опытов.

Путешествие из Амниса в Смирну прошло вполне благополучно, если не считать качки, от которой особенно сильно страдал Диагор. Через несколько дней путники были в Смирне.

ГДЕ ТЫ, ЛЕВКИПП?

Высадившись с корабля, они увидели чрезвычайно живописный небольшой городок, расположенный в самой глубине закрытого залива на высокой крутой скале, которая с одной стороны обрывалась в море, с другой омывалась бурной речкой Мёлес. Над городом, не укрепленным и не обнесенным стеной, высились красивые развалины древнего акрополя (кремля). В самом селении единственным большим зданием был храм Кибелы — «Матери богов», который усердно посещали не только «варвары» (как называли греки всех негреков), но и греки — особенно женщины.

Жители говорили здесь на том же ионийском наречии, что и в Абдерах, только несколько слов звучало по-иному.

Демокрит напрасно искал в Смирне абдерского проксена. Так назывались богатые люди, которые брали на себя защиту приезжих из других греческих городов, а иногда давали им приют в своем доме. В награду за услуги жители этих городов осыпали своих проксенов почестями и наградами. Абдерского проксена в Смирне не оказалось, но их привели к теосскому проксену. Город Абдеры был когда-то основан Тёсом, и поэтому теосцы считались покровителями Абдер. Однако переночевать у теосского проксена нашим путешественникам не удалось: его дом был набит до отказа приезжими из Теоса. Но, узнав, что Демокрит с Диагором едут в Сарды, а оттуда в Вавилон, теосский проксен рассказал им, что в ближайшие дни отправляется в Сарды ученый логограф (историк) Гелланик из города Мителёны на острове Лесбосе, проживший около месяца здесь, в Смирне, и что он может быть им попутчиком и поможет добраться до Сард.

Знаменитый город Смирна, считавшийся родиной великого

поэта Гомера, город, который выглядел таким красивым с моря, оказался довольно грязным небольшим поселением. Путникам приходилось в некоторых местах затыкать носы от вони, так как в городе не было даже сточных канав и все нечистоты и отбросы гнили тут же на улице. Они вошли в небольшой домик на одной из улочек, ведущих в гавань, и увидели там красивого грека с бородой, в которой уже пробивалась седина, и с блестящей лысиной. Это и был логограф Гелланик.

— Рад вас видеть, — сказал Гелланик, узнав, кто такие его посетители. — Я очень интересуюсь философией и кое-что слышал о вашем Левкиппе. Я собираюсь писать о Вавилоне в моей книге «Исторхад Персии». Но я не хочу ехать в Вавилон — это отняло бы у меня слишком много времени, да это мне и не по средствам — ведь туда пешком не пройдешь. Но о Вавилоне написано во многих книгах, о нем много рассказывает Геродот в своем описании Персии, которое мне удалось раздобыть. С меня достаточно того, что я прочту в книгах или услышу от греков и лидийцев в Сардах, куда я для этого и отправляюсь.

— Так не согласишься ли ты совершить это путешествие вместе с нами и не поможешь ли достать верховых лошадей? — спросил Демокрит.

— Я рад буду вашему обществу, — сказал Гелланик, — но лошади мне не по средствам. Если вы согласны пройти пешком эти шестьсот стадий, то отправляйтесь со мной, а для вашего багажа я достану вам осла.

— За это мы будем тебе очень благодарны, — сказал Демокрит. — Пройти пешком шестьсот стадий — дело нетрудное, а путешествовать пешком куда интереснее. Но я слышал, что ты уже месяц живешь в этом грязном городишке, — очевидно, он тебя интересуется. Не расскажешь ли ты нам чего-либо о Смирне?

— С удовольствием, и это развлечет вас в пути. Но сейчас мне не до этого: надо собраться в путь и мне и вам.

Спустя два дня путешественники шли уже по дороге из Смирны в Сарды. Гелланик начал свой рассказ.

— Я гражданин Митилены на Лесбосе. Лесбос — самое живописное место во всей Греции, а жители его понимают музыку и поэзию, как никто другой. Приезжайте на наш остров и вы услышите — здесь все поет. Поют дети, девушки, взрослые и старики. Поет море. Поют сосны. Самое красивое и звучное из всех греческих наречий — эолийское, на котором мы говорим. Недаром здесь жили величайшие лирические поэты Греции — Терпандр, Алкёй и Сапфо. Я люблю свой Лесбос и его жителей — эолийцев — и не променяю его ни на Афины, ни на какой-либо другой город. Смирна была когда-то владением эолийцев и

самым большим и красивым городом Греции. Но сперва ее отобрали у эолийцев ионяне, и жители города постепенно позабыли эолийское наречие и стали говорить по-ионийски. А затем около двухсот лет назад ее разрушил лидийский царь Садият. И с тех пор от величественного кремля Смирны остались только развалины, а город превратился в жалкую деревню.

Путешественники подошли к высокой скале, на которой было высечено огромное изображение египетского фараона с копьем в правой руке и с луком в левой и с надписью египетскими иероглифами по обе стороны изображения. Скала находилась на перекрестке дорог из Смирны в Сарды и из Эфеса в Фокею.

Гелланик пояснил:

— Об этом изображении рассказывает в своей книге Геродот. Он говорит, что вооружение фараона наполовину египетское, наполовину эфиопское, что этот фараон носит имя Сесбстриса и что иероглифами здесь написано: «Плечами своими я приобрел эту страну». Однако я говорил с египтянами, и они уверяют, что изображенный здесь фараон вовсе не Сесострис и что написано иероглифами что-то совсем иное, что именно — я уже не помню.

...Путешественники подымались все выше и выше, взобрались на перевал через хребет Тмол и спустились в цветущую плодородную долину реки Пактбла. Вскоре они увидели перед собой большой город Сарды, лежащий на обоих берегах реки Пактола. Наверху, на горе, господствуя над всем городом, возвышался акрополь, окруженный тремя рядами зубчатых стен с башнями. Задняя стена акрополя круто спускалась к реке Герм, в которую впадает Пактол. Нижний город лежал ближе к путникам, на равнине к северу и западу от акрополя. За рекой Пактолом видно было грандиозное кладбище со множеством могильных холмов, среди которых выше всех подымался могильный курган лидийского царя Алиатта.

Путешественники вошли в город. Он занимал огромное пространство, но почти весь состоял из глиняных мазанок, покрытых тростниковой крышей; даже те немногие дома, которые были сложены из обожженного кирпича, имели тростниковые крыши.

В центре города находился большой рынок, в середине которого протекала река Пактол.

Гелланик заметил:

— Эти варвары ничему не научились. Шестьдесят лет назад, во время ионийского восстания, город Сарды по неосторожности греческих солдат был сожжен, так как крыши были тростниковые и легко загорались. При этом сгорел и храм Кибёлы, а за это персы обвиняли греков в неуважении к восточным богам. Но это

не научило варваров делать крыши из черепицы: если снова начнется пожар, город снова сгорит дотла...

— Должно быть, лидийцы очень богатые люди, — заметил Диагор. — Я еще в детстве видел лидийскую монету из бледного золота — из сплава золота и серебра. А из греческих городов еще ни один никогда не выпускал золотой монеты.

— Еще бы! — сказал Гелланик. — Река Пактол несет с горы Тмола золотой песок. Достаточно просеять его через сито и без большого труда можно получить крупинки золота. И теперь персы чеканят из них свои золотые дарики с изображением царя с луком.

Демокрит по дороге, на рынках, расспрашивал всех, не встречали ли они персидского вельможу Гидарна. Того самого Гидарна, который был послом царя в Египте, а теперь должен был вернуться в Персию. Но никто не встречал Гидарна и не слышал о нем.

— Какого Гидарна? Высокого, важного, с большой свитой? Как будто проезжал такой через Сарды, направлялся в Вавилон, — сказал однажды Демокриту перс с огромной бородой, выкрашенной красной краской.

«Придется ехать в Вавилон», — решил Демокрит.

Когда наши путники покинули Сарды, им встретилась повозка, покрытая шелковым тентом. На ней лежала груда бархатных подушек. В повозку была впряжена четверка прекрасных лошадей. На подушках лежали и сидели хорошо одетые путники. Подойдя ближе, Демокрит услышал греческую речь.

— Кто вы и почему едете в такой роскошной повозке? — спросил Демокрит.

— Несчастный иониец! — надменно воскликнул один из путников. — Знаешь ли ты, что говоришь с послами великого Афинского государства?

Да ты чужак, когда Афин не видел,
Осел, когда, видав, не удивлялся,
А если ты их бросил, ты верблюд! —

внезапно продекламировал он, и Демокрит понял, что его собеседник пьян. — Вер-р-р-блюд! — упрямо повторил афинский посол. — А ты сам откуда?

— Из Абдер.

— А, союзнички! — захохотал афинянин. — Ну ладно, могу тебе раскрыть государственную тайну. Мы едем от персидского царя. Он нас любит, уважает и отправляет в царской колеснице по

царской дороге. Великолепная вещь — эта царская дорога. День проедешь — станция, ангарей. В ангаре поят, кормят, меняют лошадей. Переночуешь, закусишь и опять едешь на свеженьких. А персидские гонцы — те и вовсе не останавливаются. Устал дневной гонец — переходит письмо к ночному. Так оно и летит, быстрее журавля и всякой птицы.

— Как же вас принял царь?

— Знаешь, абдерец, совсем измучились! Полтора года пробыли в Сузах, каждый день пили крепкое вино, не смешанное с водой, ели быков. Клянусь Гераклом! На огромную сковороду кладут целого быка, поворачивают и поджаривают его, а затем каждый съедает по четверти быка. Не веришь, раб? — обратился он к Диагору. — А знаешь ли ты, сколько времени обедает персидский царь? Шестнадцать часов! А в уборной сколько сидит? Шесть часов! У дверей копыеносцы стерегут его величество, потом выносят его, полчаса обмывают...

Находившийся на повозке посол персидского царя, носивший титул «Царево око», хотя и плохо понимал по-гречески, приподнялся и с возмущением заметил на ломаном греческом языке:

— Не позволю говорить глупости про царя!

— А что я такого о нем сказал? — спросил грек.

Наши путешественники, оставив послов пререкаться, пошли дальше. Вскоре им удалось купить трех верховых лошадей.

Они попрощались с Геллаником, На прощание он сказал им:

— Вот каковы представители самого сильного и самого образованного государства — Греции. Я пишу теперь книгу «Аттида» об истории Афин. Афиняне любят свободу, веселье, общительны, — в этом нельзя им отказать. Но как они легкомысленны и нахальны, как любят совать свой нос в чужие дела! Да и свободы они хотят только для себя, а не для всех греков — они готовы даже мириться с господством персов в других городах. Нет, насколько наши эолийцы серьезнее и надежнее этих афинян!

Демокрит и Диагор двинулись верхом по царской дороге. Пройдя небольшое расстояние, они увидели платановое дерево редкой красоты с широкой густолиственной кроной. На этом дереве красовалось большое золотое украшение в форме щита.

Демокрит сказал:

— Я слышал об этом дереве. Царь Ксеркс одарил его за красоту таким украшением.

— Неужели же этот щит из чистого золота? Если бы он вправду был из золота, я уверен, что прохожие давно бы его украли.

Но тут наши путники заметили стоявшего около дерева на карауле вооруженного воина из числа так называемых бессмертных. А еще дальше, справа и слева от дороги, были расставлены столбы с перекладинами в форме буквы «Г», и на них висели распятые тела грабителей и разбойников, совершивших преступления на дороге.

— При виде этих несчастных вряд ли кто-нибудь попытается сорвать золотое украшение с платана, — вздохнул Диагор.

Путешественники свернули с царской дороги и подошли к широкой реке Меандру. Они перешли ее по понтонному мосту, составленному из связанных канатами огромных барж.

Шириной мост был в 2 плефра^[15]. Затем они подошли к скрещению дорог, находившемуся на границе трех персидских областей, бывших раньше самостоятельными государствами — Лидии, Кари и Фригии: дорога направо вела от перепутья в Карию, налево — во Фригию. Недалеко от этого скрещення они

увидели вбитую в землю мраморную доску с надписью: «Граница Лидии и Фригии». Эту доску поставил когда-то лидийский царь Крез. Путешественники въехали во Фригию и поехали по зеленой плодородной равнине, покрытой нивами и садами.

Вскоре путешественники вошли в столицу фригийского сатрапа — в большой торговый город Келёны. На высокой скале был виден акрополь города. Под ним они увидели дворец сатрапа и большой сад. Вдоль реки Катарракт путешественники прошли на большой и богатый рынок города Келен; дальше эта река впадала в реку Меандр.

Войдя на рынок, путники увидели его главную достопримечательность: на столбе висела огромная шкура. Она уже вся облезла — очевидно, висела здесь уже очень давно. Демокрит спросил у какого-то грека, что это за шкура, и грек рассказал ему:

— Нашу реку греки называют Катаррактом, что означает «река порогов», а фригийцы — Марсием, то есть «рекой Козла». Рассказывают, что сатир Марсий, имевший образ человека, но козлиные ноги и хвост, нашел полый стебель тростника, проделал в нем дырочки и стал дуть в стебель. Раздались мелодичные звуки. Так была изобретена флейта. Марсий играл на фригийской флейте и уверял всех, что он лучший музыкант, чем Аполлон, бог музыки, играющий на лире. Аполлон решил состязаться с ним, а судьей состязания они выбрали фригийского царя Мидаса. Мидас признал победителем Марсия. Аполлон, возмущенный таким невежеством, содрал живьем шкуру с Марсия и повесил ее на столбе на рынке в Келенах, а у Мидаса за его невежество в музыке выросли ослиные уши.

— Он так и ходил с ослиными ушами? — спросил Диагор.

— Да, но он закрывал уши высоким тюбаном, и никто не знал, что у него ослиные уши. Но вот пришло Мидасу время стричь волосы. Он призвал к себе цирюльника, а известно, что все цирюльники — болтуны и что нигде люди не болтают столько, сколько в цирюльнях. Мидас сказал цирюльнику: «Если ты кому-нибудь разболтаешь о том, что увидишь, я тебя казню самой жестокой казнью». И тут цирюльник увидел у царя ослиные уши.

Несколько дней цирюльник крепился и никому не говорил об ослиных ушах царя. Но наконец ему стало невмоготу, и он придумал следующее: он выкопал в земле ямку, лег на землю и стал шептать в ямку: «У царя Мидаса ослиные уши. У царя Мидаса ослиные уши». Он так шептал три дня подряд. В конце концов эта новость так ему надоела, что у него уже пропала охота о ней кому бы то ни было рассказывать.

Но ему не повезло. Из той ямки, в которую он шептал, вырос тростник, и, когда дул ветер, тростник шептал: «У царя Мидаса ослиные уши». Прохожие услышали это и стали передавать друг другу. Царь узнал об этом, и цирюльник был казнен.

Демокрит и Диагор расспрашивали всех на рынке, не проезжал ли здесь перс Гидарн с рабами, но им посоветовали обратиться в ангарей и узнать, не перепрягал ли там Гидарн лошадей. В ангарее Демокриту сказали, что важные сановники, едущие с большой свитой, не останавливаются в ангарее, а заезжают прямо во дворец сатрапа.

Наши путники вошли в роскошный сад, полный диких зверей. Как им рассказали слуги, сатрап охотился на этих зверей верхом. Посредине сада возвышался дворец. Он был хорошо укреплен. Под самым дворцом начинались истоки реки Катарракт.

Недалеко от дворца в середине парка им показали также истоки другой реки — Меандра. Демокрит с Диагором разговорились с одним из экономов дворца, который оказался

очень словоохотливым стариком. На вопрос Демокрита он ответил, что действительно недавно заезжал к сатрапу перс Гидарн; одновременно с ним приехало еще несколько персидских сановников с разных сторон. О рабах Гидарна он ничего не мог сказать: совещание было тайное, рабов и свиту не пустили в ограду внутреннего двора и заставили ожидать в саду.

Из сада Демокрит и Диагор возвращались поздно вечером. Демокриту сильно хотелось есть, и, увидев торговку смоквами, он очень обрадовался. Купив несколько смокв и поделившись с Диагором, он, не стесняясь прохожих, тут же на улице принялся за еду. Сладкие, пахнувшие медом ягоды очень понравились Демокриту. Забыв об усталости, он попросил женщину:

— Отведи нас в сад, в котором они растут. Я заплачу тебе за потерянное время.

Услышав эти слова, Диагор даже подпрыгнул от удивления. Он и не подозревал, что его хозяин такой сластена.

Забыв усталость, тащиться в какой-то сад за тридевять земель! Для чего? Только чтобы отведать еще этих сладких смокв? Ему, Диагору, реже, чем хозяину, перепадает вкусная пища, но по доброй воле он не потащился бы сейчас за этой торговкой. Ну, да делать нечего, надо идти.

В саду Демокрит попросил торговку показать, с какого дерева рвала она плоды, которые продавала. Когда она подвела его к дереву, он внимательно рассмотрел его и весь участок, заплатил деньги и распрощался с хозяйкой.

— Как? — закричал Диагор. — Зачем же мы шли такую даль? Купи у нее хотя бы несколько ягод!

— Ах, да, — засмеялся Демокрит и, подавая монету женщине, сорвал несколько ягод и дал одну из них Диагору. — Видишь ли, — обратился он к рабу, — эта смоковница растет на песчаном пригорке, на склоне, обращенном на юг. Смоквы, которые там растут, имеют особо приятный, медовый вкус. Об этом я обязательно напишу в своей книге.

— Извини меня, господин, — отвечал Диагор. — По-моему, вкус самый обыкновенный.

— Видишь, какой мой раб упрямец, — обратился Демокрит к торговке. — Не замечает, что твои смоквы медового вкуса. Ведь правда, ягоды с этого дерева слаще, чем с остальных?

Женщина простодушно ответила:

— Да нет, они всюду одинаковые! Просто я сегодня положила ягоды в кувшин, в котором держу мед. Наверно, на дне было еще немного меда.

Диагор долго смеялся.

— Видишь, Диагор, — сказал сконфуженный Демокрит, —

какой хороший урок я получил! Никогда не надо делать слишком поспешных выводов.

Наши путешественники переночевали на постоялом дворе и наутро снова двинулись в путь.

Когда они дошли до фригийского города Фймбрия, здесь тоже оказался источник Марсия. Но здесь о Мидасе и Марсии рассказывали совсем другую историю.

Рассказывали, что Мидас был так восхищен игрой Марсия, что решил обязательно поймать его и поселить в своем дворце. Он сделал вот что: налил вина в тот источник, из которого Марсий пил воду. Марсий напился, опьянел и заснул около источника, и таким образом Мидас поймал его. Но Марсий не хотел жить во дворце и обещал Мидасу, что он исполнит три его желания, если Мидас его отпустит. Мидас отпустил его и долго думал, чего бы пожелать. Он был очень жаден и много думал о богатстве. Поэтому он пожелал, чтобы все, к чему он ни прикоснется, превращалось в золото. Это желание было исполнено, и Мидас с радостью увидел, что два кедра, стоявшие перед дверью его дворца, да и сама дверь стали золотыми. Он вошел в дворцовую залу и вмиг превратил столы, и стулья, и лежа в золотые. Навстречу ему выбежала его маленькая дочка, — он, не подумав, обнял ее и с ужасом увидел в своих руках безжизненную золотую статую. В страхе он закричал: «Пусть все золотое перестанет быть золотым!» Это его второе желание тоже немедленно исполнилось: деревья, двери, столы и стулья стали деревянными, девочка — живой девочкой. Но все бесценные золотые сокровища, которые Мидас накопил за свою долгую жизнь, превратились в медь. Ему не осталось ничего другого, как произнести третье желание: «Пусть золото станет золотом». И все стало, как было.

В Фимбрии Демокрит с Диагором свернули с дороги, которая вела в Сузы, и повернули на юго-восток, по направлению к Вавилону.

Пять дней путешественники ехали по Фригии.

На этом пути они остановились на ночлег в одном ангаре, лежавшем на дороге, так как ближайшая деревня, в которой можно было бы остановиться с удобством, находилась далеко от дороги. Демокрит подумал: если Гидарн проезжал здесь, то он мог остановиться только в этом ангаре. И его догадка подтвердилась: ангары (так назывались персидские гонцы) рассказали ему, что перс Гидарн ночевал в этом ангаре, а его рабы были помещены в одной из пустующих конюшен. Демокрит так и не узнал, что стало с Левкиппом, но он все еще не терял надежды найти его.

Десять дней путешественники ехали по Фригии и наконец въехали в Ликабнию.

Узнав, что страна, по которой он едет, называется Ликаонией, Диагор оживился.

— Я еще на родине слышал, что в Азии есть страна Ликаония, где правил некогда царь Ликаон.

— Что же ты знаешь об этом Ликаоне? — спросил Демокрит.

— Было время, когда люди еще не сотворили столько смертных грехов, что боги отшатнулись от них и ушли навсегда на небо. Тогда боги еще часто ходили по земле, заходили запросто в гости к людям и женились на смертных женщинах.

Однажды Зевс, путешествуя по Аркадии и желая испытать благочестие царя Ликаона, зашел к нему в гости, переодевшись нищим. Но этот Ликаон был самым надменным и безбожным из всех живших когда-либо людей. Недаром его звали Ликаон, что означает по-гречески «волчий», и его дети мало чем отличались от отца. Ликаон пригласил Зевса к столу; зарезав мальчика одного из соседей и смешав его мясо с мясом приносимой в жертву коровы, он поднес эту пищу Зевсу. Зевс в гневе опрокинул праздничный стол, а Ликаона превратил в волка. Но, превратившись в волка, Ликаон десять лет не ел человеческого мяса, и за это Зевс его снова сделал человеком, но затем он затосковал по человеческому мясу и снова отведал его, после чего снова стал волком. А сыну его, Мепалу, похитившему ребенка для кощунственного пира, пришлось бежать из Аркадии. Он поселился в Ликаонии, и здесь долго царствовала династия Ликаона. Поэтому один раз в десять лет тут приносится в жертву ребенок.

— Значит, здесь живут потомки аркадян? — сказал Демокрит и обратился по-гречески к одному из местных жителей.

Но оказалось, что никто не знал по-гречески. Или ликаоняне забыли греческий язык за давностью времени, или весь этот рассказ только греческая сказка.

Еще через четыре дня пути путешественники перевалили через высокие Таврские горы по перевалу, покрытому зеленой травой. Справа и слева от дороги подымались снежные вершины. Демокрит с Диагором подъехали к заставе на границе Киликий, охраняемой вооруженным гарнизоном. Попутчики сказали им:

— Киликийцы очень подозрительны, и здешние воины всякого путника отводят в царский замок, где его по малейшему подозрению заключают в тюрьму как шпиона. Надо понравиться охране, а самое лучшее — соблазнить ее денежным подарком.

Совет этот оказался очень полезным. У Демокрита было достаточно денег, и, предложив начальнику гарнизона

значительную сумму, он добился того, что его пропустили, но на прощанье сказали:

— Двигайтесь, только быстро, не оглядываясь по сторонам и никого не расспрашивая, иначе вас задержат как шпионов.

Поэтому наши путешественники ехали три дня как можно быстрее, боясь, как бы их не задержали в пути. Через три дня они прибыли в большой и богатый приморский город Киликии — Исс. Недалеко от него находились ворота Киликии и Сирии. Это были две стены, шедшие вдоль русла реки Карс до самого морского берега. Северная стена охранялась киликийской стражей, южная — персидской. На обеих сторонах были построены высокие башни. Однако никаких препятствий им здесь не чинили, так как киликийцы подвергали тщательному осмотру только въезжающих, а не выезжающих.

За рекой Карсом начиналась степная область Сирии, населенная финикийцами. Через четыре дня пути они переплыли через реку Гал. Река Гал была полна больших ручных рыб. Этих рыб финикийцы считали богами и не позволяли никому ни ловить, ни есть их. Поклонялись они также голубям.

За рекой Гал расположены были богатые деревни. Наши путники узнали, что эти деревни составляют собственность жены царя Артаксеркса — они были даны ей Артаксерксом «на пояс», то есть на расходы по приобретению платьев и драгоценностей.

Далее дорога шла на восток, но на третий день, когда путники дошли до Евфрата, она пропала. Наняв у одного из жителей деревни большую баржу, они вместе с лошадьми и ослом переправились на левый берег и двинулись вдоль реки.

В этих местах земля была ровной и плоской, как море. Вся она была покрыта чудесно пахнувшей полынью. Если и встречались другие кусты и травы, то все они также благоухали. Деревьев не было ни одного, встречалось много различных животных. По большей части это были дикие ослы. Демокрит пытался догнать их на своем коне. Один осел, за которым Демокрит погнался, как бы нарочно дразня его, все время приостанавливался. Но как только лошадь приближалась к нему, он удалялся. Бегал он намного быстрее лошади.

Часто встречались птицы дрохвы и «большие воробьи». «Большими воробьями» греки почему-то называли страусов, хотя они, казалось бы, мало походят на воробьев. О поимке «большого воробья» нечего было и думать: страусы убегали далеко вперед не только благодаря длинным ногам, но и несясь на поднятых крыльях, как на парусах. Одну дрохву Диагору удалось поймать, неожиданно ее вспугнув; она пыталась улететь, но летела она очень медленно. Путешественники, вырвав сухой куст, разложили

костер и изжарили на нем дрожву. Мясо ее оказалось очень вкусным.

Далее началась настоящая пустыня: не было ни травы, ни деревьев, вся земля была голая. Однако они нашли здесь небольшую деревушку, в которой смогли закупить просяной хлеб и финики. Они узнали, что жители этой деревни выкапывают из земли точильный камень, на лодках перевозят его на другой берег и в обмен получают финики и хлеб.

Наконец Демокрит с Диагором вступили в пределы Вавилонии. От Евфрата на восток шли каналы, в которых вода текла из Тигра в Евфрат. Каждый такой канал имел в ширину около одного плефра. Они были очень глубоки, и по ним плыли суда, груженные хлебом. Эти каналы отстояли друг от друга на 30 стадий. Путешественники переехали через каналы по наведенным на них мостам.

Путешественники выехали на широкую открытую равнину, и внезапно перед ними открылся Вавилон. Они знали, что это величайший город мира. Стена из светло-желтого кирпича простиралась направо и налево до края горизонта. На ней высились на равных расстояниях друг от друга башни. Дорога привела путешественников к глубокому, наполненному мутной водой рву, через который вел широкий короткий мост, охраняемый воинами с длинными копьями. Переехав мост, они приблизились к высоким медным воротам, украшенным изображениями воинов, похожих на живых, которых они видели на мосту. Пройдя через вторые ворота, снова вступили они на красивый и пышный мост с медными резными перилами. Под мостом текла широкая река Евфрат, одетая по обоим берегам в каменные набережные. Камни были соединены между собой железными скрепами, а промежутки между ними залиты свинцом. Мост стоял на высоких столбах, отстоящих один от другого примерно на один фут. Эти столбы имели против течения острые выступы, чтобы разбивать напор воды, а с другой стороны они были круглыми. Мост был сделан из кедровых и кипарисовых балок, а сверху устлан огромными пальмовыми стволами.

С него видны были роскошные высокие дворцы с плоскими крышами. Мост упирался во внутреннюю стену города с такими же воротами.

Пройдя ворота, путники наконец вступили в город. Что это был за город!

Города Греции состояли из небольших домишек, расположенных вдоль грязных и извилистых улочек. Только в акрополе находились высокие и красивые здания — храмы богов,

сокровищницы, театры. Другое дело Вавилон: здесь Демокрит и Диагор увидели широкие прямые улицы, идущие параллельно друг другу, — одни вдоль реки, другие, поперечные, вели к реке.

Грекам трудно было представить себе что-либо более величественное, чем эти дома, стоящие вплотную друг к другу вдоль улицы: они были трехэтажные, а некоторые даже четырехэтажные.

Изумление путников еще усилилось, когда они добрались до рынка, где продавались съестные припасы. Здесь со странными ужимками сновали полуголые, но разряженные в пестрые тряпки оборванцы и горланили нестройными голосами веселые песни. Продавцы напрасно старались отвлечь их внимание от своих товаров: они хватали что попало, выпивали вино и молоко и разбивали опорожненные сосуды, рассыпали по земле сложенные в аккуратные кучки орехи и при этом дико хохотали.

Когда Демокрит спросил у одного из встречных, где они могут купить хлеба и сыра, тот ответил со смехом:

— Зачем купить? Ты можешь взять все без денег — если

купец попросит у тебя денег, веди его к судье.

Наши путники вспомнили слышанные в детстве рассказы о былом рае на земле, о царстве доброго бога Кроноса. Тогда еды было сколько угодно и каждый брал, что хотел. Волк спал рядом с овцой, а стадо львов погонял восьмилетний мальчик. Но на рай те безобразия, которые они видели, совсем не походили.

Демокрит спросил, как пройти к его ксену^[16], богатому греку Зенодбру. Ему указали дорогу, и через полчаса он вошел в дом Зенодора. Но то, что он здесь увидел, было еще удивительнее того, что происходило на рынке.

За столом с криками, смехом и песнями возлежали полуголые, но разряженные в причудливые шляпы и бумажные кафтаны рабы Зенодора. На самом почетном месте возлежал огромного роста вавилонянин с длинной рыжей бородой; нечесаные, спутанные кудри клочьями висели из-под шляпы. За его ложем в униженной позе стоял Зенодор и беспрекословно исполнял все приказания рыжего раба, которого он почтительно называл: «Господин».

Демокрит подошел к Зенодору и сказал ему:

— Привет, ксен! Я твой ксен Демокрит. Не разрешишь ли ты мне с рабом у тебя остановиться?

Но рыжий раб, распорядившийся за столом, вскричал возмущенно:

— Как смеешь ты обращаться к рабу, когда в доме единственный хозяин — я! И как смеешь ты своего спутника называть рабом, когда у нас рабы — господа, а господа — рабы? Идем сейчас же к верховному правителю, барибму. А ты, бывший раб Демокрита, садись за стол и веселись!

При этих словах рыжий встал из-за стола, взял с собой еще трех пирующих и Демокрита и повел их к верховному правителю.

Минуя веселые толпы пьяных рабов, они подошли к дворцу сатрапа.

Демокрит решил, что в городе произошел переворот и рабы захватили власть.

На богатом золотом троне, обтянутом парчой, сидел человек разбойничьего вида, с красным клеймом раба через весь лоб. Он был одет в дорогую бархатную одежду с украшениями из стекла, очень похожими на драгоценные камни. На голове его была золоченая корона в виде Вавилонской городской стены с зубцами и башнями. Рыжий раб пал перед ним на живот и приказал то же сделать Демокриту, но Демокрит его не послушался. Тогда, поднявшись, рыжий раб сказал:

— Великий и могучий бариом! Этот человек нарушил твой закон: он, пренебрегая господином, обратился к рабу с просьбой

разрешить ему поселиться в доме.

Демокрит возразил:

— Я чужестранец, греческий философ, только что прибыл в этот город и не знаю здешних порядков. Меня нельзя судить за проступок, который я совершил не по злему умыслу, а по незнанию.

Бариом проговорил громко и нагло:

— Посмотрим, правда ли, что ты философ. Если ты философ, ты без труда решишь загадку.

— Какую загадку?

— А вот послушай:

Мужчина (но и не мужчина вместе с тем)
В сидевшую на дереве (не дереве)
Птицу (не птицу), увидав (и не видав),
Бросил (не бросил) камешек (не камешек).
А? Что ты на это скажешь?

Демокрит подумал и сказал:

— Мужчина и не мужчина — это мальчик. Дерево не дерево — это кустарник. Птица не птица — это летучая мышь. Увидав и не видав — это тоже понятно: дело было ночью. А вот что такое «бросил не бросил», «камешек не камешек», я понять не могу. Может быть, ты мне объяснишь?

— Государь ничего не обязан объяснять своим подданным. Но так и быть, я скажу тебе разгадку: мальчик хотел бросить камень в сидящую на кусте летучую мышь, которую он принял за птицу. Но так как было темно, то он по ошибке схватил вместо камня ком грязи, который ему не удалось бросить, так как он тут же рассыпался и упал на землю.

Рыжий раб спросил:

— К какому наказанию присуждаешь ты этого преступника?

Бариом ответил:

— Так как он часть загадки разгадал, то я его присуждаю только к тому, чтобы он ничего не ел и не пил, а голодал весь этот день, пока другие пьют и веселятся.

Демокрита отвели обратно в дом Зенодора, где философ просидел хмурый и голодный до вечера, с завистью глядя на пьяного и сытого Диагора.

Но как только показались звезды на небе, рабы вскочили из-за стола, сбросили с себя пестрые лохмотья и приступили к своим обычным обязанностям.

Зенодор с удовольствием надавал пощечин рыжему рабу, и все стало на свое место.

— А теперь пойдем и посмотрим, что стало с бывшим бариомом.

Зенодор, Демокрит и Диагор отправились на площадь перед дворцом. Пока они дошли, уже стемнело; факелы скудно освещали площадь. Бывший бариом стоял голый, в одной набедренной повязке, судья стоял рядом с ним и читал приговор:

— Раб Фриг, бежавший два раза от своих хозяев, совершивший три ограбления и два убийства, приговаривается к распятию.

Было полутемно, и Демокрит не мог рассмотреть лица судьи, но его голос показался ему знакомым.

Фриг, бывший бариом, смертельно бледный, бросил взгляд на Демокрита и кивнул ему головой. Затем его повели на казнь.

Демокрит не мог смотреть на казнь и, взяв Зенодора за руку, покинул площадь.

— Это жестокий преступник, и никто не заслуживает так казни, как он, — сказал Зенодор.

Демокрит ответил:

— Я написал книгу «Пифагор», в которой я говорю: как мы поступаем с хищными зверями и змеями, убивающими нас, так же надо поступать и с людьми: всякого разбойника и убийцу можно безнаказанно убивать и собственноручно, и приказывая другому, и голосуя за его смерть. Несправедливо поступает не тот, который убивает преступника, а тот, кто вопреки закону оставляет его в живых.

— Вот видишь, — сказал Зенодор, — и я говорю то же самое.

— Но заслуживает презрения тот, — продолжал Демокрит, кто забывает об оказанном ему благодеянии, кто не видит в человеке человеческих побуждений. Этот клейменный раб имел возможность поиздеваться и надругаться надо мной, сколько его душе угодно, но он отпустил меня и перед смертью вспомнил обо мне и кивнул мне головой.

Легко издавать законы о наказании преступников, но когда я вижу живого человека, который только что жил и шутил, а теперь отправляется на муки, у меня сердце обливается кровью, и я не в силах заставить себя смотреть, как его будут истязать перед смертью... Но скажи мне, что это все означает — все, что я видел сегодня? Если рабы устроили переворот, почему они так покорно возвратились в свое прежнее состояние?

— Какой там переворот? Это местный народный праздник Сакёи по случаю весеннего равноденствия и поворота солнца на лето. В этот день все ставится вверх дном. Торговцы снедью должны отдавать свои товары даром. В каждом доме рабы занимают место господ, а господа им прислуживают. Самый наглый и ленивый из рабов становится на этот день господином дома. Во главе всего города становится преступник, приговоренный к смертной казни за самые тяжкие преступления. Он получает титул бариома, надевает царскую корону и судит по своему произволу. Но наступает вечер, все становится на свое место, и бариом предается публичной казни...

— А какой во всем этом смысл?

— Вавилоняне верят, что благодаря этому они помогают солнцу победить тучи и непогоду и повернуть на лето. Как наказаны лютые враги справедливого порядка на земле, так же будут наказаны и враги солнца.

Наши путники очень удивлялись этому обычаю.

Наутро Зенодор сказал Демокриту:

— Вы, наверно, хотели бы осмотреть наш чудесный город?

Но Демокрит ответил:

— Конечно, но у нас есть более важное дело. Я разыскиваю своего любимого учителя Левкиппа. Он был продан

работорговцем знатному персу Гидарну, живущему в Вавилоне при дворе сатрапа Артапана. Я хочу быть представленным Гидарну — может быть, он согласится продать мне Левкиппа за хорошую цену.

— Ты опоздал, — сказал Зенодор, — Гидарн на днях казнен за измену, а его рабы проданы с публичного торга. Но я могу тебе помочь. Я хорошо знаком с греком, который служит писцом у начальника дворца. У него-то мы и узнаем, кому продан Левкипп. Тогда, может быть, тебе удастся разыскать его.

Зенодор привел Демокрита с Диагором во двор сатрапа, расположенный за дворцом, который принадлежал когда-то вавилонским царям. Писец принял их очень приветливо и провел в парадные комнаты дворца. Снаружи дворец был облицован медью, блестевшей на солнце, внутри залы дворца были покрыты сверкающим серебром, украшены золотыми тканями и разрисованы яркими красочными изображениями богов, людей и зверей. В главном, лучшем, зале потолок был круглый, сделанный наподобие неба: он весь был сделан из голубого камня — сапфира. Золотые статуи богов были подвешены под самым потолком. Как рассказал секретарь, когда сатрап судит, с потолка свешиваются четыре золотых колеса судьбы — знак неподкупности и справедливости. Вавилоняне называют эти колеса «божьиими языками».

Писец показал пришедшим грекам свитки с делом Гидарна. Там были перечислены все его бывшие рабы, названы люди, которым эти рабы были проданы, и указана цена, за которую они были проданы. Это были фригийцы, капподокийцы, египтяне, эфиопы; был даже один раб, который оказался сыном знатного перса и был выпущен на свободу, но ни одного грека среди проданных рабов не было.

— Я с уверенностью могу вам сказать, что среди проданных в Вавилоне рабов Гидарна не было вашего Левкиппа. Может быть, он бежал по дороге в Вавилон — только в Вавилоне вы никаких следов его не найдете. Вам придется поехать назад тем же путем и расспрашивать всех по дороге... Конечно, надежды на то, что вы его найдете, немного. Как найти человека, затерявшегося в целой Азии? Во всяком случае, торопиться вам пока некуда. Раз вы уже приехали в Вавилон — вам следует осмотреть этот город, познакомиться с вавилонской наукой.

Писец обрадовался возможности поговорить со своими соплеменниками о чудесном городе Вавилоне: он полюбил этот город и собирал всякие сведения по его истории.

— Прежде чем пойдете осматривать наш город, я хочу рассказать вам о нем.

Город наш имеет вид квадрата, каждая сторона которого равна ста двадцати стадиям. Весь он обнесен стеной высотой восемьдесят метров, внутри этой стены идет вторая стена, тоже в форме квадрата, каждая сторона которого имеет девяносто стадиев. Обе стены сделаны из обожженного кирпича. Через каждые тридцать рядов кирпича заложен в стену ряд тростниковых плетенок. На стенах стоят друг против друга двести пятьдесят башен. Стена имеет сто ворот. Город состоит из двух частей, потому что посередине протекает Евфрат. Кроме улиц, параллельных Евфрату, идет ряд улиц, пересекающих реку. На каждой из этих улиц у набережной Евфрата сделаны медные ворота, ведущие к самой реке. Кроме того дворца, в котором мы находимся, на другой стороне Евфрата находится другой дворец; оба дворца соединены между собою подземным ходом. Чтобы его выкопать, пришлось повернуть реку в болото и, осушив в этом месте Евфрат, нагромоздить на дно смесь из камней, меди и асфальта, чтобы река не могла прорваться в подземный коридор. Затем Евфрат был снова возвращен на свое старое место.

— Кто же построил весь этот громадный город? — спросил

Демокрит. — Наверно, над ним потрудились несколько поколений вавилонских царей.

— Ничуть не бывало, — ответил писец. — В основном все это дело рук одной женщины — царицы Семирамиды. Я расскажу вам, как сооружались городские стены. Она собрала отовсюду архитекторов и каменщиков — всего два миллиона рабочих. Копая ров вокруг города (а почва здесь глинистая), они выделывали кирпичи из земли, которую выкапывали. Изготовив достаточное количество кирпичей, они обжигали их в печах. Склеивал кирпичи горячий асфальт, который в Вавилоне вытекает прямо из-под земли.

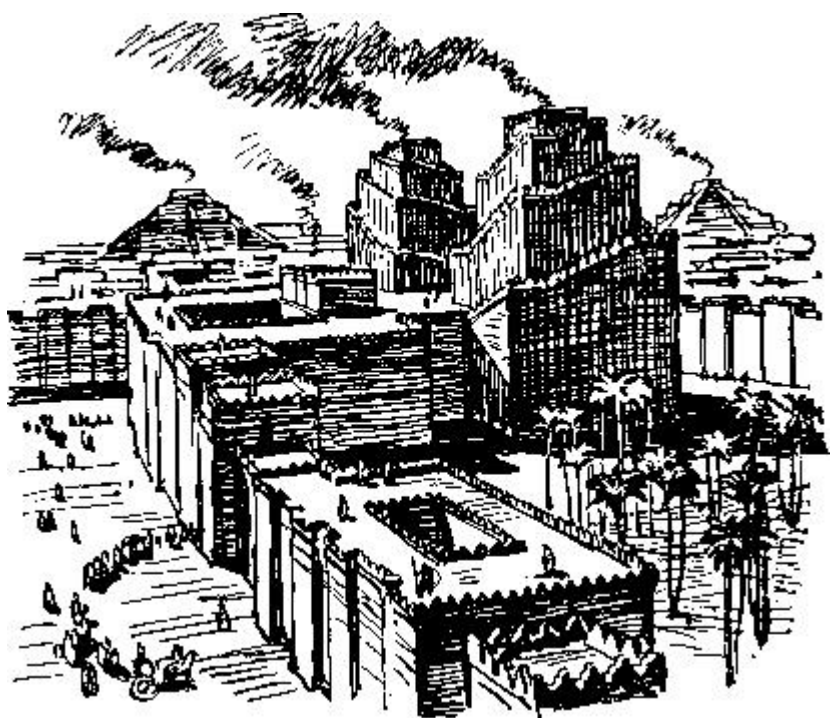

— Что же ты знаешь об этой Семирамиде?

— О ней рассказывают много чудесного, чему трудно поверить. Говорят, она тайно рождена в Сирии богиней Астартой, принявшей вид рыбы; что ее, выброшенную после рождения в камыши, голуби вскормили молоком и сыром; что она выросла в семье пастуха, но, выросши, оказалась красивее всех сирийских женщин; что в нее влюбился самый могущественный из ассирийских царей Нин, но что она оказалась такой умной женщиной и таким прекрасным полководцем, что Нин во всем слушался ее советов.

— Но я не понимаю одного. Как могли персы покорить такой могущественный и так замечательно укрепленный город, как Вавилон?

— Только благодаря хитрости. Персидский царь Кир часть войска поставил там, где река входит в город, а другую — позади города, там, где река из города выходит, затем отдал войску приказ: вступить в город по руслу реки, когда окажется, что она обмелела. Сам он поступил так же, как раньше Семирамида при постройке подземного хода: через канал он отвел воду из реки в болото. Вода в реке убывала, старое русло обмелело. Когда вода в реке убывла настолько, что не доходила до середины бедра, персы вошли по руслу в Вавилон.

— Но почему же вавилоняне не оказали им сопротивления? — недоумевал Демокрит. — Они должны были дать персам войти в город, а затем перебить их: для этого им нужно было только запереть все ворота, которые вели к реке в конце каждой улицы, а самим занять набережные.

— Конечно, — ответил писец, — они и поступили бы так, если бы своевременно заметили ловушку. Но, как рассказывают старики, еще помнившие события того времени, вавилоняне средней части города даже не знали о том, что жители окраин уже взяты в плен, так как город очень велик.

— Чем же объяснить такую нерадивость?

— А тем, что как раз в это время был праздник Сакеи. Они в это самое время танцевали, веселились, пьянствовали, господа прислуживали рабам. Словом, все происходило так, как вы видели это вчера. Когда наконец они узнали о случившемся, было уже поздно.

— Вавилон — самый большой на свете и самый красивый город, — заметил Демокрит. — Но он замечателен не только своими сооружениями — он славится своей многовековой наукой. Мы с Диагором охотно поучились бы мудрости у вавилонских ученых.

— Для этого, — отвечал писец, — вам нужно поговорить с верховным жрецом храма Бэла^[17]. Мы с ним близко знакомы. Хотите, я проведу вас к нему, и он, конечно, не откажется

поделиться своими знаниями.

Зенодор попрощался с ксеном и вернулся домой, сказав, что он ожидает Демокрита с Диагором к обеду. А наши путешественники вместе с писцом отправились в большой храм Бэла.

Храм Бэла был очень обширен. Как и весь город, он был обнесен стеной в форме квадрата, каждая сторона этого квадрата имела около двух стадиев. В середине храмового двора находилась большая площадь, вокруг которой на скамейках сидели служители и жрецы храма — халдеи. По площади ходили толпы вавилонян, а в самом центре стояли кровати с больными. К больному непрерывно подходили прохожие и говорили с ним о его болезни: родственники спрашивали прохожих, не страдали ли они когда-нибудь таким же заболеванием, не испытали ли такую болезнь их друзья или родственники. Так беседуя с больным, люди советовали ему те самые средства, которые помогли им самим вылечиться от подобной болезни. Пройти мимо больного молча и не спросить о болезни здесь было не принято.

Самый храм Бэла представлял собою башню без пустоты внутри, по 200 метров в длину и ширину. Над башней возвышалась другая, поменьше, над второй — третья, еще поменьше, и так до восьмой. Весь храм имел форму ступенчатой пирамиды. Поднимались на башню снаружи. Лестница шла кольцом вокруг всех башен. На середине подъема находилось место для отдыха со скамейками. В верхней башне помещался храм, а в нем большое, прекрасно убранное ложе и перед ним — золотой стол. Никакой статуи бога в храме не было. Когда Демокрит со спутниками поднялся на верхнюю башню, писец заметил:

— Халдеи говорят (но я этому, конечно, не верю), будто божество само приходит по ночам в этот храм и спит на ложе, но этого никто не видал, потому что провести ночь в храме никому не дозволяется.

— Где же ученые жрецы храма? — заинтересовался Демокрит.

— Кроме этого храма, здесь же, в святилище, есть другой. Там они проводят весь день в молитвах, размышлениях и ученых занятиях.

Писец с Демокритом и Диагором прошли в другой конец двора, где увидели меньший храм. В центре обширного зала находилось изображение сидящего бога Бэла, отлитое из чистого золота. Перед ним стоял большой золотой стол, золотая скамеечка для ног и золотой трон.

— Как говорили мне халдеи, — заметил писец, — все эти золотые предметы весят семьдесят талантов^[18].

Перед храмом помещался небольшой золотой жертвенник, никакого богослужения около него не совершалось. Зато от другого большого медного жертвенника шел резкий аромат ладана и запах жареного мяса. Вокруг него толпились и приносили жертвы вавилоняне: впереди их можно было заметить халдейских жрецов в твердых блестящих плащах и высоких головных уборах.

— Здесь приносят в жертву баранов, овец, козлов и коз. А ладан возжигается только в праздничные дни. Одного ладана ежегодно сжигается около тысячи четыреста талантов.

— А почему же не приносят никаких жертв на золотом алтаре?

— На нем приносят жертвы только в большие праздники. Причем только ягнят и козлят — сосунков.

Греки дождались конца богослужения, а затем писец подошел к одному из жрецов, очевидно старшему, и рассказал ему, что приезжие хотели бы познакомиться с вавилонской наукой.

— Наши жрецы, — ответил халдей, — почти ничего не понимают по-гречески, — как они смогут учить греков?

Демокрит объяснил, что он уже в детстве научился говорить на языке вавилонян, и хотя читает клинопись с трудом, но думает, что за короткое время вполне овладеет этим искусством.

— Очень хорошо, — сказал жрец. — Но чему ты хочешь у нас учиться? Большинство греков думает, что мы учим предсказывать судьбу человека от рождения до смерти по расположению звезд. Но этим занимаются только недобросовестные жрецы. Греки думают, что солнечные затмения посылаются людям за какие-либо совершенные ими грехи. Но и это неверно.

— Как вы это доказываете? — спросил Диагор.

— Это видно из того, что солнечные затмения происходят в точно определенные сроки, их можно заранее рассчитать. Согрешили люди или нет — затмения все равно произойдут в высчитанное время. Мы никаким чудесным предсказаниям тебя учить не будем.

— Этого мне и не надо, — возразил Демокрит, — я в чудеса не верю. Я хочу узнать про небо и звезды; как можно заранее точно установить время восхода и захода солнца и звезд; когда происходит поворот солнца на лето и на зиму; когда дни самые длинные и когда самые короткие; когда и какие дуют ветры; когда следует ожидать жары, дождя или бури и когда должны происходить солнечные и лунные затмения.

— Всему этому ты у нас научишься. По ночам ты будешь приходить на крышу самой верхней башни и вместе с одним из жрецов наблюдать за восходом, заходом и движением звезд. Но,

для того чтобы понимать астрономию, надо знать хорошо математику, надо уметь решать задачи, и по арифметике — считать, и по геометрии — проводить прямые линии и круги.

— Насчет этого будь спокоен. Я учился геометрии у египтян и, право же, научился проводить геометрические линии не хуже египетских мудрецов-гарпедонаптов.

— Тогда приступай к делу!

...С этого дня Демокрит стал ежедневно ходить на обучение в храм к халдею. Диагора это не интересовало, и так как Демокрит не нуждался в помощи раба для этих занятий, он разрешил Диагору бродить по городу или сочинять стихи.

Было бы скучным делом рассказывать, как шли день за днем занятия Демокрита. Он быстро освоился со сложными вавилонскими таблицами и научился сам составлять новые. Это были и таблицы расположения звезд, и таблицы небесных явлений, и таблицы умножения, и таблицы деления, и другие гораздо более сложные математические таблицы.

Особенно Демокрита заинтересовало, как вавилоняне записывали числа.

Мы пишем 2 и 5 и читаем 25. Цифру 2 мы читаем как двадцать только потому, что она стоит на втором месте. Греки этого не знали: цифра 2 у них обозначалась буквой В, а цифра 5 буквой Е, но ВЕ означало не 25, а $2 + 5$, то есть 7. Для обозначения числа 20 служила особая цифра К, и 25 писалась не ВЕ, а КЕ или ЕК — порядок знаков не имел значения.

Так же греки записывали трехзначные числа. Мы пишем 1 и 2 и 5 и получаем 125. По-гречески 1 обозначается буквой А, но если мы напишем АВЕ, то это поймут не как 125, а как $1 + 2 + 5$, то есть 8. Для обозначения числа 100 служила особая цифра Р, и 125 писалось не АВЕ, а РКЕ или РЕК.

Вавилоняне первые изобрели тот способ написания, который мы называем позиционным — цифра, стоящая на втором месте слева, обозначает число единиц второго разряда (у нас десятков), цифра, стоящая на третьем месте слева, — число единиц третьего разряда (у нас сотен). У вавилонян единица каждого следующего разряда не в 10, а в 60 раз больше единицы предыдущего разряда, то есть цифра, стоящая на втором месте слева, означает число шестидесяток, а цифра, стоящая на третьем месте, означает, сколько раз взято, — $3600 (60 \times 60)$.

Значит, если вавилонянин писал своими цифрами 125, то это означало:

$$1 \times 3600 + 2 \times 60 + 5 = 3725$$

Так как астрономия и счет времени пошли от вавилонян, то и мы делим 1 час (или 1 градус) на 60 минут, а каждую минуту на 60 секунд. Для обозначения вавилонского числа 3725 можно было бы писать: $1^{\circ} 2'/5''$.

Вавилоняне решали задачи на уравнения — простые, квадратные и даже кубические, умели извлекать квадратный корень по особым таблицам и еще многое другое.

Всему этому, конечно, научился Демокрит у халдеев, но он не передал этих знаний своим соплеменникам. Вероятно, все это казалось им слишком путаным.

Вавилоняне обучали решению задач так: «Сложи то-то, вычти то-то, перемножь то-то», и т. д. Ученик на практике машинально выучивал, как решаются задачи, но почему надо делать так, а не иначе, ему не объясняли.

Демокрит с его пытливым умом не мог с этим примириться. Он попытался объяснить понятным образом, почему надо так или иначе поступать, и впоследствии в его математических книгах все было изложено ясно и убедительно.

Однажды Диагор, запыхавшись, прибежал к Демокриту на верхнюю башню храма.

— Идем со мной! — закричал он. — Я тебе покажу что-то

очень интересное.

Демокрит пошел за ним, и Диагор привел его на большую площадь на окраине Вавилона. В середине площади стояла толпа девушек. Кругом них располагалась толпа мужчин. Рядом с девушками стоял глашатай и держал в руке какой-то список, начертанный клинописью на длинной глиняной таблице. Это был список невест. На первом месте стояло имя самой красивой из девушек, на втором — менее красивой и так далее, а в конце списка имя самой некрасивой, хромой и горбатой.

Глашатай называл одну за другой девушек и продавал их будущим мужьям. Прежде всех самую красивую. Когда первая была продана за большие деньги, глашатай вызвал другую, следующую по красоте. Все богатые вавилоняне наперебой покупали себе в жены самых лучших, так что бедным женихам не приходилось даже мечтать о красавицах. Когда все красивые невесты были распроданы, глашатай вызвал самую безобразную и спросил, кто желает жениться на ней. Девушку отдавали в жены тому, кто соглашался на ней жениться, получив наименьшее приданое. Это приданое выдавалось женихам некрасивых невест из денег, полученных от продажи красивых, так что красивые невесты как бы выдавали замуж безобразных.

РАССКАЗ ОБ АХИКАРЕ ПРЕМУДРОМ

В другой раз Диагор снова увидел кое-что интересное. Он побежал за Демокритом и привел его к площадке перед городской стеной. Здесь стояла четырехугольная мраморная таблица, суживающаяся кверху. Она была выше человеческого роста и покрыта сверху донизу клинописью.

Чтобы прочесть верхние строки, приходилось становиться на скамейку. Демокрит разобрал только заголовок: «Премудрость Ахикара», и с этих пор стал ежедневно приходить читать эту надпись.

Сначала дело подвигалось очень медленно, затем все быстрее и быстрее. В тех случаях, когда Демокрит не понимал того или иного выражения, он переписывал его с таблицы на листок папируса и приносил своему учителю-халдею. Спустя неделю Демокрит сказал Диагору:

— Я перевел всю надпись об Ахикаре на греческий язык. Если хочешь, я тебе прочту — она занимательная.

И Демокрит прочел:

— «Премудрый Ахикар обошел всю Азию, разговаривая повсюду с мудрецами. Он пришел в Вавилон и, показав образцы

своей мудрости, стал приближенным царя Вавилона Ликероса. В те времена между великими государями царил мир и на досуге они посылали друг другу письма, а в них — различные задачи и загадки. Если получатель отгадывал загадку, то тот, кто ее предложил, платил ему большую дань, а если не отгадывал, платил дань получатель. Самыми могущественными царями были тогда царь Вавилона и царь Египта. Ахикар был советником Ликероса и отгадывал за него все загадки. Благодаря Ахикару царь Ликерос прославился на весь мир. Ахикар также сочинял для Ликероса загадки, которые тот посылал другим царям. Этих загадок никто не мог разгадать, и благодаря Ахикару царь Ликерос получал с других царей огромную дань.

Царь был обязан Ахикару жизнью, потому что тот раскрыл заговор придворных, которые хотели убить царя и посадить одного из вельмож на его место.

У Ахикара был сын, по имени Надйн. Надин одевался в лучшие платья, ел изысканные блюда, пил лучшие вина, получал ежедневно по ведру серебра, имел целое стадо жеребцов и кобылиц, а породистых собак было у него столько, что целая деревня, освобожденная от других податей, должна была поставлять корм для них. Он был жесток с рабами и сурово наказывал их за малейшую провинность. Но, несмотря на это, Надину было обидно, что царь сажал Ахикара рядом со своим тронem, постоянно советовался с ним в государственных делах, а на Надина не обращал никакого внимания.

Из зависти Надин подделал письмо, которое Ахикар будто бы написал каким-то вельможом, злоумышлявшим против Ликероса. В этом письме говорилось, что Ахикар хочет помочь вельможам в их замысле.

Надин приложил к этому письму печать Ахикара и вручил царю, сказав, что он похитил его у отца. Ликерос, увидя печать Ахикара, пришел в страшный гнев и приказал своему первому советнику Арану, не учинив даже никакого допроса Ахикару, казнить его как предателя. Но Аран был другом Ахикара и остался его другом, несмотря на гнев царя. Тайно от всех он заключил мудреца в гробницу и незаметно передавал ему туда пищу. А Надин по приказу царя занял при дворе место Ахикара и стал главным советником.

Некоторое время спустя египетский фараон, узнав, что Ахикар умер, сразу же послал Ликеросу письмо, в котором просил прислать ему плотников построить башню в воздухе, так, чтобы она не касалась ни земли, ни неба. Да еще прислать мудреца, который мог бы ответить на любой вопрос. Если Ликерос исполнит это предложение, фараон обещал ему заплатить

большую дань, а если не сможет, то такую же дань уплатит Ликерос.

Прочтя это, Ликерос приуныл, так как никто из его друзей не мог догадаться, как построить башню в воздухе. Царь с огорчением воскликнул: «Была у меня одна только опора, на которой держалось все мое государство, — это Ахикар, а теперь я его лишился!»

Аран же, узнав, что царь тоскует по Ахикару, подошел к нему и сказал, что Ахикар жив. Он признался царю, что не исполнил его приказа и не убил Ахикара, так как знал, что рано или поздно царь раскается в своем решении.

Ликерос был вне себя от радости. Ахикар, весь в грязи и лохмотьях, предстал перед ним, и царь, увидев его, заплакал, велел вымыть его и привести в приличный вид. После этого Ахикар доказал царю, что он не повинен в измене, — наоборот, он в свое время помог раскрыть заговор придворных.

Ликерос сделал Ахикара снова своим советником и позволил ему поступать с Надином так, как ему будет угодно.

После этого царь велел Ахикару прочесть письмо фараона. Тот сразу же понял, как решить задачу, рассмеялся и велел ответить фараону, что с наступлением весны Ликерос пошлет ему плотников, которые построят башню в воздухе, а также пришлет своего посланца, который ответит на любые вопросы фараона.

Царь отослал назад египетских послов с письмом, написанным Ахикаром.

А Ахикар, взяв Надина, посадил его в ту самую гробницу, в которой был заключен прежде сам, пересылал ему туда пищу и, проделав небольшое окошко во входной двери, каждый день подходил к гробнице и читал ему наставления.

Надин сказал Ахикару:

— Прости меня, отец. Люди грешат даже против богов, и боги им прощают. Если ты меня простишь, я стану твоим конюхом и слугой или даже твоим свинопасом. Все будут говорить: «Какой добрый Ахикар и какой злодей его сын!»

А вот что говорил Ахикар Надину, стоя перед его темницей:

— Мой сын, я надеялся, что ты будешь наследником моего дома и моего имущества, но тебе этого было мало. Я посадил тебя на высокий престол, но ты сбросил меня с моего престола. Однако мое сердце осталось чистым и незапятнанным. Что же мне с тобой делать? Кто не слышит ушами, того заставляют слышать спиною.

Мой сын, ты поступил со мной, как скорпион, ужаливший скалу. Скала ему сказала: «Мое сердце осталось спокойным». Или как другой скорпион, ужаливший иголку. Она сказала ему: «Ты

натолкнулся на жало, это жало еще острее твоего».

Ты поступил со мной, мой сын, как человек, который увидел, что его друг дрожит от холода. Тогда он принес ведро ледяной воды и облил друга с головы до ног.

Ты поступил со мной, мой сын, как собака, которая подошла к печи горшечника, чтобы погреться, но, нагревшись, стала лаять на печь.

Ты поступил со мной, мой сын, как свинья, которая пошла мыться в баню, но по дороге туда увидела грязную лужу и, залезши в нее, выкупалась в ней с удовольствием, и даже еще позвала своих подруг: «Подите сюда, помойтесь в этой чудной бане».

Но Надин сказал ему:

— Прости меня, отец. Все на свете происходит по воле богов. И если я скверно поступил с тобою, то, очевидно, так угодно было богам.

Но Ахикар отвечал ему:

— Так ты думаешь, что ты, согласно воле богов, наказывал добрых рабов, которые никаких проступков не совершили? Ты смотрел высокомерно на просителей, а добродетельный человек даже самых бедных просителей принимает стоя. Ты думал, что я глуп, а ты умен, но никогда не говори: «Мой друг глуп, а я умен!» — а люби его, несмотря на все его недостатки, тогда и тебя будут любить. Все это не пройдет тебе даром: как видишь, меня за мою честность спасли, а тебя за все твои дела топят. Как же я должен с тобой поступить? Сказано ведь: не позволяй своему другу наступать тебе на ногу — иначе он наступит тебе на шею!

Ты думал, мой сын, что тебя будут чтить за одно то, что ты богат. Что того, в чьих руках больше богатства, все считают мудрым и достойным почестей, а того, у кого руки пустые, — глупым и жалким. Но поверь, мой сын, лучше иметь незрячие глаза, чем незрячее сердце. Слепой запомнит дорогу и научится ходить не спотыкаясь, а человек со слепым сердцем всегда сбивается с прямой дороги.

И еще Ахикар говорил:

— Лучше друг, который близок твоей душе, чем родной брат, который далек от твоей души.

Поступай так, чтобы потом не пришлось огорчаться, а если уж случилась беда — не горюй.

Не будь слишком сладким, чтобы тебя не проглотили, не будь слишком горьким, чтобы тебя не выплюнули.

Держи ухо востро, а язык на привязи.

И еще Ахикар говорил:

— Истинная краса женщины — скромность, а ее лучший

наряд — молчание.

Я тащил на спине железо и ворочал тяжелые камни, но все это не так тяжело, как злая жена в доме.

Не радуйся, что у тебя много детей, и не печалься, если их вовсе нет.

И еще Ахикар говорил:

— Заботься о своих рабах, чтобы они не только боялись тебя, как хозяина, но и любили, как благодетеля.

И еще Ахикар говорил...

Но Надин не дослушал до конца наставлений Ахикара — он с горя умер».

— А что было дальше с Ахикаром? — спросил Диагор. — Как он сумел разрешить загадку фараона?

— А вот послушай как.

«Ахикар призвал всех царских охотников и приказал им поймать четырех молодых орлов. К каждому из орлов был приставлен мальчик, который сделал его совершенно ручным.

Орла некоторое время морили голодом, а после этого мальчик брал длинную палку с куском свежего мяса на конце и держал ее над головой, орла же привязывал за веревку к своему поясу. Орел взлетал в воздух, чтобы схватить мясо, но при этом поднимал в воздух и мальчика, а мясо вместе с мальчиком поднималось вверх и уходило от орла. Орел во чтобы то ни стало хотел достать мясо и подымался все выше и выше.

К весне орлы были таким способом приучены поднимать мальчиков в воздух.

Ахикар снарядился в дорогу, взял с собой мальчиков с орлами и отправился в Египет.

Фараон, узнав, что в Египет прибыл Ахикар, сказал друзьям:

— Беда, я погиб, меня обманули, когда сказали, что Ахикар в могиле.

Фараон спросил Ахикара:

— Привел ли ты строителей и берешься ли ты построить башню, которая не касалась бы ни земли, ни неба?

— Не беспокойся, — отвечал Ахикар, — я готов, я привез их и построю башню, только пусть мне укажут, где ее ставить, и пусть подадут в воздух камни и все прочее, необходимое для постройки.

Фараон вышел вместе с Ахикаром за черту города, отмерил участок, над которым должна была быть воздвигнута башня, указал Ахикару.

На каждом из отмеченных фараоном углов будущей башни Ахикар поставил мальчика с орлом и, дав им в руки нужные инструменты, приказал вместе с орлами подняться в воздух. Оказавшись в воздухе, они стали кричать:

— Дайте нам камней, дайте нам известку, дайте дерево и все прочее, нужное для постройки!

Фараон, увидев мальчиков, поднятых в воздух орлами, сказал:

— Откуда у тебя крылатые люди? У меня таких не водится.

Но Ахикар ответил:

— Однако же царь Ликерос таких имеет, а ты, будучи простым смертным, хотел сравниться с божественным царем Вавилона?

Фараон сказал:

— На этот раз ты меня победил. Но ты еще должен ответить мне на вопрос.

— Какой же это вопрос? — спросил Ахикар.

— У меня есть кобылицы. Как только они услышат, что в Вавилоне ржут жеребцы, они тоже начинают ржать и не дают спать ни мне, ни моим подданным. Если ты мудрец, то объясни мне, как это получается?

Ахикар сказал:

— Царь, я тебе отвечу завтра.

Уйдя от фараона, Ахикар не пошел к себе в спальню. Он приказал своим мальчикам поймать кошку, принести ее на главную городскую площадь и там изо всех сил бить кнутом.

Как известно, египтяне считают кошку божественным существом. Поэтому, услышав жалобное мяуканье, они сбежались и, вырвав кошку из рук истязателей, немедленно сообщили царю о безбожном поступке, совершенном по приказу Ахикара. Царь призвал Ахикара и сказал ему:

— Ты разве не знаешь, Ахикар, что мы чтим кошку, как бога? Зачем же ты так поступил?

Ахикар ответил:

— О царь, эта кошка в прошлую ночь нанесла обиду нашему царю Ликеросу. У царя был храбрый петух, победитель в петушиных боях, кроме того, этот петух своим пением указывал царю время ночи. Твоя кошка загрызла этого петуха.

Царь ответил:

— Ты не стыдишься так лгать?! Каким образом за одну ночь кошка из Египта прибежала в Вавилон и вернулась обратно?

Ахикар, улыбаясь, ответил:

— А как может быть, что, когда в Вавилоне ржут жеребцы, здешние кобылицы отвечают им ржаньем?

Услышав это, фараон был восхищен мудростью Ахикара.

На следующий день, созвав всех своих придворных, фараон сказал им:

— Из-за этого Ахикара нам придется платить дань царю

Ликеросу.

Тогда один из них сказал:

— Пусть Ахикар задаст нам вопрос о такой вещи, которой мы никогда не видели и о которой мы никогда не слышали.

Фараону понравился этот совет, и, позвав Ахикара, он сказал ему:

— Задай нам, Ахикар, вопрос о такой вещи, какой мы не знаем и о которой не слышали.

Ахикар ответил:

— Завтра я это сделаю.

Придя домой, он написал от имени фараона письмо, в котором тот обязался немедленно и беспрекословно заплатить тысячу талантов^[19] царю Ликеросу. Придя во дворец утром, Ахикар передал этот документ в запечатанном виде фараону, прося вельмож ответить, видели ли они или слышали о том, что в нем содержится. Но придворные опасались, что в этой бумаге написано что-то, чего они не видели и не слышали, и что фараон будет побежден в споре. Поэтому, прежде чем документ был распечатан, они в один голос закричали:

— Мы это и видели и слышали и утверждаем, что это именно так!

Ахикар сказал:

— Спасибо вам, что вы согласились быть моими свидетелями.

Когда же фараон прочитал документ, он закричал на придворных:

— Как вы смеете все быть свидетелями того, чего никогда не было? Я ничего не должен царю Ликеросу!

Тогда все вельможи фараона, поняв свою ошибку, в один голос закричали:

— Мы сказали неправду. Мы ничего не видели и не слышали!

Ахикар ответил:

— Значит, я выиграл спор. Я задал вам вопрос о том, чего вы не видели и не слышали.

И фараон сказал:

— Счастлив царь Ликерос, что в его стране живет такой мудрец!

Он вручил Ахикару дань и отпустил его с миром».

...Демокрит с Диагором увидели в Вавилоне все, что казалось интересным. Успел познакомиться Демокрит и с вавилонской наукой. Перед отъездом он пришел проститься со своим учителем—халдеем.

Жрец Бэла был искренне огорчен отъездом такого способного ученика: ни один чужеземец за столь короткое время не мог усвоить и чтение клинописи и всю вавилонскую науку. Он

спросил Демокрита:

— А не хочешь ли ты изучить нашу религию и историю нашей страны?

— Нет, — ответил Демокрит. — Я пришел сюда, чтобы отыскать моего учителя Левкиппа, и хоть у меня осталось на это мало надежды, я все-таки постараюсь сделать, что могу. Отправляюсь в обратный путь и буду искать его по дороге. Может быть, мне придется еще раз посетить Вавилон, тогда я займусь и этими науками. А пока большое, большое спасибо! То, чему я у вас научился, даст мне возможность перестроить совсем по-новому греческую науку.

Демокрит вернулся к Зенодору, после чего они с Диагором распростились с гостеприимным хозяином и собрались в обратный путь.

— Доволен ли ты своей поездкой? — спросил Демокрита Диагор.

— Никак не могу этого сказать. Я многое видел, многому научился, но человеческая жизнь, жизнь друга дороже всего на свете. Я ехал ведь прежде всего за тем, чтобы разыскать моего дорогого учителя. Не знаю, жив ли он, но все равно я буду его искать.

ЖРИЦА БОГИНИ МИЛИТТЫ

Наши путешественники снова ехали верхом по пустынной дороге — на этот раз назад, домой.

Дул прохладный ветер, провизии было нагружено на осла на целую неделю, дорога шла по левому берегу Евфрата, так что вода всегда была под рукой. В Вавилоне Демокрит повидал столько интересного, что заполнил записями целые папирусные свитки.

Они несколько раз останавливались, чтобы покормить лошадей и самим отдохнуть. Ветер успокоился, но зной был утомительным, и ночью от раскаленной земли тоже веяло жаром. Поэтому, когда на третий день пути, к вечеру, путники подъехали к белой ограде, окружавшей большую рощу кипарисов и кедров, они вздохнули с облегчением и решили хорошенько отдохнуть. Путники въехали в ворота и, не встретив в роще ни одной живой души, раскинули под огромным кедром палатку, а сами уселись на каменной скамье, стоявшей тут же.

Взошла луна, и утомленный Демокрит пошел прилечь, а Диагор остался сидеть на скамье.

Черные тени казались Диагору призраками, и роща представлялась ему населенной таинственными существами. Легкие шаги заставили Диагора обернуться: за скамьей в темноте

виднелась белая фигура. Не успел Диагор как следует ее рассмотреть, как почувствовал, что кто-то его обнимает и целует в губы. Изумленный и испуганный Диагор вскочил со скамьи и воскликнул:

— Кто это? Призрак или человек?

— Не пугайся, это я, Деркетто, жрица богини Милитты, я поцеловала тебя, и теперь по праву ты можешь стать моим мужем. Какое счастье, что третьим женихом оказался именно ты!

— Каким женихом? Да я и не знаю тебя и не подозревал, что попал в святилище Великой Милитты.

— Как? Разве ты не ради меня пришел сюда? — спросила огорченная жрица.

Тут Диагор рассказал девушке, что они путники и случайно остановились в священной роще. Девушка, в свою очередь, объяснила ему причину своей ошибки.

— Таков наш обычай, — сказала она. — Святилище великой Милитты — богини любви, как видишь, расположено как бы на островке между Тигром и Евфратом и двумя каналами, соединяющими эти реки. В давние времена, когда Тигр и Евфрат носили другие имена, здесь жила премудрая и любимая богиней жрица. У нее было трое детей: два сына —; Тигр и Евфрат, и дочь — Месопотамия. Однажды шип ядовитого кустарника вонзился в ногу Евфрата, и он, не в силах терпеть страшную боль, бросился в реку, которая с тех пор зовется Евфратом. Тигр, очень любивший брата, не мог его пережить и утопился в другой реке, названной теперь его именем. У матери-жрицы осталась одна-единственная дочь, которая от рождения была так безобразна, что никто не хотел взять ее в жены, и она целые дни проводила в слезах.

Мать Месопотамии обратилась к богине Милитте с горячей мольбой сделать ее дочь красивой. Богиня явилась ночью, провела рукой по лицу Месопотамии, и та наутро проснулась красавицей. К ней стали свататься самые красивые и знатные юноши Вавилона. Первому, кто пришел ее сватать, она дала пить из своей чаши. Второму — надела на голову свой венок из роз. Когда пришел третий, она поцеловала его в губы. Каждый из трех женихов требовал, чтобы она вышла за него замуж. Пришлось им всем отправиться в Вавилон к судье Бохбру, мудрому и справедливому, и судья присудил ее руку тому из женихов, которого она поцеловала. Остальные были недовольны приговором, и все трое положили решить спор поединком.

Жестоко бились они, пока все не пали под ударами мечей. С тех пор у нас такой обычай: жрицей Милитты избирается самая красивая девушка Вавилона. Когда же приходит ей время выбирать мужа, она своего избранника целует в губы. Другие

женихи, недовольные ее выбором, могут потребовать, чтобы все отправились к судье. Если приговор судьи их не устраивает, они сражаются с избранником девушки. Тот, кто остается в живых, должен стать ее мужем, а жрицей становится другая девушка...

Пока Деркетто все это рассказывала, за белой оградой раздались крики, и из густой тени деревьев выступили на свет два богато одетых человека, вооруженных мечами.

— Это мои женихи, — шепнула жрица Диагору.

Были они уже немолоды, с толстыми животами и косматыми черными волосами, свисающими из-под высоких шапок. Они увидели жрицу и Диагора и бросились к ним. Деркетто выступила вперед и, указывая на Диагора, сказала:

— Вот мой избранник, я его поцеловала, а вы можете возвращаться в Вавилон, сохранив мой венок и добрую память о моем напитке.

Женихи схватились за мечи. Диагор в оцепенении оставался на скамье, от неожиданности не в состоянии произнести ни слова.

На помощь пришел Демокрит. Он в своей палатке давно уже прислушивался к разговору.

— Диагор мой раб, — заявил Демокрит, — он не может жениться на свободной. Жрица богини не может стать женой раба и тем самым стать моей рабыней. Мы здесь случайные путники и утром отправимся дальше. А жрица пусть спокойно ожидает, согласно обычаю, третьего жениха.

Девушка в отчаянии воскликнула:

— Но в священном уставе храма ничего не сказано о том, что мужем жрицы не может быть раб; к тому же, если раба поцеловала жрица Милитты, он становится свободным.

— Идем в Вавилон к премудрому судье Сораху, пусть он рассудит нас! — закричали в один голос женихи.

— Идем! — сказала Деркетто. — Он справедливый судья и не нарушит обычая!

Доводы Демокрита и Диагора не действовали, и им с

рассветом пришлось собираться обратно в Вавилон в сопровождении свирепых женихов. Диагор молча размышлял о неожиданном приключении и досадовал на настойчивость девушки.

Судебная палата Сораха помещалась в малом дворце, на восточном берегу Евфрата. Здание было гораздо меньше и далеко не так красиво, как главный дворец, который Демокрит с таким восхищением осматривал во время первого посещения Вавилона. Стены малого дворца были из простого кирпича, на них не было цветных изображений различных зверей, и украшены они были только медными барельефами. На них были нарисованы древние цари Ниневии и Вавилона — Нин и Семирамида — и главный вавилонский бог Бэл. Внизу — сцены сражений и охоты.

Но Демокрит и Диагор были в таком состоянии, что не обратили на это никакого внимания.

Их ввели в большой зал и усадили на скамью, на противоположной скамье расположились воинственные женихи.

Вскоре в зал вошел пышно одетый перс в высокой шапке-митре, с жезлом, увенчанным золотым орлом. Все затихли и устали на судью.

— Что привело вас ко мне? — спросил Сорах.

Голос судьи заставил вздрогнуть Демокрита. Где он его слышал? Не в Вавилоне ли? На празднике Сакеи? Еще тогда голос судьи, выносившего приговор рабу-бариому, показался ему странно знакомым? Вот и теперь...

Диагор схватил Демокрита за руку.

— Господин! — зашептал он. — Не кажется ли тебе...

Быстрый взгляд, который бросил на них судья Сорах, подтвердил их догадку. Левкипп!..

Персидская одежда сильно изменила его. Но теперь уже Демокрит не сомневался...

Диагор вскочил, ко Демокрит усадил его на место — он понял, что Левкипп не хочет быть узанным.

Женихи наперебой стали объяснять судье свое дело. Тот поочередно допросил каждого из присутствующих, делая заметки в свитке.

— Как видишь, премудрый Сорах, — сказал Демокрит, — все это чистое недоразумение. Позволь нам продолжать свой путь.

— Нет, — закричали женихи, — жрица Деркетто непременно желает получить этого раба в мужья, а он — обманщик и хочет обойти нас!

Судья углубился в размышления, а затем сказал:

— Если человек, называющий себя греком Диагором, случайный прохожий, он вовсе не обязан жениться на жрице, хотя

бы она его и поцеловала. Ведь он вовсе не хочет этого. Но если он собирался обманом получить жрицу в жены, то подлежит казни через распятие, как осквернитель святыни. Я должен сам отправиться в храм Милитты и выяснить все на месте. А женихи пусть ждут в Вавилоне моего возвращения.

Женихи встретили такое решение ропотом, но вынуждены были покориться, а Демокрит и Диагор приуныли: Сорах, по-видимому, не хочет по какой-то причине признавать своих друзей, а дело оборачивается для Диагора очень плохо — как можно доказать, что он проник в святилище не нарочно? Им уже виделись трупы распятых на кресте преступников, которые встречались не раз по дороге...

Уныло двигались они снова к святилищу в сопровождении персидской стражи, а Сорах следовал за ними в удобной, богато украшенной повозке.

На одной из остановок к Демокриту подошел стражник и обратился к нему по-гречески. Незаметно для других он передал Демокриту записку. В ней было написано:

«Левкипп говорит Демокриту. Когда прибудем к святилищу, мчитесь на конях изо всей мочи по дороге мимо святилища. Преследовать не будут. Будьте здоровы».

Путникам стало легче на душе. Но оставалось непонятным, что будет дальше с ними и с самим Левкиппом.

Все так и произошло, как писал Левкипп.

Демокрит и Диагор промчались мимо ворот святилища, а стражники остановились в ожидании приказа Сораха. Но вот от ворот священной роции отделился всадник на лошади и стал быстро догонять их. Когда горячий арабский конь поравнялся с путниками, они узнали в этом всаднике жрицу Деркету. Она, задышавшись, проговорила:

— Я тебя поцеловала, Диагор, ты мой суженый. Мне противны все другие женихи. Куда бы ты ни направился, я последую за тобой.

Озадаченный Диагор не знал, что и ответить. Демокрит тоже

молчал, оба они с досадой смотрели на настойчивую девушку.

В это время вдалеке на дороге появилось облако пыли.

— Погоня! — закричала Деркетто. — Скорее!

Но измученные длинной дорогой всадники уже не могли скакать дальше, они осматривались по сторонам, надеясь укрыться от преследователей в густом колючем кустарнике близ дороги. Свернув с дороги, они начали продираться в зарослях. Деркетто следовала за ними.

Вдруг они заметили низенькую хижину, которая была сделана из хвороста и обложена сухой соломой и ветками. Хижину почти не было видно, ее заметили, только случайно наткнувшись на нее.

— Спрячемся здесь и переждем погоню, — предложил Демокрит, — ведь Левкипп не желает нам зла и постарается не заметить нас.

Они укрыли лошадей в зарослях, а сами направились к хижине. Деркетто вошла первой. Вдруг они услышали страшный крик Деркетто. Демокрит с Диагором бросились в хижину: девушка билась в руках какого-то рослого негодяя, а пятеро других окружили вошедших, выжидая, не возьмутся ли те за оружие. Убедившись, что они безоружны, разбойники набросились на них и стали скручивать им руки веревками. Особенно желанной добычей была для них юная, очень красивая девушка.

Обыскав пленников, разбойники содрали с Демокрита кошель с деньгами, сорвали украшения с Деркетто и потащили всех из хижины к лошадям. Демокрит, надеясь выиграть время, пока не подъедет Левкипп со стражей, вступил с разбойниками в переговоры. Он обещал им щедрый выкуп, если они их отпустят. Деркетто продолжала громко плакать и кричать, чтобы привлечь внимание всадников, которые показались на дороге. Дозорный, поставленный разбойниками, тоже заметил погоню. Тогда они вскочили на коней и умчались. Только один из разбойников привязал связанную Деркетто к спине ее арабского скакуна. Но напрасно он бил умное животное плетью. Конь, следуя тайному знаку девушки, не трогался с места. Стражники уже приближались. Разбойник втолкнул пленников в хижину, а сам пустился бежать, унося драгоценности жрицы и кошель Демокрита.

Судья Сорах и стражники ворвались в хижину, развязали беглецов, и судья обратился к ним с грозной речью:

— Мало того, что вы осквернили святилище и обманули судью, вы еще похитили жрицу Милитты. Теперь вам не избежать позорной казни. Но, — повернулся судья Сорах к стражникам, —

прежде чем отправиться в обратный путь, накормите их, чтобы они не испустили дух от голода.

Демокрит и Диагор, пораженные словами Левкиппа, ничего не могли понять. Что же затеял Левкипп?

Деркето потихоньку плакала.

Из возка Сораха мигом появилось прекрасное финиковое вино, дичь и просяной хлеб. Проголодавшиеся пленники, забыв обо всех несчастьях, набросились на еду. Левкипп и трое стражников оставались в хижине, остальные, обшарив кусты и никого не найдя, расположились возле коней.

Демокрит вопросительно поглядывал на Левкиппа, а Диагор — сочувственно на Деркету. Левкипп же молча наблюдал за всеми.

Вдруг они почувствовали запах гари, и хижина наполнилась едким дымом. Со всех сторон в нее пробивались языки пламени. Стражники бросились к пылающей двери, одежда и волосы у них загорелись, они с криком катались по полу.

Кто-то из разбойников поджег хижину. Она со всех сторон была обложена соломой и хворостом и вспыхнула, как большой

костер.

— На помощь! На помощь! — кричал Демокрит, который силился поднять тяжелую плиту в полу. Наконец они общими усилиями приподняли ее и оказались в глубоком погребе, где было совершенно темно. Там еще можно было дышать, но скоро дым заполнил и подземелье. Ощупывая стены погреба руками, Демокрит и Диагор наткнулись на тяжелый ящик, закрытый крышкой.

— Здесь целый склад! — воскликнул Диагор, приподняв крышку и нащупав целую кучу денег и драгоценностей.

Но к чему теперь были эти богатства, когда дым грозил им гибелью.

— Сюда, ко мне! — вдруг закричал Демокрит.

Собрав последние силы, его товарищи по несчастью ползли в темноте на его голос. В том месте, где был Демокрит, откуда-то пробивался свежий воздух. Нащупав руками узкое отверстие, Демокрит понял: перед ними подземный ход наружу. Первым пролез в отверстие он сам, а за ним все остальные. В полном мраке двигались они по тесному проходу. Наконец впереди показался свет. Демокрит стремительно ринулся в отверстие и тут же скатился по крутому обрыву в мутную воду. Эго была река. Но он хорошо плавал и поэтому без труда добрался назад к выходу из подземелья и помог вылезти из него всем остальным. .

Когда наши путники добрались до дороги и осмотрелись, кругом было пусто, вставала луна, трещали в кустарнике цикады. Одежда на них была изорвана и вся в грязи, провизии никакой. И хотя Демокрит и Диагор захватили с собой деньги из сундука разбойников, до ближайшего города Харманды было стадиев четыреста. Три дня пути для пешеходов, а Деркетю?

Но делать было нечего, надо было отправляться в путь. Левкипп, одетый в тяжелую персидскую одежду, медленно передвигал ногами и молчал. Остальные же горячо благодарили Демокрита за избавление от неминуемой смерти и удивлялись его находчивости и хладнокровию.

— Как удалось тебе, господин мой, найти выход из подземелья и как вообще ты узнал о его существовании? — допытывался Диагор.

— Все это очень просто, — улыбнулся Демокрит.

— Просто? — вскричала Деркетю. — Но мы погибли бы без тебя!

— Я подумал, — отвечал Демокрит, — что в логове разбойников непременно что-нибудь припрятано, а так как хижина была совершенно пуста, то я стал искать тайник. Вот тут я и заметил плиту в полу хижины, ну, а потом уже не трудно

было догадаться, что из подземелья должен быть второй выход.

— Как мог ты в такую минуту хладнокровно наблюдать и исследовать? — продолжала удивляться Деркетто.

— Я ученый, милая девушка, и для меня важно все на свете, от самого незначительного явления до самого великого. Находить причины и сущность всего — большее счастье, чем восседать на троне персидского царя. Но это все пустяки, а вот всей моей учености не хватает, чтобы разобраться, как наш друг и учитель, мой дорогой Левкипп, стал судьей Сорахом при сатрапе Вавилона. И почему, дав нам возможность бежать, он потом сам поспешил схватить нас снова. Не объяснишь ли ты сам все это, мой уважаемый учитель?

И тогда Левкипп заговорил:

— Всему свое время, сейчас вы все узнаете.

И он сбросил с себя митру, черный парик и персидский кафтан. Под кафтаном у него оказалась греческая одежда — белая полотняная рубаша, а поверх нее темный шерстяной плащ. Левкипп вытащил из-за пазухи и показал спутникам свиток. К нему была привешена царская печать. В свитке — фирмане — было сказано, что греку Левкиппу разрешается беспрепятственный проезд в город Эфес и что все персидские власти должны оказывать ему в этом помощь и содействие.

Спутники Левкиппа ликовали. Им казалось, что все опасности уже позади, ведь стража будет думать, что они погибли в сгоревшей хижине, и прекратит преследование, а царский фирман даст всем им возможность спокойно добраться до Эфеса.

Усталые, они продолжали идти по дороге, обсуждая недавние события.

— Не спорю, — сказал Левкипп. — То, что я стал судьей Сорахом, пожалуй, довольно необычно, но неужели мой молодой друг, сын почтенного Дамасиппа, покинул родные Абдеры только для того, чтобы похитить для своего раба невесту из храма Милитты? Как ты попал сюда?

— Как я попал сюда? Не ты ли оставил на обломке мачты свое послание, из-за которого мне пришлось проехать весь Египет, Малую Азию, Аравию, Месопотамию, чтобы попасть в руки неумолимого судьи Сораха?

— Неужели это послание, написанное без всякой надежды, могло до тебя дойти? Поистине это безмерная милость со стороны богов к такому нечестивцу, как я!

— Но как же все-таки ты стал персом? — спросил Демокрит.

— А вот слушай, — отвечал Левкипп. — Я вырос в Милете, где было много персов. С детства я так же хорошо говорил по-персидски, как и по-гречески. Моим лучшим другом был юноша

— перс Сорах. Отец Сораха, Мох, в свое время бежал из Суз в Милет. Он был сторонником той группы персов, которая поддерживала царевича Артаксеркса. Бывший тогда царем Ксеркс относился к этим людям подозрительно. Мох был очень ученым человеком и передал свои знания сыну. Мох умер раньше Ксеркса, до того, как царевич Артаксеркс вступил на престол, а то бы новый царь, высоко чтивший его ученость, дал ему высокий сан. Теперь Сорах мог бы вернуться на родину в Персию, если бы захотел. Но ему так понравилась Греция, что он решил остаться в ней навсегда.

Вместе с моим другом Сорахом в родном городе Милете мы усердно занимались наукой, и я многому от него научился.

Когда ты, Демокрит, написал мне, что едешь в Египет, Сорах был уже тяжело болен и вскоре умер. Погоревав о нем, я отправился в путь, чтобы встретиться с тобой в Навкратисе.

Была глубокая ночь, но наши путники все двигались, стремясь отойти подальше от места своих злоключений. Уже и луна закатилась, подул прохладный ветерок — предвестник утра, а они все еще шли, несмотря на крайнюю усталость и мучивший их голод. Диагор с тревогой посматривал на Деркету, но она не отставала от других и не жаловалась. Все ждали, что Левкипп продолжит рассказ. Идти становилось все труднее, и наконец путники решили отдохнуть. Выбрали местечко, где с дороги их не было видно. Левкипп расстелил свой плащ, и все расположились на нем.

— Продолжай, Левкипп, — попросил Демокрит. — Как же все-таки случилось то, что случилось, и мы сейчас все вместе?

— Ты знаешь, Демокрит, что, выброшенный волнами на берег близ Египта, я был схвачен пиратами и продан одному работорговцу. Хозяин, рабом которого я стал, не дождавшись твоего приезда и моего выкупа, привел меня на невольничий рынок, рассчитывая взять хорошие деньги за грамотного и образованного раба. Знатный перс Гидарн купил меня и отвез в Вавилон. Гидарн и его друзья в это время замыслили заговор против царя Артаксеркса. Я об этом узнал, присутствуя нередко на их собраниях.

Сатрап Вавилона Артапан следил за моим господином и его единомышленниками. И вскоре они были схвачены, подвергнуты допросам и жестоким пыткам. Мне, как писцу и переводчику Гидарна, тоже грозила большая опасность, но, по счастью, никто, кроме самого Гидарна, не знал о моем греческом происхождении, а прежний мой хозяин дал мне имя Сир, которое носили только рабы.

Гидарн и его товарищи были казнены, а все его рабы проданы с аукциона, но один из них донес на меня — ведь я был приближенным своего господина. Меня схватили тоже и посадили в тюрьму. Я заявил судье, что имя Сир дано мне пиратом, продавшим меня в рабство, а настоящее мое имя Сорах, сын Мох. Ведь Мох был сторонником Артаксеркса.

Я так хорошо знал все обстоятельства жизни Мохы и Сораха, что мог рассказать об этом во всех подробностях. Хорошо был знаком я и с философским учением Мохы, Сатрап Артапан, с которым мне пришлось не раз беседовать, узнав о том, что я перс Сорах, сын Мохы, написал об этом царю Артаксерксу, сопроводив свое письмо самыми похвальными отзывами о моей учености и образованности. По приказу царя меня освободили и назначили верховным судьей Вавилона. Но такое необыкновенное возвышение бывшего раба вызвало зависть некоторых вельмож. Эта зависть еще усилилась, когда обо мне распространилась молва как о мудром и справедливом судье. Я нередко встречался с греками, разговаривал с ними. Меня мучила тоска по родине. Пользуясь расположением Артаксеркса, я испросил у него фирман для проезда в Грецию, якобы для моего друга Левкиппа. Такое разрешение я получил, но вельможи и сам сатрап стали

относиться ко мне с подозрением. От меня они потребовали, чтобы этот Левкипп самолично явился к сатрапу. Мне пришлось сочинить, что Левкипп находится в данное время в Персии по торговым делам и, как только вернется, непременно прибудет во дворец. Я заметил, что за мной следят, и обдумывал уже план дальнейших действий, когда увидел в судебной палате тебя, Демокрит. Женихи — соперники Диагора — оказались вельможами сатрапа. Поэтому я не мог просто отпустить вас. Это навлекло бы на меня новые подозрения. Кроме того, я потерял бы возможность присоединиться к вам и вместе бежать в Грецию. Ну, а дальнейшее вы уже все знаете: я хотел как-нибудь избавиться от стражников, но пожар помог нам сделать это быстрее, чем я предполагал.

Как ни были они поражены рассказом Левкиппа, но усталость взяла свое и, как только Левкипп умолк, все четверо заснули крепким сном.

Проснулись они поздно, когда солнце давно поднялось. Спустились к реке, умылись и напились мутной воды. Голод стал мучительным, но впереди был долгий, утомительный путь и единственная возможность достать пищу — город Харманда.

И вот они снова зашагали по дороге, подбадривая друг друга и спускаясь время от времени к реке, чтобы мутной водой Евфрата заглушить голод.

К вечеру Левкипп нашел какое-то растение. Стручки его были неприятного вкуса, но их можно было есть. И путники на протяжении всего остального пути питались этими стручками. По этому поводу Демокрит сказал:

— Жизнь на чужбине учит довольствоваться тем, что имеешь: ведь здесь стручок и подстилка из листьев вызывают восторг, так как это лучшее средство против голода и утомления.

— Это так, — отозвался Диагор. — Но вкус этих стручков на редкость колючий и острый, хотя их зерна гладкие и круглые.

— Ты говоришь: вкус колючий и острый? — переспросил Демокрит.

— Да, так говорят, но говорят неправильно, — поправился Диагор. — Вкус не иголка — он не может быть ни колючим, ни острым.

— Нет, в этом ты неправ, — возразил Демокрит. — Возьми ветку колючего терновника и заверни ее в самую тонкую, гладкую материю — разве ты не почувствуешь уколов?

— Да, я их почувствую сквозь материю.

— Так и со стручками. Гладкое на вид зерно состоит из мельчайших частиц — атомов. Каждый атом — колючий и острый, и он невидимо для нас колет наш язык. Так что вкус

действительно может быть колючим и острым.

За разговорами путь казался короче и легче. Однако к вечеру Деркетто уже еле передвигала ноги. Диагору было больно смотреть на нее, но он ничем не мог помочь девушке.

Но вот уже перед ними на другом берегу Евфрата вдалеке раскинулся большой и богатый город — Харманда.

Выбившиеся из сил, изголодавшиеся путники осматривали реку, но нигде не видно было ни одного моста. Как же переправиться на другой берег? Хоть река была и не такой широкой, примерно в стадий, но вброд перейти ее или переплыть они не решались.

Так они стояли в нерешительности и вдруг увидели какие-то странные круглые черные предметы. Это было нечто вроде двух гигантских ватрушек из кожи, наполненных сеном. Вскоре появились и обладатели этих ватрушек — полураздетые загорелые мужчины. Они оказались перевозчиками, а «ватрушки» — своеобразными лодками.

В каждую такую лодку, кроме ее хозяина, поместилось два человека. Отверстие «ватрушки» стянули веревкой так, что снаружи оставались только головы пассажиров, да руки гребца, просунутые в специальные отверстия.

Таким удивительным способом наши путешественники переправились через Евфрат и достигли Харманды. Они продвигались по окраине города среди глинобитных домиков с плоскими крышами.

Не будем рассказывать, как добрались они до большого шумного рынка, заваленного фруктами и всякой снедью, как закупили они фиников, вина, лепешек, хлеба из проса и даже мяса степных птиц, которое стоило очень дорого, как расположились на заезжем дворе и устроили пир горой, опасаясь, однако, объесться после трехдневной голодовки.

ВОЛШЕБНЫЙ ФИРМАН

Основательно отдохнув, они стали обсуждать план дальнейших действий.

Левкипп находил, что теперь нет уже никакого смысла скрываться и пришло время воспользоваться фирманом.

Так они и сделали: отправились к начальнику города — баллену. Левкипп предъявил ему фирман, сочинив тут же, что он путешествует со своими слугами, но подвергся нападению разбойников, забравших у них лошадей и имущество. Все это выглядело весьма правдоподобно: одежда путешественников, их измученный вид свидетельствовали о пережитом, а учтивые манеры и образованность Левкиппа очаровали баллена. Особенно сильное впечатление на него произвел царский фирман. Градоначальник предложил Левкиппу и его слугам свой дворец для отдыха и устроил для них пышный обед.

Во время обеда Левкиппа поразило, что все слуги были грустными. Сам баллен был в траурной одежде. Волосы на голове у него были нечесаны, на глазах то и дело показывались слезы. Левкипп спросил, почему баллен, несмотря на постигшее его несчастье, все-таки принимает гостей?

— Таков обычай, — сказал баллен, — долг гостеприимства — прежде всего. Узнав, что Левкипп известный греческий мудрец, а его ученик Демокрит изучал в Греции медицину, баллен очень обрадовался и повел обоих гостей во внутреннюю часть дворца. Там покоилась на ложе женщина изумительной красоты.

— Это моя любимая жена, — сказал баллен, — вчера она умерла, а мне все кажется, что она вот-вот проснется. Посмотрите, она совсем как живая, и я уверен, что искусный врач мог бы ее оживить. Сделай это, Демокрит, и я ничего не пожалею, чтобы вознаградить тебя.

Демокрит наотрез отказался, говоря, что не умеет воскрешать мертвых, но баллен настаивал. Тогда Демокрит сказал:

— Хорошо, я попробую воскресить ее, но для этого надо написать на ее покрывале имена трех человек, которые не испытali в жизни никаких огорчений.

Баллен в восторге от обещания Демокрита тотчас разослал по городу гонцов, чтобы те привели жителей, никогда не испытавших никаких огорчений. Вскоре привели несколько человек, но, когда Демокрит стал их расспрашивать, оказалось, что у каждого из них в жизни было горе. Так ни одного имени и не удалось написать на покрывале умершей.

— Вот видишь, — сказал Демокрит, — жизнь любого

человека, если только он не занимается наукой, достойна сострадания. Жизнь похожа на ночной караул воина: стоишь всю ночь дрожа от холода, а наутро уступаешь свое место другому. Как же хочешь ты, один из всех людей, прожить всю жизнь без горя?

Мудрость Демокрита смутила баллена. Через несколько дней он снабдил путников одеждой, провизией, деньгами и предоставил им удобную повозку, запряженную сильными породистыми лошадьми. Напутствуемые любезными пожеланиями, беглецы отправились в дальнейший путь, расположившись на подушках в повозке.

На следующий день, в самую жару, путешественники остановились на берегу Евфрата, который здесь особенно близко подходил к дороге. Демокрит предложил всем выкупаться. Левкипп и Диагор с радостью поддержали его. Они с наслаждением плескались и плавали в прохладной воде, только Деркетто не купалась и сидела поодаль на берегу.

Течение Евфрата медленное, глубина небольшая, во многих местах реку можно перейти вброд, но были в ней опасные водовороты и омуты, и нужно было быть хорошим и опытным пловцом, чтобы справиться с коварством реки.

Беспечный Диагор заплыл по течению дальше других и вдруг ушел с головой под воду. Левкипп и Демокрит, купаясь, увлеклись ученым разговором. Только Деркетто, которая сидела на берегу, увидев, что с Диагором что-то произошло, не раздумывая долго, бросилась ему на помощь. Сначала водоворот подхватил и ее, но вскоре вынырнули две головы: Деркетто тащила нахлебавшегося воды Диагора за волосы.

Почувствовав, что теряет силы, Деркетто громко закричала. Тут только Левкипп и Демокрит увидели, что случилось, и вытащили обоих на берег.

Диагор скоро пришел в себя, а Деркетто в мокрой одежде, с распустившимися волосами стояла над ним, не помня себя от страха за любимого. Демокрит и Левкипп были в восхищении от храбрости и преданности девушки. Диагор был очень смущен, узнав, что именно Деркетто спасла ему жизнь.

Обсушившись и одевшись, они снова двинулись в путь и поздним вечером остановились на ночлег, выпрягли лошадей, поели.

Левкипп с Демокритом и Диагором уселись под открытым небом. Деркетто уже крепко спала в повозке.

Разговор, который зашел у Левкиппа с Демокритом, очень взволновал Диагора.

— Не правда ли, Демокрит, Деркетто — чудесная девушка? На

месте Диагора я был бы на седьмом небе.

— Как тебе сказать — я не люблю женщин. Деркетто нравится мне больше других — она мало говорит. Нет ничего ужаснее болтливой женщины. В искусстве злословья им нет равных, но Деркетто, кажется, скромна и незлобива. Заслуживает похвалы и простота ее наряда.

— Она к тому же и красива. Из нее вышла бы хорошая жена.

— Всякая жена есть зло, — отвечал Демокрит. — Женщина всегда умеет подчинить себе мужа, даже если он выше ее во всех отношениях. Не редкость, что владыки целых государств пресмыкаются, как рабы, перед женщиной.

— Так ты решительный противник брака? Но ведь дети... Сколько радости доставляют они человеку?

— Но не меньше и горя. Сколько нужно труда, забот и борьбы, чтобы вырастить хороших детей. Если же они окажутся дурными, то для родителей это страдание несравнимо ни с какими другими.

— По-твоему, человек должен умереть в одиночестве?

— Если человек посвятил себя науке и философским размышлениям, то одиночество ему необходимо. А если уж хочешь иметь ребенка, то выбери, какой тебе нужен, и усынови его. Ребенок же, рожденный твоей женой, может оказаться неудачным, и тогда придется довольствоваться таким, какой родился.

— Как всегда, ты слишком мудришь, Демокрит. По-моему, естествоиспытатель должен исходить из законов природы, а не из выдуманных правил. Но Диагору, я надеюсь, ты не будешь навязывать свои мнения. Неужели ты не позволишь ему жениться на Деркетто?

— О нет, — сказал Демокрит, — то, что хорошо для философа, не обязательно для других людей. Я не буду мешать ему, если он захочет жениться, и отпущу его на свободу. Ведь он раб только по закону. Родился он в свободном греческом городе, с детства занимался поэзией и наукой. От природы он свободный человек, а законы природы я, как и ты, уважаю больше человеческих установлений.

Диагор с волнением слушал речь Демокрита. Многие изменилось в его намерениях за время путешествия. Вначале он мечтал только об одном — избавиться от своего хозяина, стать снова свободным человеком; он готов был даже шпионить за Демокритом, лишь бы добиться этого. Деркетто еще недавно пугала его и раздражала своей преданностью; он думал, что она будет мешать ему добиться долгожданной свободы. А теперь он смотрел на нее другими глазами и совсем не боялся, что она

подчинит его, как предсказывал Демокрит.

В течение нескольких дней путешественники ехали спокойно, останавливаясь только покормить лошадей и отдохнуть. Воздух вокруг был пропитан запахом степной полыни, вечера несли с собой прохладу, встречались стада диких ослов, и только их рев нарушал степную тишину.

Но вот они подъехали к воротам. Ворота эти были проделаны в стене, которая уходила к самому морю, так что объехать ее было невозможно. Пройдя через них, путники подошли к мосту через реку Карс. За рекой оказались другие ворота — киликийские.

Здесь начиналась Киликия, которую уже однажды проезжали Демокрит и Диагор. Киликийский царь — свеннесис — был независимым государем и не считал себя обязанным подчиняться ни сатрапу Вавилона, ни даже самому персидскому царю. Его царство со всех сторон было окружено персидскими владениями, но также и высокой стеной гор, оставлявших незащищенной только долину реки Карс.

Киликийские ворота охранялись тройной стражей. Предъявленный Левкиппом фирман не возымел на нее никакого действия. Отряд стражников отправился сопровождать повозку Левкиппа и его спутников. Так они были доставлены в качестве пленников в столицу свеннесиса — город Таре. В Тарсе Левкиппу и Демокриту было предложено пройти во дворец свеннесиса, а Диагор и Деркетто остались в повозке.

Прочтя фирман, свеннесис пришел в ярость:

— Как смеет кто-либо приказывать мне? Сам Артаксеркс может меня только просить! И почему он так заботится о вас, греках? Скорее всего, вы просто лазутчики и шпионы. Мои люди наведут о вас справки в Вавилоне, а пока вы останетесь здесь! С этими словами свеннесис приказал страже отвести Левкиппа и Демокрита в темницу.

Напрасно Левкипп пытался объяснить, что они не собирались задерживаться ни в этой стране, ни в этом городе. Свеннесис, крайне раздраженный, не стал его слушать. Фирман остался у самолюбивого владыки.

Снова задумались Левкипп и Демокрит: когда посланцы свеннесиса придут в Вавилон, выяснится история их бегства и им не миновать казни. Диагор и Деркетто остались в повозке Левкиппа. Что ожидает их?

Левкипп пытался вступить в переговоры с тюремщиком, предлагая ему отпустить их за большие деньги, но все было напрасно...

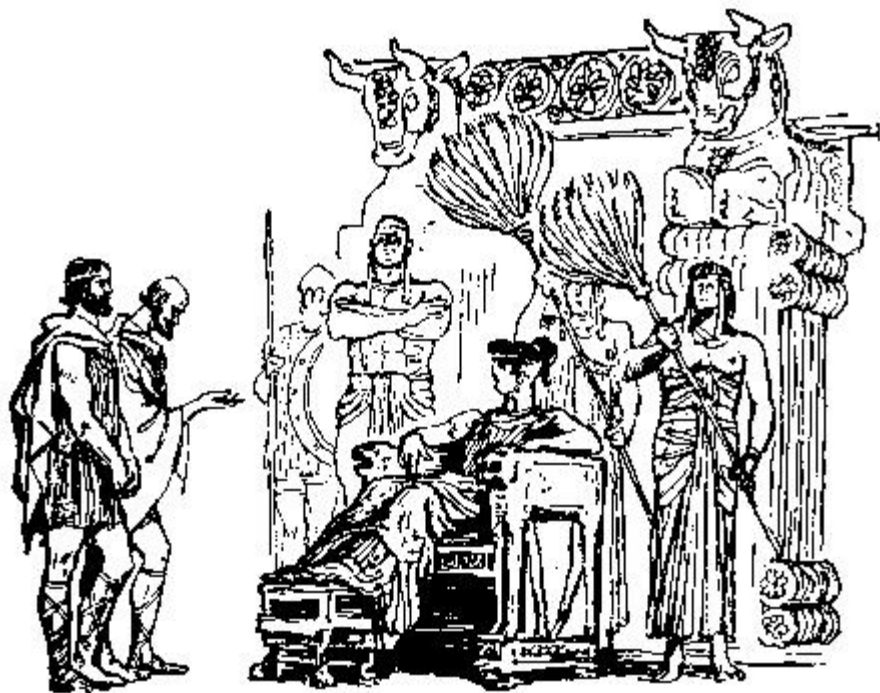
Так провели они в тюрьме три дня, томясь бездействием и

неизвестностью. На четвертый тюремщик открыл дверь темницы и приказал им следовать за собой.

Во дворце их приняла высокая, пышно одетая, немолодая уже женщина. Это была жена свеннесиса Эпиакса. Не в пример другим женщинам своей страны она была образованна и начитанна.

— Свеннесис с войском выступил на северную границу, — сказала она, — в его отсутствие я всегда его заменяю. Как вы сюда попали?

Левкипп и Демокрит рассказали Эпиаксе, кто они и куда направлялись.

Эпиакса внимательно выслушала их и затем спросила:

— Не тот ли ты Левкипп, философ из Милета, которого считают самым мудрым человеком в Греции?

— Да, это я Левкипп из Милета, — отвечал Левкипп, — но думаю, что слава о моей мудрости сильно преувеличена. Вот со мной мой ученик Демокрит, который во многом превзошел меня.

— О нем я ничего не слышала, — сказала Эпиакса, — но в Вавилоне есть один только человек, который в мудрости может сравниться с Левкиппом, — это знаменитый судья Сорах. Ты знаешь его? Верно, и он должен тебя знать, ведь ты получил фирман самого Артаксеркса.

Левкипп отвечал, что не имел случая в Вавилоне состязаться в мудрости с судьей Сорахом и что он только изучал вавилонскую

науку, которую ставит очень высоко.

— Не понимаю, в чем вавилонские халдеи могли тебя превзойти, — презрительно заметила Эпиакса, — ведь они только повторяют ту старинную науку о звездах, которая была создана более тысячи лет тому назад их предками! Но, вероятно, вы обнаружили свою ученость в Вавилоне, если получили покровительство самого царя?

— Нет, — отвечал Левкипп, — на чужбине это опасно. Умные люди, попав в чужую страну, должны скромно и молчаливо изучать мудрость и науку этой страны, сравнивая и сопоставляя ее со своей. Все, что есть там лучшего, они должны заимствовать для того, чтобы увеличить богатства своей мудрости. И только тогда они вправе сделать свою мудрость достоянием других.

— Это мне нравится, — сказала Эпиакса. — Видно, по заслугам оценили в Вавилоне вашу мудрость. Вот что я хочу предложить вам: оставайтесь в Киликии, вы будете окружены почетом и богатством, у нас есть высокая башня для наблюдений за небесными светилами, вы можете без помех отдаваться своим занятиям наукой.

— Это невозможно, госпожа, — отвечал Левкипп, — придется сказать тебе все: я и есть тот самый судья Сорах, о котором ты говорила. Я бежал из Вавилона, и, когда вернется свеннесис и все выяснится, мне несдобровать.

— Прекрасно! — вскричала Эпиакса. — Свеннесис будет рад, что заполучил первого мудреца Вавилона.

— Но он не захочет ссориться с владыкой Персии.

— Не беспокойся, свеннесис не из трусливых, а кроме того, он всегда исполняет мои желания. И на этот раз будет так, как я захочу.

Левкипп и Демокрит с улыбкой переглянулись.

— Чему вы смеетесь? — спросила Эпиакса.

Левкипп отвечал, указывая на Демокрита:

— Моему ученику Демокриту принадлежит изречение: «Есть люди, которые управляют государствами, но ими управляет женщина».

— Что ж, твой ученик Демокрит, несмотря на свою молодость, хорошо знает, что такое женщина! — засмеялась Эпиакса. — Ну как, Левкипп, останешься у меня?

— А что, если меня не соблазнят твои обещания и я решу продолжать путь в Грецию?

— Тогда оставайтесь в темнице, ждите возвращения свеннесиса и не рассчитывайте на мою помощь.

— Отпустишь ли ты, по крайней мере, моих друзей?

— В этом не сомневайся, Левкипп: если ты останешься,

остальные получают фирман и беспрепятственно отправятся дальше.

— Тогда мне не остается ничего другого. Покинь меня, Демокрит, быть может, когда-нибудь нам все же удастся снова свидеться.

Демокрит с тоской произнес:

— Дорогой учитель! Ты уже был однажды насильственно лишен родины, теперь, когда надежда вернуться уже так близка к осуществлению, несчастья снова преследуют тебя. Позволь мне разделить на этот раз твою участь.

— Зачем ты говоришь о несчастьях, Демокрит? — сказала Эпиакса. — Я не так жестока — пройдет несколько лет, и Левкипп тоже вернется на родину. И, право же, он не пожалеет о времени, проведенном здесь.

После того как Левкипп, желая скорее выручить своих друзей, объявил о своей готовности остаться в Киликии, ему было разрешено попрощаться с ними.

Диагор и Деркетос все это время жили вместе с челядью свеннесиса. Их хорошо кормили, только на все их вопросы о судьбе Левкиппа и Демокрита ничего не отвечали. Необычайно радостной была их встреча, но, узнав о том, какой ценой была куплена их свобода, они очень опечалились.

Диагор прослезился и сказал:

— Твоя судьба, Демокрит, мало чем отличается от судьбы Одиссея. Он всю жизнь бродил по свету и подвергался опасностям, а вернувшись домой, увидел свой дом разоренным, а сына — преследуемым женихами матери. Так и ты потратил столько времени и труда, чтобы вернуть себе Левкиппа, а лишаешься его и должен быть благодарен судьбе, что хоть сам остался жив и находишься на свободе.

— Нет, — возразил Левкипп, — ты напрасно сравниваешь судьбу Демокрита с судьбой Одиссея. Тот ведь был ничуть не лучше финикийских торговцев: странствуя, он стремился набрать как можно больше сокровищ — золота и серебра. А Демокрит собрал множество гораздо более ценных сокровищ — знания и наблюдения над природой и жизнью людей. Какое значение имеет по сравнению с этим разлука со старым другом и учителем?

Демокрит ответил на это:

— Нет, я не верю, что мы расстанемся навсегда. В истории уже были подобные случаи, и они кончались благополучно. Вот послушайте, друзья, что было с врачом Демокёдом из города Кротона в Италии.

Однажды персидский царь Дарий отправился поохотиться на

диких зверей. И на охоте вывихнул себе ногу. Нога сильно разболелась. Дарий обратился к прославленным и искусным в своем деле египетским врачам за помощью. Те пытались вправить больному ногу, но только повредили ее еще больше. После этого Дарий семь дней и семь ночей не сомкнул глаз от страшной боли. На восьмой день один из придворных сообщил царю, что среди царских рабов находится знаменитый греческий врач Демокед. Дарий велел привести его как можно скорее. Демокеда нашли в толпе рабов совершенно забытого, голодного, оборванного и прямо з оковах привели к царю. Запуганный Демокед долго не сознавался в том, что он врач. Он боялся больше всего, что его уже никогда не отпустят на родину. Но когда царь велел принести плети и палки, он вынужден был признаться. И пришлось ему взяться за лечение. Применяв греческие лекарства, Демокед облегчил страдания Дария, а вскоре и совсем вылечил его. Царь был очень доволен новым врачом, наградил его богатой одеждой и послал к своим женам. Царские жены, узнав, что Демокед вылечил их владыку, приняли его с почетом, каждая из них зачерпнула чашкой золота из своего сундука и подарила его Демокеду. Золота было столько, что слуга, шедший за Демокедом и подбиравший золотые монеты, нечаянно падавшие мимо чашки, собрал их целую груду.

Демокед купил себе в Сузах, столице Персии, роскошный дом, пил и ел за царским столом и мог делать все, что ему вздумается, кроме одного: ему было строжайше запрещено и думать о возвращении на родину.

— Но он не остался в Персии? — спросил Диагор.

— Для того, кому родина дороже всего, все ветры попутные. Его полюбила жена Дария Атосса, и с ее помощью, обманув царя, Демокед вернулся в Грецию.

ПРЕДАТЕЛЬ

После этого все сердечно распрощались с Левкиппом, выражая надежду на скорое свидание в Греции, и отправились в путь.

Возвращались они совсем другой дорогой, делавшей крюк на север, к реке Галису. Открывшаяся перед ними местность была совсем иной, чем долина Евфрата. Восточная Киликия представляла собой ярко-зеленую, цветущую равнину, покрытую садами, тучными нивами, полями сезама, из которого делают масло, проса и шафрана — растения, из которого приготавливают и приправу к кушаньям, и желтую краску.

Эта долина была перерезана небольшими холмами, поросшими виноградом и покрытыми оливковыми рощами. С севера и запада вдалеке высились огромные вершины гор.

Дорога начала понемногу подниматься к предгорьям Тавра. Теперь вместо полей и садов путники увидели плотную стену елей и кедров. Из этих толстых и высоких стволов свеннесис построил свой отличный флот.

На остановках к повозке подбегали киликийцы и предлагали красивую материю с длинным ворсом, которую они с большим мастерством умели выделывать из козьей шерсти, искусно вытканые шерстяные накидки, вяленое козье мясо и другие продукты, которыми путешественники охотно пополняли свои запасы.

Дорога поднималась все выше и выше. Скоро леса сменились горными лугами. И, наконец, миновав туманный, сплошь покрытый клубящимися облаками перевал, путники стали спускаться в ущелье, на дне которого шумела горная река. Они миновали узкий проход между отвесных скал — рядом бурлил поток — и очутились в Каппадокии, снова попав во владения персидского царя. На северном склоне Тавра вдалеке показался большой укрепленный город — Тиана.

Здесь Демокрит и его спутники расположились на заезжем дворе, отдохнули и отправились осматривать город и его окрестности. Побродив вдоволь по городу, они вышли к прекрасному Асмабейскому озеру, на берегу которого стоял старинный храм Зевса Асмабейского. Храм славился своими оракулами. Совершив установленные местными обычаями обряды, путники вошли в храм, и Деркетос спросила оракула, что их ожидает в дальнейшем путешествии.

Ответ оракула гласил:

Много изведав трудов и обид и тяжелых лишений,
В город родной после мук наконец вы счастливо
вернетесь.

Обрадованные этим предсказанием, они решили окунуться в целебные воды горячего источника, которыми также славился этот храм.

В Каппадокии фирман Левкиппа снова получил свою силу. И путешественники ехали спокойно в течение десяти дней до переправы через реку Галис. Голая каменистая почва была покрыта жалкой растительностью, сухой колючей травой и низкорослым безобразным кустарником. Параллельно дороге с юга на север тянулся горный хребет, постепенно понижавшийся к северу. Дальше пошли сочные пастбища, на которых паслись тучные стада, главное богатство Каппадокии наряду с драгоценными камнями, которые добывались в горах.

На остановках местные жители предлагали еду, а также драгоценные камни: оникс и горный хрусталь. Больше всего понравилось путникам местное мелитейское вино из винограда, покрывавшего склоны гор.

Дорогу нередко пересекали стада диких ослов и диких лошадей какой-то особенной, очень красивой породы. Так путники подъехали к переправе через реку Галис. Ни в Греции, ни в Малой Азии не было больших рек, и нашим путешественникам она показалась огромной. Мост через реку охранялся стражей, к нему можно было проехать только через каменные ворота, рядом находилась крепость. Путешественники предъявили свой фирман, их пропустили беспрепятственно. Переехав через мост, они решили сделать привал на лугу близ реки под тенью большого дерева.

Как всегда на привале, Демокрит рассказывал своим молодым спутникам об истории тех мест, которые они проезжали.

— Река Галис имеет свою интересную историю, — говорил он. — Азия простирается от реки Фасиса^[20] до реки Нила. Фасис отделяет ее от Европы, а Нил от Ливии^[21]. Река Галис служит границей между верхней и нижней Азией. Галис берет свое начало в Армянских горах, описывает в своем течении по Каппадокии большую дугу и впадает в Черное море между Амисом и Синопом. В прежние времена Галис был границей между двумя могущественными царствами: Лидией и Персией. Лидийский царь Крез покорил все греческие города Малой Азии, кроме Милета. Он задумал также покорить и Каппадокию,

принадлежавшую персидскому царю Киру. Перед тем как начать войну с персами, он послал богатые дары в Дельфийский храм богу Аполлону и спрашивал бога, удачной ли будет эта война. Оракул отвечал:

«Если Крез начнет войну с персами, он разрушит огромное царство».

Крез был очень обрадован этим ответом и рассчитывал разрушить царство Кира. Он снова обратился к оракулу и спросил, долго ли он, Крез, будет царствовать. Оракул на это ответил:

«Когда мул воцарится над мидянами, тогда, тщедушный лидиец, беги, не останавливаясь и не стыдись прослыть трусом».

Этому ответу Крез еще больше обрадовался, считая, что мул никогда не может стать царем мидян, и пошел войною на персов. Он подошел вплотную к Галису, но не знал, как переправиться через него — ведь тогда на Галисе еще не было мостов.

В войске Креза находился грек Фалес из Милета, учитель Анаксимандра, который был учителем Анаксимена; Анаксимен же был учителем Левкиппа. Этот Фалес был основателем замечательной науки, которая объясняла все естественными причинами, обходясь без предсказаний богов.

Фалес устроил, что река, протекавшая с левой стороны войска, потекла с правой. Сделал он это так: выше лагеря он велел выкопать глубокий ров, имеющий вид полумесяца, чтобы река, отведенная здесь от своего русла, потекла в ров, обогнула бы лагерь с задней стороны и, обойдя его, снова возвратилась в свое прежнее русло. Когда это было сделано и река разделилась, она обмелела, и ее легко было перейти.

Кир тем временем собрал свое войско, присоединил к нему живущие на пути народы и выступил против Креза. Оба войска сражались с одинаковым мужеством. Но Крез увидел, что войско противника многочисленнее, и отступил к Сардам в ожидании подкреплений.

Суеверные люди рассказывали, что в это время все предместья Сард наполнились змеями, а лошади покидали свои пастбища, шли в предместья и поедали этих змей. Гадатели истолковали это как дурное предзнаменование. Но я думаю, что все это выдумки.

Кир не стал ждать, пока Крез получит подкрепление. Он сам явился к Крезу в Сарды вестником о войне. Крез, однако полагаясь на предсказания оракула, повел лидийцев в битву. В то время не было в Азии народа храбрее и воинственнее лидийцев. Они сражались на лошадях с длинными копьями в руках и были прекрасными всадниками.

Войска встретились под Сардами на большой открытой равнине. Когда Кир увидел перед собой ряды лидийцев, выстроившиеся к бою, он пришел в ужас от лидийской конницы и поступил так: всех верблюдов, которые шли за конницей и были нагружены съестными припасами, он велел собрать вместе, снять с них ношу и посадить на них всадников. Затем он велел им идти впереди остального войска против конницы Креза. Верблюдов Кир поставил против лидийской конницы потому, что лошади боятся верблюдов и не выносят ни их вида, ни запаха.

Лишь только оба войска сошлись, лошади, завидев верблюдов и почуяв их запах, повернули назад. Лидийцы, спешившись, продолжали храбро сражаться с персами, так как были убеждены, что боги покровительствуют Крезу. Только когда с обеих сторон пало множество воинов и перевес явно был на стороне персов, лидийцы обратились в бегство.

Как рассказывают, Крез после этого отправил послов в Дельфы и велел им напомнить о богатых подарках, сделанных им Аполлону, и спросить бога, не стыдно ли ему, что он своими советами толкнул Креза на безнадежную войну, обещая ему разрушение царства Кира.

Оракул на это ответил:

«Бог предсказал, что если Крез перейдет Галис, то он разрушит огромное царство. Если бы Крез был осторожен, он послал бы еще раз спросить, о каком царстве говорит оракул: о царстве Кира или о царстве самого Креза. Не понял Крез и второго предсказания о муле. Под мулом бог подразумевал Кира, ибо как мул происходит от отца—осла и матери—лошади, так и Кир происходит от отца—перса и матери — мидийской царевны. Поэтому он сам во всем виноват».

Лидийцы храбро сражались с персами

После рассказа Демокрита его спутники на протяжении всего пути к Сардам то и дело вспоминали о событиях, которые происходили здесь в давние времена.

Путь от озера Татта до Сард, продолжавшийся двенадцать дней, был довольно однообразным: те же нивы и торговые селения, которые Демокрит и Диагор видели на пути в Вавилон. Единственным событием на этом пути к Сардам была встреча в маленьком городке И псе с человеком средних лет, одежда которого представляла странное сочетание греческого и восточного. То хвастаясь, то униженно прося о помощи, он

рассказал, что он богатый греческий купец из Эфеса, что по дороге его ограбили разбойники: отобрали все товары и деньги. С трудом удалось ему самому спастись. Он умолял довезти его до Сард, где у него есть друзья и где он сможет хорошо отблагодарить их за эту услугу.

Новый знакомец не внушал доверия, но Демокрит решил, что нельзя судить о человеке по внешности, тем более нельзя оставить в беде пострадавшего от злодеев, когда в повозке достаточно места. Дальше они поехали вчетвером. Попутчик оказался очень любопытным, он все выведал у спутников, узнал и про фирман. Когда они подъезжали к Сардам, купец внезапно куда-то исчез.

Он догнал их снова, когда они уже выезжали из города. Купец сообщил, что не нашел в Сардах своих компаньонов — они выехали в Эфес, — и снова умолял довезти его, теперь до Эфеса. Опять пришлось взять его с собой.

Путь до Эфеса продолжался еще два дня. Демокрит и Диагор заметили, что за ними на небольшом расстоянии следуют три всадника, перед Эфесом всадники отстали.

Наконец они в Эфесе, греческом городе.

Здесь повозка остановилась на городском рынке, расположенном близ морской гавани. Купец опять куда-то исчез.

Деркетто посмотрела на небо и сказала:

— Видите на западе небольшую темную тучку? Скоро будет сильный дождь. Мне не раз приходилось в храме предсказывать погоду. Увидите, что это предсказание сбудется.

Путешественники хотели пойти осмотреть город и кое-что купить. Но как ни искал Демокрит сумку, в которой находились остаток денег и фирман, ее не оказалось. Не было сомнения, сумка была похищена мнимым купцом. Через несколько минут появился и он сам в сопровождении трех всадников.

— Вот они! Держите их! — закричал он на весь рынок. — Я грек из Милета, мое имя Левкипп. Вот фирман царя, из которого вы можете убедиться, что я Левкипп и что эта повозка моя. Ею завладели эти негодяи, пока я ходил по делам.

— Вот они! Держите их!..

Демокрит пытался опровергнуть эту наглую ложь. Но в руках мошенника был фирман, и Демокрита никто не стал слушать. А «купец» между тем кричал все громче:

Вот они! Держите их!..

— Прошу вас, граждане Эфеса, задержите этих негодяев и посадите их в тюрьму, пока суд не рассмотрит их преступления. Дела требуют моего отъезда, а когда я вернусь, то сам явлюсь на суд. А вот эти три эфесских гражданина, которых я привез из Сард, могут присягнуть, что так все и есть, как я говорю.

Появился астином^[22] с отрядом воинов и приказал задержать Демокрита и его спутников. Их уже начали вязать, как вдруг Деркетто с воплем выскочила вперед:

— О богиня, милостивая Милитта, которую греки называют Афродитой! О, справедливая! Прелей дождь на этот нечестивый народ, жители которого поднимают руку на твою жрицу и верят больше грабителям и мошенникам, чем почтенным и мудрым людям! Порази их молнией!

С этими словами Деркетто обнажила правую руку, на которой все увидели татуировку — изображение священного голубя — знак высокого сана жрицы.

Никто не решался схватить исступленную Деркетто. В это время хлынул страшный ливень, засверкали молнии, загрохотал гром. Толпа упала на колени и заголосила:

— О великая богиня Милитта! Смилуйся!

На крик собравшихся прибежали люди с берега, в числе их абдерский корабельщик, приехавший в Эфес по торговым делам. Увидев связанного Демокрита, он закричал:

— Что вы делаете? Это Демокрит, ученый и знатный человек, сын нашего покойного архонта Дамасиппа!

Некоторые бросились ловить мнимого Левкиппа, но он, воспользовавшись общим замешательством, пытался незаметно ускользнуть. Тогда астином отдал распоряжение своим воинам задержать обманщика, который своим бегством сам изобличил

себя. Но при обыске у него не оказалось ни фирмана, ни денег — он успел их передать своим сообщникам. Хотели задержать и лжесвидетелей, но им в суматохе удалось уже скрыться вместе с повозкой.

Так Демокрит и его спутники избежали опасности, но остались без денег. Проезд на корабле по Эгейскому морю из Эфеса в Абдеры стоил дорого, а заплатить уже было нечем.

Наши путники стали придумывать, как бы им заработать денег на проезд, но тут к ним подошел абдерский корабельщик и сказал Демокриту:

— Не беспокойся ни о чем! Я привезу тебя и твоих спутников в Абдеры, а там сочтемся.

Демокриту ничего другого не оставалось, как поблагодарить своего соотечественника. Абдерит снабдил их едой на дорогу и усадил на парусный торговый корабль, отправлявшийся в Абдеры...

ЧЕРЕПАХА СВАЛИЛАСЬ С НЕБА

Прошло три года. Гиппократ давно вернулся с Крита и продолжал лечить больных на Косе.

Однажды к нему приехали люди из Абдер, члены совета этого города. Они рассказали, что славный мудрец Демокрит возвратился на родину, но ведет себя как-то странно. Богатый и ни в чем не нуждающийся, он для чего-то сначала пустился в далекое и опасное путешествие. И добро бы, если б он еще взял с собой товары, но он ничем не торговал, потратил уйму денег и только и делал, что все осматривал, расспрашивал людей и разговаривал с ними. Он растратил большую часть отцовского наследства и, вернувшись, не занимается ничем путным, а целый день сидит у себя в саду, вскрывает трупы животных и пишет какие-то странные сочинения.

— Теперь, — рассказывали они, — Демокрит оказался в неприятном положении. Его родственники обвинили его в том, что он растратил родовые деньги на никому не нужное путешествие, а родовой участок земли, занятый садом и виноградниками, оставил без присмотра. Его цветущая усадьба превратилась в заросли чертополоха и терновника. А по законам Абдер гражданин, совершивший такое преступление, лишается всех прав, изгоняется из страны и даже после смерти не может быть похоронен на своей родине. Однако мы думаем, что к Демокриту нельзя отнестись так сурово: он просто сошел с ума. Кроме тебя, никто его не вылечит от этой болезни. Не мог бы ты поехать в Абдеры вместе с нами? Суд над Демокритом состоится в ближайшее время.

Гиппократ во время встречи на Крите убедился, что Демокрит необыкновенный человек. Как хорошо разбирался он в естествознании, истории, литературе. И какая у него добрая душа: сколько труда тратил он, чтобы разыскать своего пропавшего учителя. Он не мог допустить, чтобы такой человек погиб.

И Гиппократ, оставив своих учеников и поручив лечение больных самым опытным из них, отплыл в Абдеры вместе с членами совета этого города.

Был уже полдень, когда корабль из Коса пристал в абдерской гавани. Гиппократ и его спутники сразу же направились к дому Демокрита. Они не обратили никакого внимания на бедно одетого человека, который сошел с этого же корабля, и продолжали громко обсуждать судьбу Демокрита.

— Вся надежда на тебя, Гиппократ, — говорил один из них.

— Если ты не вылечишь Демокрита, ему угрожает большое несчастье. Ты должен излечить его как можно скорее. Как хорошо, что мы успели, — ведь суд над ним, как нам только что сообщили, состоится сегодня.

Услышав эти слова, незнакомец вздрогнул и уже не отставал от Гиппократ и его спутников.

Демокрит жил за городом. Несколько членов абдерского совета проводили Гиппократ через рыночную площадь и по людным улицам большого и оживленного приморского города на окраину.

Путь к дому Демокрита вел за город к берегу залива. За башней, возвышавшейся над городской стеной, Гиппократ увидел высокий холм, заросший тенистой рощей тополей и платанов. На вершине холма стоял живописный маленький храм, почти закрытый диким виноградом. Гиппократ и абдериты поднялись на этот холм и стали спускаться по платановой аллее.

Они увидели у подножия холма жилище Демокрита и самого философа.

Он сидел на камне в тени платана в простой домашней одежде, бледный, с косматой бородой. На коленях он держал развернутый папирусный свиток, несколько свитков лежало возле. Под навесом рядом с ним были видны туши каких-то животных. Демокрит с увлечением работал. Для того, чтобы писать на папирусе, лежащем у него на коленях, ему приходилось низко наклонять голову. Иногда он переставал писать, вскакивал и останавливался в глубоком раздумье, что-то шепча про себя. Затем он начинал ходить взад и вперед, иногда подходил к навесу, рассматривая внутренности животных, клал их на место и снова в задумчивости садился на камень.

В это время к Демокриту подошла красивая молодая

женщина и подала ему кусок хлеба с сыром. Демокрит, не поднимая головы, взял у нее хлеб из рук и стал его есть, продолжая писать.

Гиппократ, абдериты и вслед за ними незнакомец стали спускаться с холма.

— Однако же у него есть жена или рабыня, которая за ним ухаживает, — сказал Гиппократ. — Он вовсе не запустил свое хозяйство.

— Ничего подобного, — сказал один из абдеритов. — Он и не думает о браке, у него нет ни одного раба. Эта женщина — Деркетто — жена его раба, отпущенного на волю, поэта Диагора. Они живут поблизости, и она приносит Демокриту пищу и заботится о нем. Если бы не она, он давно умер бы с голоду. Ну разве ты не видишь, что он сумасшедший?

— Нет, пока не вижу.

— Да что ты! Какой же человек, если он в своем уме, станет резать животных и часами рассматривать их внутренности, хотя эти животные ни в пищу, ни для гадания по внутренностям не годятся. Кто, как не сумасшедший, станет целые месяцы проводить в одиночестве, не заботясь о пище и не испытывая голода. Демокрит не смотрит за своим виноградником — в нем бродят козы и поедают его, сад и огород сплошь заросли бурьяном.

— Все это еще не говорит о сумасшествии.

— Ах, тебе мало этого! Но Демокрит не признает того, что известно всем людям. Все знают, что дождь посылают людям боги, чтобы рос хлеб. А он заявляет, что дождь происходит от того, что ветер гонит тучи. Если туча наскочит на другую и прорвет ее, из нее льется вода — это и есть дождь. Он говорит, что боги не наказывают людей за дурные дела, что законы не даны людям богами с самого начала мира, а что люди эти законы придумали. И, наконец, он считает, что весь мир состоит из огромной пустоты и мельчайших тел самой различной формы. Он называет их атомами. Все предметы, которые мы видим, по его мнению, только соединения таких телец. Кто, кроме сумасшедшего...

Не успел член совета произнести эти слова, как произошло небывалое событие. Большая черепаха свалилась прямо с неба на лысину говорившего. Удар был так силен, что абдерит грохнулся на землю без чувств.

Остальные не знали, что и думать. Они посмотрели вверх и увидели улетающего огромного орла. Эта птица, как верили греки, была вестником Зевса.

— Такое дело не могло произойти случайно, — решили

абдериты. — Это — знамение, посланное Зевсом.

Один из абдеритов утверждал, что к лежащему нельзя даже прикасаться, — его поразил гнев богов за то, что он кого-то обидел. Грех может перейти на каждого, кто прикоснется к его телу.

Гиппократ наклонился над раненым. Незнакомец, молча наблюдавший всю эту сцену, оторвал полосу от одежды пострадавшего и протянул ее Гиппократу. Гиппократ перевязал рану и обратился к абдеритам:

— Из-за чего бы ни случилось это несчастье, но, если вы не окажете помощи пострадавшему, вас самих постигнет гнев богов. Оставайтесь с ним, а я пойду к Демокриту один.

Когда Гиппократ пришел к Демокриту, тот беседовал с каким-то неизвестным философом в снежно-белой одежде, которая свидетельствовала о том, что он пифагореец. Философ держался важно и говорил с Демокритом с соболезнующей усмешкой.

— Истинный философ не станет изучать природу.

Звери, травы, моря, горы — все, что мы видим, слышим, чувствуем, — все это нам только кажется. Это лишь видения, сны, которые посылают нам бессмертные боги. Внешний мир и тело — это только тюрьма, в которую посажена наша душа, свободная и бестелесная.

Демокрит сердечно поздоровался с Гиппократом и представил ему своего старого знакомого Архиппа. Спор Демокрита с Архиппом продолжался.

— Как, Демокрит? — воскликнул Архипп. — Неужели ты, философ, веришь нашим чувствам — зрению и слуху? Разве ты не знаешь, как они обманчивы? Видишь лодку, плывущую по заливу? Весла ее кажутся переломанными там, где они погружаются в воду. А ведь это обман зрения: ты сам знаешь, что весла эти не сломаны, а целы. А наш слух? Посмотри, вот я бросаю на землю

зерно пшеницы. Слышишь ли ты что-нибудь? Ничего! А если я брошу два зерна? Конечно, тоже ничего: ведь если первое зерно не издает звука при падении и второе не издает звука, то оба вместе падают бесшумно. И три, и четыре зерна тоже. Но вот я бросаю кучу зерен — и мы слышим шум. Откуда же он взялся? Ведь каждое зерно в отдельности не издает звука, а куча состоит из зерен. Все это обман, Демокрит, обман, который посылают нам бессмертные боги. Опусть руку в воду — рука свободно войдет в нее, как и во всякую жидкость. Но наступит зима, и эта вода станет твердой — она превратится в лед. Нагрей ее, и она исчезнет в воздухе, ставши паром. Откуда взялись лед и пар там, где мы видели и чувствовали воду? Все наши чувства обманывают нас, Демокрит, Истину может познать лишь разум, бестелесный дух, данный нам бессмертными богами.

— Итак, Архипп, — засмеялся Демокрит, — ты не веришь нашим чувствам? Ты веришь только бессмертным богам! Но откуда же ты узнал о бессмертных богах? Кто поведал тебе о них?

— Как — кто? — удивился Архипп. — Посмотри на этот холм, на эту рощу, на этот морской залив. Кто создал эти чудеса природы, как не Зевс? А разве ты не бывал в Дельфах, в святилище Аполлона, не слышал чудесных предсказаний, которые всегда сбываются? А разве ты не слышал?..

— погоди, — перебил его Демокрит, — ты хочешь, чтобы я посмотрел куда-то, спрашиваешь меня, слышал ли я... Ты сам говоришь, что нельзя верить зрению и слуху, а о своих бессмертных богах ты, оказывается, узнаешь с помощью слуха и зрения. Выходит, сколько ни ругай чувства, а обойтись без них все-таки нельзя. Право, если бы чувства могли говорить, они сказали бы разуму: «Несчастный разум, все, что ты знаешь, ты узнал от нас, и однако же ты хочешь доказать наше ничтожество. Но, победив нас, ты победишь самого себя». Что же касается меня, то я не спорю: чувства иногда обманывают нас. Конечно, зерно, упав на землю, издает звук, но звук этот слишком слабый, и нашего слуха не хватает на то, чтобы его слышать. А куча зерна издает сильный звук — вот мы его и слышим. Откуда взялся лед или пар из воды? Я думаю, что и вода, и лед, и вообще все на свете состоит из мельчайших частиц — атомов. Частицы эти так малы, что мы их не видим. Но они существуют, а между ними находится пустое пространство. Когда мы охлаждаем воду, атомы приближаются друг к другу — из жидкой воды получается твердый лед. Когда мы нагреваем воду, атомы расходятся — получается легкий пар, незаметный в воздухе. Никаких чудес на свете не бывает — все происходит по точным законам, и людям нечего выдумывать, что все в мире происходит по произволу

Карта путешествий Демокрита.

— Хорошо, Демокрит, — вмешался Гиппократ. — То, что ты говоришь, похоже на правду. Но если ты отрицаешь чудеса, как ты объяснишь такой удивительный случай? Когда я шел к тебе, на голову одного из твоих земляков с неба упала черепаха и разбила ему голову. Как это могло случиться?

— А не было ли поблизости орла?

— Как же, мы видели огромную удаляющуюся птицу.

— Ну, тогда дело объясняется совсем просто. Орлы любят лакомиться черепахами, но, когда черепаха спрячется в свой щит, орлу никак не достать ее оттуда. Как же добраться до черепашого мяса? Орлы придумали такую уловку: они берут в

когти черепаху, упрятавшуюся в свой щит, и взлетают с ней высоко в воздух. Увидя сверху сверкающий на солнце утес, они бросают черепаху вниз. Щит разбивается, и орлы могут лакомиться в свое удовольствие черепашьим мясом. Надо думать, что так было и с моим земляком. Увидя сверху его сверкающий на солнце череп, орел, державший в когтях добычу, принял лысину за утес. Падая со страшной высоты, твердый черепаший щит пробил череп лысого человека.

— Как просто ты все объяснил! — воскликнул восхищенный Гиппократ. — А мне уж стало казаться, что на сей раз без помощи богов или судьбы не обойтись.

— Никакой судьбы нет, — ответил Демокрит. — Люди сами выдумали судьбу, чтобы оправдать свою беспомощность и нерешительность. Все имеет свою причину.

Архипп презрительно засмеялся. Гиппократ задумчиво покачал головой.

— Ну, это уж ты, кажется, преувеличиваешь, — сказал он. — Вот, например, мой сосед был бедняком, но, копая в своем саду яму, чтобы посадить маслину, он нашел целый горшок с золотыми монетами и стал сразу богачом. Неужели же он не обязан судьбе или случаю — называй, как хочешь.

— Ничего подобного! В свое время на вас напали персы. Жители бежали куда глаза глядят. Тащить с собой имущество было тяжело и небезопасно. Поэтому бывший владелец зарыл свое золото в землю. Он сделал это не потому, что такова его судьба, и не случайно, а из-за вторжения врага.

— Согласен, здесь случай ни при чем. Но почему золото досталось моему соседу?

— Опустевшие участки были розданы оставшимся гражданам. Кто-то из них должен был получить и участок, на котором закопано золото. Участки распределяли по какому-то плану, и по этому плану землю получил твой сосед. И здесь случай ни при чем. Наконец, для того чтобы посадить маслину, надо было выкопать глубокую яму. И здесь ни при чем случай. А раз твой сосед копал достаточно глубоко, он не мог не натолкнуться на горшок с золотом.

— Ты прав, Демокрит. Настоящий ученый не может иначе рассуждать. Если бы я в медицине верил в судьбу и во вмешательство богов в человеческие дела, то незачем было бы отыскивать подходящую диету и лекарства, незачем было бы делать операции — достаточно было прошептать заклинание и помолиться богам об излечении. Так действительно лечат жрецы в храмах, но пользы от их лечения нет никакой.

— И ты тоже, Гиппократ, — удивился Архипп, — ты тоже

соглашаешься с этими безбожными речами? Ты тоже видишь великую премудрость в том, чтобы ковыряться в звериных кишках? — И он презрительно указал рукой на вскрытые туши в саду у Демокрита. — Да ведь это не настоящая наука — этим умеют заниматься даже варвары.

— Варвары! — воскликнул Демокрит. — Я не люблю этого глупого слова. Меня с детства обучали восточные мудрецы, а позже я много лет путешествовал по варварским странам, как ты их называешь, Архипп. О мудрости варваров я мог бы рассказать много интересного...

Но разговор Демокрита с Архиппом был неожиданно прерван. Демокрита вызывали на суд.

Архипп попрощался и ушел, а Демокрит с Гиппократом отправились в суд.

На скамьях для судей сидело несколько десятков стариков.

Демокрит с Гиппократом сели на места, отведенные для обвиняемого и его свидетелей. На трибуну поднялся государственный обвинитель.

— Демокрит, — заявил он, — виновен в тяжких преступлениях: он растратил на пустяки родовое имущество, запустил хозяйство, доставшееся ему от отца, и без всякой причины отпустил на волю своего раба, подавая тем самым опасный пример.

— Скажи, Демокрит, раскаиваешься ли ты в совершенном тобой преступлении? — спросил архонт, председательствующий в суде.

— Нет! — ответил Демокрит.

— Вот видите, сограждане! — воскликнул обвинитель. — Он упорствует, друзья его напрасно вызвали врача Гиппократа, который ничем ему не помог.

— Абдериты! — воскликнул Гиппократ. — Мне незачем лечить Демокрита — он не безумец.

— Ах, не безумец! — подхватил обвинитель. — Значит, он отвечает за свои поступки, значит, он тем более виновен во всех своих преступлениях. Либо он здоров — тогда он злодей, либо он неизлечимо болен — тогда он все равно опасен для государства. Приговорите же его к изгнанию из Абдер, граждане абдериты!

Тогда архонт обратился к Демокриту: что он может сказать в свое оправдание?

— Я мог бы многое сказать, сограждане, — отвечал Демокрит. — Я мог бы сказать, что истратил отцовские деньги не зря, что во время дальних путешествий я все время работал для славы моей родины. Я написал книгу «Большой Мирострой», которая прославит наше государство. Я могу прочитав вам из нее хотя бы такие слова: «Дело государственное необходимо считать много более важным, чем все прочие: каждый должен стараться, чтобы его государство было хорошо устроено, не захватывая большей власти, чем это полезно для общего дела. Государство, идущее к намеченной высокой цели по верному пути, — величайшая опора для граждан. Все заключено в нем: пока государство в благополучии, и граждане в благополучии; когда оно гибнет, гибнут и граждане. Бедность в демократическом государстве надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в деспотическом государстве настолько же, насколько свобода лучше рабства...

Демокрит растерянно посмотрел на судей. Двое закрыли глаза и дремали на скамьях, тихий храп доносился оттуда. Третий что-то рассказывал на ухо своему соседу. Еще один презрительно пожимал плечами...

«Да их нисколько не интересует ни сам Демокрит, ни его книга, а до науки им вовсе нет никакого дела», — подумал

Гиппократ.

— Погодите, судьи! — неожиданно раздался голос со скамей зрителей.

Гиппократ обернулся. С удивлением увидел он приехавшего с ним на корабле незнакомца, который теперь смело обращался к судьям.

Незнакомец отбросил плащ, прикрывавший его голову, показалась седая клочковатая борода. Все повернулись в его сторону.

— Неужели опять он? — слышались удивленные вопросы.

— Как изменился! Совсем седой!

— Нет, это не он, конечно, не он! Того уже давно нет в живых. Рассказывали, что он погиб при страшном кораблекрушении.

— Вы меня не знаете, судьи, — заговорил незнакомец, — но в Вавилоне хорошо помнят мудрого судью Сораха. Так звали меня в этом городе. Не один год разбирал я споры, восстанавливая справедливость.

— Вот видишь, — услышал Гиппократ чей-то возбужденный голос, — хюворил я, что это не он. Это какой-то вавилонянин. Но почему он так похож на грека?

— Все, кто побывал в Вавилонии, — продолжал незнакомец, — слышали, наверно, о судье Сорахе. Я не только карал виновных, но предупредил немало преступлений и несчастий. Вот и сейчас я должен открыть вам страшную тайну. Слушайте внимательно мои слова: от них зависит ваше благополучие.

Знаете, за что боги наказали вашего согражданина, того лысого старца, который больше всех бранил Демокрита? Еще сегодня утром он всенародно называл его сумасшедшим, требовал изгнать из города и призывал на его голову все кары небесные. И что же? Тотчас появилась птица Зевса — орел, и воля царя богов исполнилась. С разбитой головой, обливаясь кровью, упал старец на землю. Кара, которую он призывал на голову Демокрита, обратилась на него самого, ибо он забыл, что боги всегда покровительствуют мудрецам.

Вспомните об этом, судьи, прежде чем вы вынесете решение. А впрочем, можете и не обращать внимание на мои слова. Предайте проклятию Демокрита, лишите его имущества, изгоните из Абдер. Видите того орла, парящего там у горизонта. Вот он повернул и летит сюда. Ближе... Ближе... Сейчас он покажет вам, на чьей стороне боги!..

— Остановись, чужеземец! — закричал один из судей, старик без единого волоса на голове. — Не произноси такие слова, ты можешь накликать беду... Я не сомневаюсь в мудрости абдерских судей: они наверняка оправдают Демокрита.

И Демокрит был оправдан.

Когда Гиппократ выходил из суда вместе с Сорахом, к ним подбежал Демокрит.

Гиппократ хотел поздравить его со счастливым исходом дела, но Демокрит как будто и не заметил его. Он бросился к чужеземцу.

— Левкипп! — закричал он на всю площадь. — Как я рад, что ты снова с нами!

— Да, — сказал старый учитель, — как видишь, я вернулся вовремя!

— Но что за странную речь произнес ты на суде! — взволнованно продолжал Демокрит. — Неужели ты отказался от своих взглядов? Ты же никогда не верил в чудеса! Любой случай ты умел объяснить законами природы. Что же с тобой случилось?

Левкипп радостно глядел на размахивавшего руками Демокрита.

— Ты все такой же горячий, — с улыбкой произнес он, отводя ученика в сторону. — Нисколько не изменился. Мысли и взгляды интересуют тебя больше, чем судьба друзей, больше даже, чем собственные беды. К несчастью, далеко не все люди таковы. Что можно было объяснить этим закосневшим в предрассудках судьям. Их ничем не проймешь! Наше учение не для таких людей, и зря ты рассказывал им на суде про свою книгу. Пусть эту книгу прочтут любознательные и пытливые, те, кто будет жить после нас. Пусть узнают они из нее, что в Элладе жили люди, которые не верили ни в судьбу, ни в бессмертных богов, а признавали лишь бесконечный мир, состоящий из атомов и пустоты.

Пойдемте, друзья, нам о многом еще надо поговорить.

КАК МЫ "ВАРИЛИ" ЭТУ КНИГУ

Эта книга — химический сплав. Во-первых, в ней сплавлены вместе три писателя Древней Греции. Во-вторых, в ней сплавлен труд двух теперешних авторов — М. Н. Ботвинника и С. Я. Лурье.

А дело было так.

В свободное от научной работы время я пишу детские книги, в которых в доступном виде стараюсь изложить результаты моей научной работы. Так, в Детгизе вышли три моих книги: «Письмо греческого мальчика», «Заговорившие таблички», «Неугомонный».

И на этот раз я явился в издательство и предложил книгу о путешествиях знаменитого греческого историка Геродота. Мое предложение не приняли — Геродот замысловатый и двусмысленный писатель. О нем много спорят. Детям надо что-нибудь ясное и определенное. Как ни интересна античная география, но такая книга не пойдет.

Через некоторое время я пришел в издательство с другим предложением.

— Я всю жизнь занимаюсь философией Демокрита, — сказал я редактору. — Демокрит — основатель научного материализма, считавший, что все происходит по естественным причинам, без вмешательства богов. По его учению, весь мир состоит из атомов и пустоты. Демокрит, кроме того, автор красивых нравоучительных изречений. Неужели детям не надо такой книги?

— Это все хорошо для учебника, — сказали мне в редакции. — Но для развлечения и отдыха никто такой книги читать не станет. Это же скучно и уныло!..

— Но Демокрит много путешествовал. Он был в Египте, где учился математике, и доплыл до истоков Нила. Он видел Вавилон. Разве это не интересно?

— Это было бы интересно, если бы мы знали какие-нибудь подробности об этих путешествиях. А простое перечисление — одна тоска!

Уйдя из редакции, я стал думать, почему же я все-таки так живо представляю себе эти путешествия Демокрита. И я вспомнил: Демокрит путешествовал по Египту тем же путем, что незадолго до него и Геродот, который подробно и живо рассказал нам об этом путешествии. Тот же Геродот дал подробное описание Вавилона...

Как путешествовал Демокрит от побережья Эгейского моря до Вавилона, тоже нетрудно себе представить. Ведь немногим позже Демокрита этот же путь подробно описал Ксенофонт в своем

«Анабасисе».

А что, если все это соединить вместе? Если сюда добавить еще приключения и романтические истории, взятые из греческих романов?

И мы с М. Н. Ботвинником принялись «плавить» и «варить» новую книгу и — худо ли, хорошо ли — «сварили» ее.

А что из этого получилось, — об этом судите сами и обязательно нам напишите.

С. Я. Лурье

notes

Примечания

Мифического певца Орфея греки считали изобретателем стихосложения. Он же первый научился петь стихи, очаровывая своим пением не только людей, но и диких животных. Греки рассказывали, что, желая выручить свою жену из царства мертвых, Орфей усмирил своей музыкой грозных стражей, спустился в преисподнюю и вернулся на землю. В Греции возникла особая религия почитателей Орфея — орфиков, веривших в возможность для праведников вернуться к жизни после смерти. Знаменитый математик XI в. до н. э. Пифагор и его последователи — пифагорейцы проповедовали возможность бессмертия и утверждали, что души умерших вселяются в зверей. Поэтому пифагорейцы не ели мяса и питались только растительной пищей.

С греческим поэтом Арионом (VII-VI вв. до н. э.) связано предание, что он однажды был спасен дельфином. Случилось это, когда Арион плыл из Италии с большими богатствами, а корабельщики задумали ограбить его и убить. Арион попросил у них разрешения спеть в последний раз перед смертью. Окончив петь, Арион сам бросился в море, но был спасен и доставлен на родину дельфином, который, слушая Ариона, полюбил поэта за его пение.

Стадий — греческая мера длины, равнялась приблизительно одной шестой километра.

Маги — персидские жрецы. Жителей величайшего культурного центра Передней Азии Вавилона в I тысячелетии до н. э. называли халдеями. Так как ученые вавилоняне намного превосходили остальных жителей Востока своими знаниями, халдеями в древности стали называть мудрецов независимо от национальности.

Гимнасий — площадка для занятий спортом, находилась обычно на окраине древнегреческого города. Здесь же собирались ученые и их ученики для философских и политических собеседований. Отсюда происходит дореволюционное название школ в России — гимназии.

Архонтами в Греции назывались высшие должностные лица. Каждый год народ избирал нескольких архонтов, которые совместно управляли государством.

Египетский бог мудрости Тот считался покровителем путников и торговцев. У греков торговле покровительствовал Гермес.

Локоть — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 50 сантиметрам.

Прекрасная девушка Ио, одна из жен царя богов Зевса, была превращена, согласно мифу, в корову. Спасаясь от гнева богини Геры, она переплыла море, названное по ее имени Ионическим, и скрылась в Египте, где Зевс вернул ей человеческий образ. Греки считали Ио божественной и изображали в виде прекрасной белоснежной коровы.

Лесного бога Пана греки изображали человеком, заросшим волосами, с козлиными ногами и маленькими рожками.

Греческий фут равнялся примерно 30 сантиметрам.

Элефантина (Слоновый остров) был южной границей Египта. Остров расположен у первого нильского порога, там, где сейчас Асуанская плотина.

Аидом, или адом, древние греки называли царство мертвых — место, где обитали тени умерших. Первоначально они считали, что все умершие находятся там в одинаково печальном положении, впоследствии под влиянием египетской религии появилось представление, что покорные законам праведники получают после смерти блаженство, а грешники и бунтари будут наказаны. Это представление было выгодно угнетателям, и поэтому они поддерживали и распространяли учение о загробном воздаянии.

Книга «О том, что в Аиде» упоминается в числе произведений Демокрита, но до нас она не дошла. Враждебные Демокриту пифагорейцы и их последователи уничтожили почти все произведения абдерского мудреца. Из этой книги сохранилось только несколько фраз.

Плефр — около 30 метров.

Ксенами назывались люди, жившие в разных государствах и заключившие между собой союз гостеприимства и взаимной помощи.

Бэл (баал) — означает господин. Так называли вавилоняне своего верховного бога Мардука; это название заимствовали у них греки.

Около двух тонн.

Тысяча талантов — примерно 3 миллиона рублей.

Ныне: Рион.

Ливией древние греки называли Африку.

Астином — смотритель города.